ПИОНЕР

МАЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1954 год.

5

ПЕРВОМАЙСКИЙ САЛЮТ

Из окна смотрю я на большую,
Праздничную, светлую Москву.
Огоньков цепочку золотую
Вижу я на Устинском мосту.

Вечер опустился над столицей,
Ввысь летят огни цветных ракет,
Словно перья сказочной жар-птицы,
Словно яркий, огненный букет.

Золотые, алые бутоны
Расцветают ярки и легки,
Отражаясь, незаметно тонут
В тёмной глубине Москвы-реки.

Лена Руднева,
город Москва.

МЕЧТА

Я хотел бы геологом стать,
Я хотел бы пойти туда,
Где стеною стоит тайга,
Где ещё человечья нога
Не ступала на мох никогда,
И руду в тайге отыскать.

Знаю я: руда там лежит
И каменный уголь есть.
Много, много залежей там —
По глухой тайге и горам.
Ведь богатств природы не счесть!
Но природа их сторожит.

Я с киркой и лопатой пойду
В глубину суровых хребтов.
Я скажу: «Тайга, покорись!
Я хозяин здесь! Расступись!»
И войду под её покров
И руду и уголь найду.

И воздвигнется город там,
Побегут поезда с рудой,
И заводы в тайге задымят,
И отступит тайга, но клад
Захватить не сможет с собой:
Этот клад достанется нам.

Наша Родина станет сильней...
Для того, чтоб её укреплять,
И хочу я в тайгу пойти,
Там руду и уголь найти.
Я хочу геологом стать,
И нет ярче мечты моей!

Юра Смышляев,
город Уржум, Кировской области

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

№ 5 май 1954 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ЮНЫМ ЛЕНИНЦАМ

23 мая 1954 года исполняется тридцать лет с того дня, как пионерской организации было присвоено имя Владимира Ильича Ленина. Три десятилетия назад в ясный майский день пионерские отряды Москвы вышли на Красную площадь и перед Мавзолеем Ленина дали клятву быть верными делу рабочего класса, делу революции, делу коммунизма.

Все эти годы руководителем, старшим товарищем пионеров был комсомол. Вот и недавно на XII съезде комсомол обсуждал вопрос, как работать юным ленинцам.

Редакция попросила делегатов съезда рассказать, какими бы они хотели видеть пионеров. Вот что делегаты съезда говорят вам, ребята.

Дорогие ребята! Все вы помните день, когда вожатый повязал вам красный галстук и вы впервые заняли место в пионерском строю. Вспоминается и мне — комсомольцу — тот день, когда в маленькой сельской школе перед лицом своих товарищей я давал торжественную пионерскую клятву. Миллионы пионеров, став комсомольцами, хранят светлое воспоминание об этом дне своей жизни.

Слово «пионер» значит: человек, открывающий новые пути, показывающий пример другим. В старину так называли солдат-сапёров, которые шли впереди, прокладывая дорогу войскам. Вступив в комсомол, юноши и девушки не перестают быть пионерами. Ведь у каждого поколения комсомольцев были свои славные дела. Одни строили город Комсомольск в непроходимой тайге на Амуре, другие — заводы в голой степи, третьи покоряли Арктику, жили на полярных зимовках, Северным морским путём вели корабли среди льдов.

А сейчас, в наше время, целая армия комсомольцев отправилась на Алтай, в Казахстан, Сибирь и в Поволжье — поднимать целинные степи, распахивать земли, которые ещё ни разу не разрезал лемех плуга.

Едут туда комсомольцы с больших заводов, из колхозов и совхозов, из сёл и городов всего Союза. Из Жердевской МТС Тамбовской области отправилась целиком вся наша комсомольско-молодёжная бригада трактористов.

Нас шестнадцать человек. Самый молодой в бригаде — прицепщик Володя Коптяев, бывший воспитанник детского дома, родился в 1939 году. Ему пятнадцать лет. совсем недавно ещё он носил пионерский галстук. Но, выходит, не только Володя, а и другие трактористы нашей бригады,

начав поднимать целину, снова стали пионерами.

Нам будет нелегко победить эту землю, но никого это не пугает. Наоборот, когда мы приехали в областной центр, в Павлодар, нам сказали в обкоме партии:

— Вот три МТС, вы можете поехать в любую. Одна у нас — на первом месте, другая — средняя, а в третьей — дела хуже всего. Выбирайте.

И бригада вся, как один человек, решила ехать в третью. И не было ни одного среди моих товарищей, который сказал бы:

— Трудно там, давайте попросимся в другую МТС, где полегче.

Такая уверенность и смелость у нас оттого, что в бригаде крепкая дружба и никто не ищет для себя жизни полегче.

Вот к этому я и веду речь. Когда вы вырастете и сами будете комсомольцами, вам придётся продолжать дела теперешних комсомольцев на стройках, в полях, среди таёжных чащ. Помните, что сила в дружбе. Привыкайте уже теперь в пионерском отряде, в звене выполнять общими силами, что задумали, не отступайте перед трудным делом. И не думайте о себе; пусть будет для вас честь коллектива на первом месте.

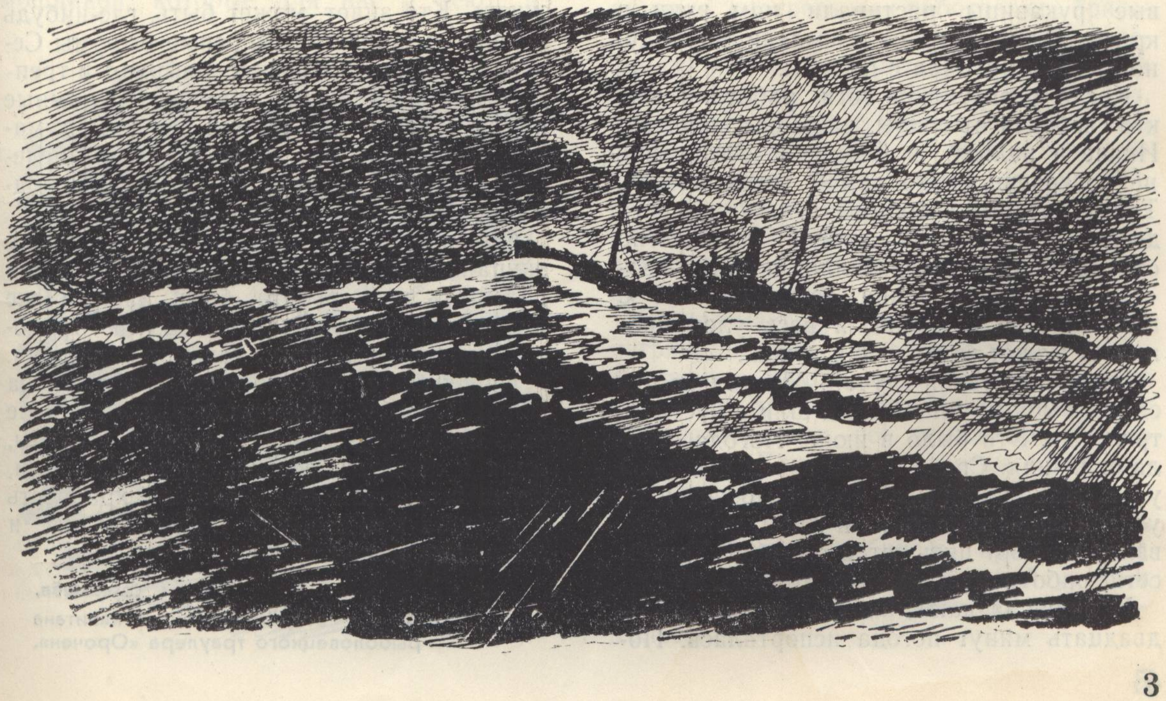
Александр Каверин,
бригадир тракторной бригады.
Казахстан, Павлодарская область,
Ленинская МТС.

Стать моряком я мечтал с детства. Да и что тут удивительного! Я родился и вырос в Мурманске, в городе, где добрая половина жителей — моряки. Огромные океанские пароходы и маленькие рыбацкие суда каждый день отходят в море от причалов Мурманского порта. Как только мне исполнилось шестнадцать лет, я поступил в мореходное училище.

Занятия в училище начинаются не с лекций, а с экзамена — очень сурового, но необходимого. Учеников посылают на несколько месяцев в плавание, чтобы они как следует узнали море. Кто выдержит этот экзамен,— останется в училище.

Меня послали в трёхмесячное плавание. Это было во время полярной ночи, в самое штормовое время. Когда волны высотой с трёхэтажный дом налетали на судно и, казалось, вот-вот накроют и опрокинут его, становилось так страшно, что, будь возможность, сбежал бы куда угодно. Нелегко было преодолеть страх, привыкнуть к тяжёлым ночным вахтам, к тому, что работать постоянно приходилось в мокрой, отяжелевшей одежде.

Но рядом со мной моряки спокойно, без страха, без нытья делали своё дело, словно не замечая всех этих невзгод. И вот

понемногу пример старших товарищей придал мне сил и твёрдости, научил переносить трудности и не бояться опасностей моря.

Когда мы вернулись в Мурманск, мне уже и в голову не приходило отказаться от выбранной профессии.

На рыболовецком траулере «Орочен» я плаваю уже третий год. Сначала третьим, а теперь вторым помощником капитана. Нас двадцать восемь человек. Многие из моих товарищей — комсомольцы. И мне кажется, во всём флоте нет более дружного экипажа, чем наш.

И работа у нас идёт неплохо. Несколько месяцев назад наше судно вернулось в порт с большой победой: за год мы выловили 10 тысяч центнеров сельди.

Вышли в море мы в начале марта, и тут, как назло, начались неудачи. Сразу же мы попали в полосу штормов. По десять — пятнадцать дней бушевал океан... В такую погоду промышлять нельзя. За два месяца мы выловили всего 350 центнеров сельди. А ведь мы дали обещание вернуться с большим уловом!

Как обрадовались мы, когда к лету погода улучшилась, штормы поутихли! Тут уж мы постарались наверстать упущенное. За три месяца выполнили обычный годовой план — 6 400 центнеров, а дальше стали ловить сверх плана. Ну и поработали же мы! Если сельдь хорошо шла, нам случалось не отдыхать по двое—трое суток. Мокрые от солёной воды брезентовые рукавицы растирали нам руки в кровь. Люди чуть не засыпали на ходу, но никто не уходил с палубы.

Когда разгружали сети, работали все, кто свободен от вахты, даже сам капитан. Иначе и нельзя: в Северной Атлантике не доверяешь даже самой тихой погоде. Только что был полный штиль, а через десять — пятнадцать минут неизвестно откуда налетит ветер баллов в семь — восемь, огромная волна легко слизнёт с палубы сети с рыбой, и весь улов пропал. А может случиться и хуже...

Был у нас такой случай. Мы только что сдали рыбу на плавбазу и шли с пустыми трюмами. Это было в июне. Погода стояла отличная. Сразу же мы взяли неплохой улов. Наполнили рыбой сотню бочек и не успели ещё спустить их в трюм, как снова взяли на борт пять сетей с рыбой. Трясём сети, работа идёт быстро, хорошо.

И вдруг за какие-нибудь пятнадцать — двадцать минут погода испортилась. Пошла зыбь, ветер внезапно усилился до семи баллов. Откуда ни возьмись налетела сильная волна, и все бочки и сети с рыбой перебросило на левый борт... «Орочен» дал сильный крен. Ведь груза в трюмах не было — значит остойчивость судна самая незначительная. Налетит ещё одна волна, и судно неминуемо перевернётся...

Страшный был момент! Но не такие у нас на «Орочене» ребята, чтобы растеряться. За какие-нибудь полторы — две минуты, пока не подошла вторая волна, сотня тяжёлых бочек с рыбой была спущена в трюмы. Судно встало на ровный киль, и мы были спасены.

Чтобы брать большие уловы, надо хорошо знать своё дело: уметь ориентироваться в море, с помощью сложных приборов, да и так, по неуловимым для непривычного глаза приметам, уметь отыскивать косяки сельди, определять, на какой глубине идёт рыба.

Всё это требует больших знаний, опыта. Команда же у нас молодая. Многие плавают всего по два — три года. А ведь в море так же, как и у вас в классе, слабый ученик тянет назад весь класс; матрос, который плохо знает своё дело, может серьёзно подвести всю команду. Поэтому в свободные от вахты часы мы все учимся.

В те дни, когда я уезжал в Москву, на съезд комсомола, «Орочен» ушёл в море. И сейчас, когда я пишу эти строки, мои товарищи ведут свою обычную трудовую жизнь. Кто знает, может быть, где-нибудь у берегов Норвегии свирепые штормы Северной Атлантики сейчас швыряют и треплют наш маленький траулер. Огромные волны горами вздымаются над ним, туманы окутывают его непроницаемой пеленой, опасные встречи с айсбергами подстерегают его на каждом шагу...

Описал я вам так подробно жизнь экипажа «Орочен» вот зачем: мне хочется пожелать вам, ребята, быть такими же дружными, храбрыми, сильными, трудолюбивыми и умелыми, как мои товарищи.

Не думайте, что это нужно только на море. В любой профессии, в любом деле есть свои рифы, свои туманы и штормы, мели и айсберги. И кем бы вы ни стали, когда вырастете, сила, знания, храбрость и дружба помогут вам побеждать их и двигаться всегда вперёд.

Иван Чернышёв,
второй помощник капитана
рыболовецкого траулера «Орочен».

Недавно пришлось мне, ребята, побывать на выставке работ ремесленников. Среди множества различных моделей я увидел модель электротрактора.

Я занимаюсь вопросами применения электричества в сельском хозяйстве, и, конечно, я рассматривал эту модель особенно придирчиво. Но чем дальше, тем больше она мне нравилась.

Каждая мелочь сделана точно и аккуратно. И передвижная электростанция, и питание, и самый трактор — всё, как настоящее. Я подумал: «Да! Те ребята, что строили модель, отлично знают электрический трактор: устройство и его работу».

И это очень хорошо. Очень нужно знать, какие бывают машины. Ведь теперь, куда ни посмотришь, машины заменяют человеческие руки. Даже капустную рассаду сажают машины. Мы живём в век машин. А когда вы, ребята, вырастете, различных сложных машин будет ещё больше.

Советую вам заниматься в кружках юных техников, самим строить модели у себя в звене и знакомиться с настоящими «взрослыми» машинами.

Разве не интересно звеном или отрядом пойти на ближнюю МТС, на завод, в сельскохозяйственный или машиностроительный институт? Я уверен, что и учёные и рабочие примут вас, как желанных гостей. А вы поближе узнаете механических помощников, которые для вас и сеют, и

жнут, и ткут, и шьют. Чем раньше вы с ними познакомитесь, тем послушнее они будут вашей воле, когда вы станете взрослыми.

Борис Рунов,
Герой Советского Союза,
кандидат технических наук.
Москва.

Вместо совета я хочу вам, ребята, рассказать про одного комсомольца, мастера буровой скважины. Вы, наверно, знаете, что такое буровая. Так вот, на одной буровой работал мастером комсомолец. Работал он, как полагается комсомольцу, с любовью, с огоньком, овладевал своим делом, соревновался с другими нефтяниками, старался дать как можно больше нефти стране. Ведь он знал, что без неё не застрекочут в полях тракторы, что она ведёт теплоходы по морям и самолёты за облаками, что на химических заводах делают из неё лекарства, краски, пластмассы и множество других нужных вещей.

Буровой мастер руководил бригадой так, что скважина, которую он бурил, должна была дать экономию в сотни тысяч рублей.

Весть об этом пошла по стране. К мастеру на буровую стали приезжать отовсюду люди, смотреть, как работает его бригада, перенимать скоростные методы бурения. О нем начали писать статьи в газетах. Когда на тебя смотрит вся страна, надо ещё строже к себе относиться, ещё больше стараться. Но не на всех так действует слава. Наш мастер загордился, стал самоуверенным, осторожность покинула его. Он забыл, что победа сама не приходит, что она требует старания, напряжения всех сил.

Стоило мастеру чуть ослабить внимание, и грянула беда, как гром с ясного неба: произошла авария, которая почти на нет свела всё достигнутое. Много ночей не спал комсомолец, всё думал, почему это случилось. Как самый строгий судья, судил он себя, заглядывал в своё сердце и вынес себе строгий приговор. Он понял, что зазнайство к добру не приводит. На всю жизнь запомнил он горький урок, и это помогло ему снова работать по-комсомольски.

Я эту историю очень хорошо знаю, потому что тем мастером был я сам. И вы, конечно, уже поняли, зачем я рассказал вам всё это. Никогда не зазнавайтесь, будьте скромными, каких бы успехов вы ни добились в учении, в жизни, в пионерских делах.

В скромности — сила советского человека!

Иван Жжонов,
секретарь Ново-Письмянского райкома комсомола, Татарская АССР.

В Якутии, в городе Алдане, есть машиноремонтный завод. Там я работаю токарем. У нас делают запасные части для бульдозеров, экскаваторов и драг, которые работают на золотом прииске.

Машины-то на прииске большие, а детали, которые обтачивает для них мой станок, совсем крохотные. И нужна в работе огромная точность. Велика ли толщина волоса? Но мне нельзя ошибиться и на полволосинки.

Долго рассказывать, как трудно было приучаться к этой точности и к быстроте работы, как сперва мне страшно было пускать станок на большую скорость, как меня не слушались собственные руки...

Мне, прошедшей эту трудную школу, хочется пожелать вам, ребята, чтобы не вы работы боялись, а работа вас!

Для этого уже теперь, с пионерских лет, учитесь мастерить. Пусть у вас будут умелые руки, пусть будут вам послушны и молоток, и рубанок, и пила, и сверло, и паяльник. Чтобы уже сейчас для худой кастрюли, сломанного выключателя, испорченной электроплитки вы были вроде искусных лекарей.

Не забывайте также, что много знать нужно не только инженеру, но и токарю и любому рабочему. Я, например, часто жалею, что не кончила среднюю школу. Возьмёшь интересную техническую книгу, а там формулы, которых я не проходила. Вот и продираешься через эти формулы, как через лесную чащу.

А ведь есть ребята, которые говорят:

— Подумаешь — не доучусь, так пойду на завод работать.

Знаете, как досадно нам, рабочим, слушать такие глупые рассуждения! На заводе неучи так же не нужны, как и в других местах. У нас и старики учатся, читают книги, потому что теперь каждый рабочий должен быть образованным человеком.

Неонила Вергунова,
токарь Алданского машиноремонтного завода, Якутия.

Представьте себе реку, широкую и полноводную, как две Волги, буйную и стремительную, как горный поток. Такова наша Ангара. Нет у неё соперниц среди больших рек. С бешеной скоростью мчится она в Енисей, и кажется, не существует на свете такой силы, которая могла бы преградить ей путь. Да, правда, и не было такой силы раньше. Непокорная Ангара не давала даже мост перекинуть через свои стремнины. Яростно крушила она возводимые людьми сооружения.

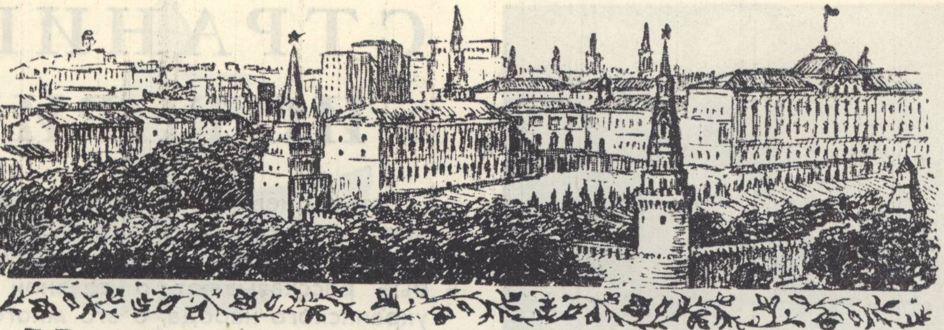
А сейчас на Ангаре мы строим электростанцию, более мощную, чем Днепрогэс. И это лишь первая узда, которую наложит на непокорную реку советский человек. За этим последуют другие ГЭС Ангарского каскада. У Ангары запас энергии такой, как у Волги, Камы, Дона и Днепра, вместе взятых.

Нет большей радости, ребята, чем участвовать в такой стройке, вступать в борьбу с могучими силами природы, подчинять их, заставлять служить человеку.

Весь экипаж большого шагающего экскаватора, на котором работаю и я, мечтает о том времени, когда энергия Ангары преобразит наши таёжные места. Мы решили: не уйдём с Ангары, пока не закончим все станции каскада.

Кто знает, может быть, мы ещё встретимся с вами, ребята, на стройке последней станции. И будем трудиться вместе, плечом к плечу, старые и новые строители. А может быть, вы будете работать где-нибудь совсем в другом конце страны. Как бы то ни было, мне хочется пожелать вам, чтобы вы были мужественными, стойкими, непобедимыми в борьбе с силами природы, чтобы сердца ваши горели любовью к труду для счастья народа.

Александр Рыданных,
мастер большого шагающего экскаватора, Ангарстрой.

Навеки с Москвою

Грицько Бойко

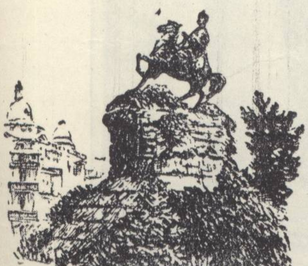
Отчизна, Отчизна!
Границ ей не видно
от южных до снежных широт...
Мы в дружбе с Москвою,
Мы всюду с тобою,
великий российский народ.

Живут наши братья
семьёю одною —
казах, украинец, ойрот —
в единстве с Москвою,
в единстве с тобою,
великий российский народ.

Вся Родина славит
счастливое братство
и в песнях народных поёт:
— Навеки с Москвою,
навеки с тобою,
великий российский народ!

В трудах и походах,
в горячие годы
боёв и военных невзгод
мы были с Москвою,
мы были с тобою,
великий российский народ.

Отчизна Советов —
для целого света
свободы и мира оплот.
Горды мы Москвою,
нам счастье с тобою,
великий российский народ.

Нас партия наша
дорогою верной
к высотам грядущим ведёт...
Идём за Москвою,
идём за тобою,
великий российский народ!

Перевела с украинского
Вероника Тушнова.

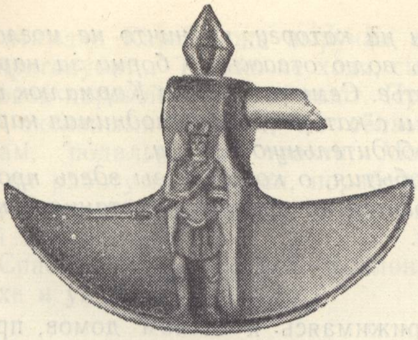
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Есть в Киеве исторический музей. В его залах собраны документы, картины, гравюры, старинные книги, скульптуры, которые рассказывают о славной истории украинского народа, о его многовековой дружбе с русским народом. Некоторые из экспонатов музея мы воспроизводим в журнале.

Вот портрет замечательного полководца и государственного деятеля Богдана Хмельницкого работы неизвестного художника. Под водительством Богдана Хмельницкого украинский народ в 1648—1654 годах вёл освободительную войну против польско-шляхетских феодалов.

В музее хранится много вооружения украинских повстанцев. На специальном стенде стоят старинные пушки и ядра к ним. Рядом находится витрина, возле которой всегда толпятся ребята. Её вы видите на нижнем снимке. Здесь и кремневые ружья с затейливой насечкой на стволе, и пистоли, и кинжалы, и сабли

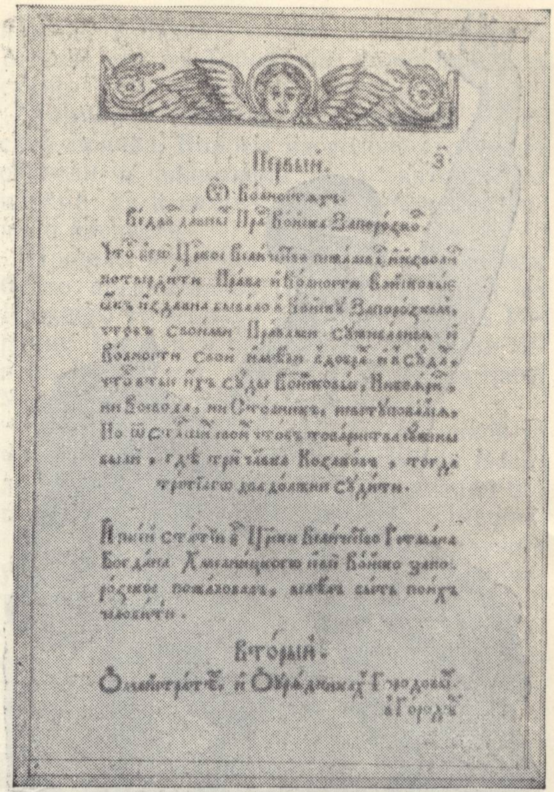
казацких старшин, отделанные серебром, и черепаховые пороховницы, и знаки полковничьей власти — узорные перначи, а рядом с ними простая казацкая сабля с деревянной рукояткой, коса и цеп, ставшие грозным оружием.

На этой странице вы видите бердыш Хмельницкого (вверху) и его герб (внизу). Тут же фотография подписи гетмана.

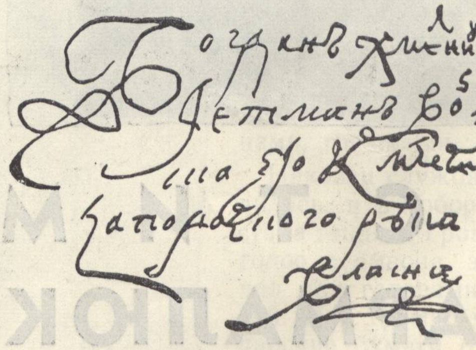
Десятки экспонатов музея посвящены многолетней борьбе украинского народа за воссоединение с братской Россией. Среди них интересно письмо русского монаха Суханова, бывшего на Украине в 1650 году.

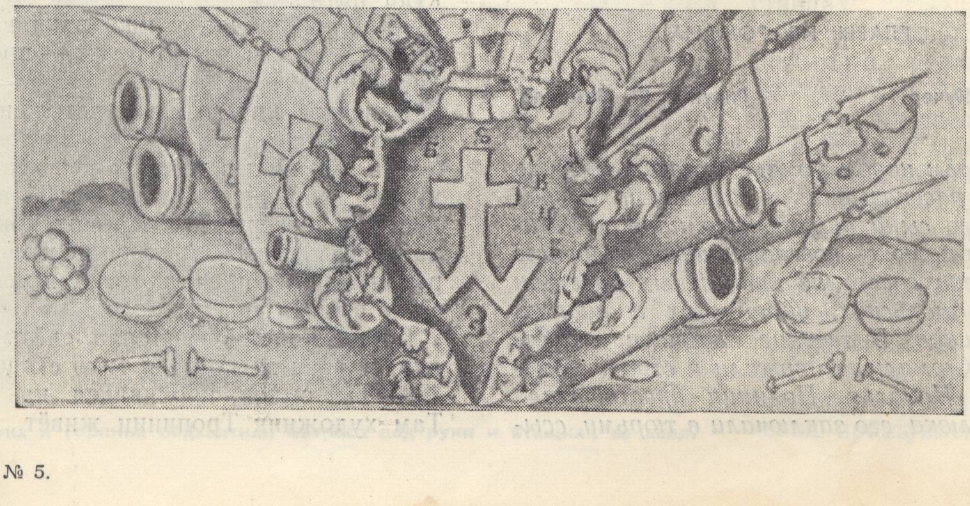
«Едучи дорогою,— писал он,— говаривал и с казаками, с начальниками, и с малыми... и оне все говорят: дай то боже, чтоб мы соединились с Москвою... и сам гетман многожды то говорил и вси от мала и до велика тогож жадают...»

Выражая волю украинского народа, Переяславская Рада 18 января 1654 года приняла решение о воссоединении Украины с Россией. Вы видите хранящуюся в музее фотокопию первого пункта «Статей Богдана Хмельницкого», на основе которых произошло это братское воссоединение.

Первый.

Второй.

УСТИМ КАРМАЛЮК

ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА

Василь Кучер **Рисунки Ф. Лемкуля.**

В своём новом романе писатель Василь Кучер рассказывает о жизни и борьбе славного сына украинского народа Устима Кармалюка, возглавившего в начале XIX века восстание крепостных крестьян против польских, украинских и русских помещиков. В течение двадцати лет отряды Кармалюка держали в страхе помещиков Подолья. Полиция арестовывала Кармалюка, его заключали в тюрьму, ссылали на каторгу, но ничто не могло сломить волю отважного борца за народное счастье. Семь раз бежал Кармалюк из тюрем и с каторги, вновь поднимая народ на освободительную борьбу.

События, о которых вы здесь прочтёте, относятся ко времени восстания декабристов.

* * *

Прижимаясь к стенам домов, прячась от выстрелов, дворовые графа Моркова — Оришка и бабка Горпина — бежали с Сенатской площади.

Возле самого графского дома они неожиданно столкнулись с матросом гвардейского экипажа.

— Спасите! — чуть слышно прошептал он и пошатнулся.

Оришка и Горпина подхватили матроса под руки, втащили во двор и заперли калитку. С гиканьем и рёвом мчались по улице гусары, и их сабли то и дело высоко взлетали над оградой.

— Спрячьте меня... Уйду, как стемнеет,— шептал матрос, облизывая окровавленные, пересохшие губы. Кровь каплями стекала у него со лба на грудь. Из кармана торчала бескозырка с золотыми буквами на ободке.

Матроса провели в глубокий каменный подвал, где в ряд стояли ткацкие станки. Тут, за кучами крашеной шерсти и полотна, Оришка с бабкой Горпиной соорудили матросу постель. Придя в себя, матрос всё порывался уйти.

— Куда же ты пойдёшь на ночь глядя? — укоризненно спросила Горпина.

Матрос зорко посмотрел на неё:

— Не знаю... В экипаж пойдёшь — в Сибирь погонят, на каторгу. В село сбежишь — барин полиции выдаст... Не знаю, куда идти...

— А ты побудь у нас, пока всё успокоится... А там видно будет,— проговорила Оришка.

Раненый ничего не ответил и вскоре уснул.

Три дня жил в подвале графского дома матрос гвардейского экипажа Иван Дроздов. На четвёртый — дворник принёс ему лапти и лохмотья. Матрос переоделся, перекинул через плечо котомку и попрощался со своими спасителями.

Бабка Горпина вытерла слёзы, проводила Ивана за порог и тихо сказала ему:

— Ты, сынок, пробивайся на Москву. Там художник Тропинин живёт... Он на-

шего атамана Кармалюка выручал, он и тебя приголубит... Только не ходи, сынок, столбовой дорогой, а то поймают. Пробивайся окольными путями, по сёлам да хуторам, подальше от тракта. Может, где и на работу наймёшься, поработаешь годик, пока всё поутихнет... Пересиди у людей это лихолетье...

— Спасибо вам,— матрос поклонился старухе и ушёл.

* * *

Весть о восстании на Сенатской площади и кровавой расправе царя всколыхнула всю Россию. Устим Кармалюк услышал об этом ещё в Сибири. Той же зимой ему удалось бежать.

Летом Кармалюк добрался до Нижнего Новгорода, где узнал о казни руководителей восстания. Двинуться на Украину он не мог. Полиция разыскивала его по всем трактам. Пришлось скрываться, оттягивать время, чтобы полиция на Украине начала забывать о нём и сообщение о бегстве его из Тобольска положили под сукно.

Кармалюк нанялся грузчиком на волжский причал. Волосы на голове его давно отросли и закрывали след каторжного клейма, да и само клеймо постепенно начало бледнеть.

Прошло некоторое время. Розыски как будто прекратились. Кармалюк ушёл из Нижнего Новгорода и направился на Украину. Бумаги и паспорт у него были теперь в полном порядке, и при встрече Устим смело шёл на полицию.

В Москве на постоялом дворе какой-то человек сказал ему, будто в соборе Василия Блаженного каждый день читают богомольцам царские бумаги о восставших.

Устим пошёл в собор. Утренняя служба уже началась. У входа плакали и причитали юродивые, толпились богомольцы в лаптях. В соборе плыл синеватый дым кадильниц, сладко пахло ладаном и свежими красками. Кармалюк остановился в крайнем притворе и стал класть земные поклоны.

— Боже мой милостивый! — шептал Устим. — Сколько люду бедного стоит перед тобой на коленях!.. А ты и не видишь. Смилуйся хоть теперь над нами, грешными...

Наконец служба кончилась, и в соборе настала тишина. Громовой голос с амвона зазвучал над головами людей. Поп громко читал царские бумаги о повстанцах:

— «...Черниговского пехотного полка подполковник Муравьёв-Апостол, по сделанным открытиям и показаниям соучастников, оказался одним из главных злоумышленников, стремящихся к всеобщему беспокойствию и разрушению благосостояния государства. В то самое время, как по открытии сего преступления приступлено бы-

Оришка и Горпина подхватили матроса под руки и втащили во двор.

ло к арестованию подполковника Муравьёва-Апостола, он нанёс несколько ран полковому своему командиру подполковнику Гебелю и успел возмутить часть Черниговского пехотного полка. Он арестовал посланных за ним фельдъегеря и жандармов, ограбил полковую казну, освободил закованных каторжных колодников, содержащихся в Васильевской городской тюрьме, и предал город неистовству низших чинов. Он двинулся с войском через Фастов на Белую Церковь в надежде успеть овладеть у графини Браницкой значительной суммой. Но со всех сторон он был окружён у деревни Устимовки, где мятежники защищались. Подполковник Муравьёв ранен, брат его застрелился, один офицер убит, кроме других раненых и убитых...»

Голос попа звучал под сводами собора всё громче и громче. Царь обещал прощенье раскаявшимся... Но Устим Кармалюк уже не верил этому. Он сам встречал на Волге беглых солдат из Петербурга, которые спасались от царской кары за выступление на Сенатской площади. Они рассказывали, что царь в тот день расстрелял из пушек сотни солдат. Кто же отплатит за смерть тех, кто сложил свои головы перед царским дворцом? Кто поможет их жёнам и детям?

Теперь Кармалюк знает, что повстанцы в Петербурге были не одиноки. Они поднялись против царя и там, на Украине, за широким Днепром.

«А про грабёж неправда! — хочется крикнуть Кармалюку. — Новый царь врёт так же, как старый. Не мог подполковник Муравьёв грабить казну для себя. Не мог! Он для солдат и для бедных людей брал! Боже мой! А сколько же их ещё, этих раненых и убитых! Об этом в царских бумагах не говорится ничего».

А он, Кармалюк, в это время спокойно сидел на Волге и грузил на баржи мешки с хлебом. Почему ему не посчастливилось быть там, в Василькове, под Киевом, где хоть несколько дней люди были свободны? Нет, так нельзя. Скорее туда, на Украину, где его ждут верные побратимы, грозные мстители за людскую неволю, борцы за народное счастье!

Глухим и равнодушным голосом поп читает приговор царского суда. Пять человек повешены в Петербурге: Пестель, Рылеев, Бестужев-Рюмин, Муравьёв-Апостол, Каховский. Многие осуждены на вечную каторгу в Сибирь.

«Боже мой! Что ты делаешь на этом свете?» — думает Устим.

Кармалюк вышел из церкви, чтобы скорее найти дом графа Моркова, где обязательно должна быть дворовая челядь с Подолья. Там он узнает обо всём, что делается на Украине.

Устим разыскал этот дом в тихом переулке, куда не долетал ни гам торговых рядов, ни крики торговок баранками и разносчиков мелкого товара. Кармалюк сел на каменную тумбу у чёрного хода и медленно раскурил трубку. Его сразу же заметил дворник в белом переднике с метлой.

— Проходи отсюда, братец, тут сидеть не велено.

— Простите, барин, я земляков ищу,— Кармалюк нарочито величает дворника барином и, снимая шапку, низко кланяется ему.

Это нравится дворнику, и он, смягчившись, уже ласково спрашивает:

— Каких земляков?

— С нашей Украины, с Подолья, как раз оттуда, где имения графа Моркова. Не слышали ли вы про Василия Андреевича Тропинина? Я служил при них, когда они церковь расписывали у нашего барина.

Лицо дворника расплывается в добродушной улыбке, он высоко поднимает брови:

— Э-э, Тропинин уже три года, как не живёт у нас. Вольную получил и даже без выкупа. Теперь он сам себе барин. Дом у него свой и всё такое прочее...

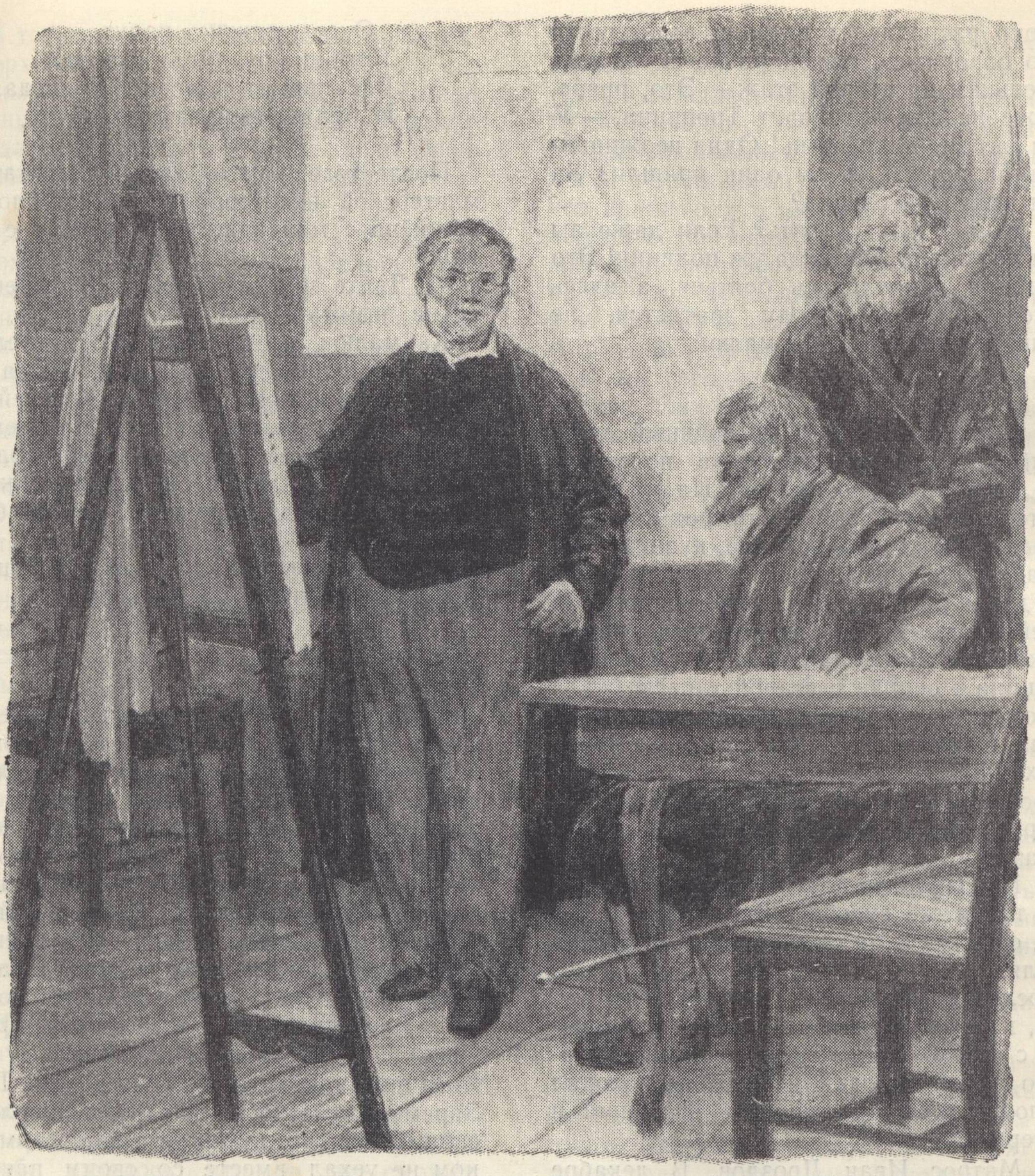
— А где же он сейчас, где? — быстро спрашивает Кармалюк.

Дворник подходит ближе и угощает Устима понюшкой табаку из перламутровой табакерки.

— Раньше жил в Петербурге, да не захотел, и сейчас проживает здесь, на Волхонке. Там спросишь, тебе всяк охотно укажет.

После долгих поисков Кармалюк наконец поднялся на резное деревянное крыльцо. Как всё изменилось! Был художник Тропинин дворовым крепостным, а теперь стал вольным! И без выкупа! Что же это значит? Может, скоро и всем людям воля выйдет? Может, новый царь одумается? Нет, навряд ли это произойдёт по доброй воле царя.

Кармалюк тихонько стучит. Дверь приоткрывается, и бородатый швейцар говорит:

— Смотрите, господа, вот он, Пушкин,— сказал Тропинин.— Я уже заканчиваю его портрет.

— Не принимают. Не велено никого пускать.

— А вы скажите, что я с Украины... Господин Тропинин меня рисовал и приказал придти к нему,— решительно говорит Устим, и бородач, удивлённо пожимая плечами, прикрывает за собой дверь.

Через некоторое время за дверью слышатся быстрые шаги, глухое покашливание, и на пороге появляется Тропинин в красном бархатном жилете. С тех пор, как Кармалюк видел Тропинина на Украине, он сильно изменился: пополнел, лицо округлилось, и над высоким розоватым лбом появилась лысина.

— В чём дело, братец? — спрашивает он, и Кармалюк радуется. Вот так так! Тропинин не узнаёт его! Стало быть, его трудно будет узнать и полиции и шляхте там, на Украине.

— Простите, пане,— говорит Устим,— но как-то я одалживал у вас в церкви сто злотых. Вы тогда иконостас у господина Ханенко расписывали. Теперь я хочу...

— Боже мой! Прошу в дом,— Тропинин

широко распахивает дверь и ведёт гостя мимо бородатого швейцара по скрипучим ступенькам на второй этаж.— Это, право, похоже на сон, — говорит Тропинин. — У меня сегодня такой день! Одна неожиданность за другой. А вы один пришли? За вами никто не следил?

— Кому же следить? Если даже вы меня не узнали, так куда уж полиции! Это в Сибири приходилось бояться, а здесь много вольного народу шатается, не страшно,— отвечает Кармалюк.

* * *

В мастерской царил прозрачный синеватый полумрак. Широкое, в полстены, окно было затянуто шторой. На мольберте стоял незаконченный портрет какой-то дородной женщины, наверно, купчихи. На стенах были развешаны портреты знатных дворян. И тут же портреты простых людей. Особенно заинтересовал Кармалюка карандашный набросок: сгорбленная женщина в очипке и старой запаске жала серпом рожь. Усталая, худая, она напомнила Кармалюку жену, и он тяжело вздохнул.

Тропинин подошёл к пёстрой ширме, которая отгораживала угол в мастерской, и сказал:

— Ну, Иван, выходи и познакомься! У него такая же судьба... Вас обоих, я думаю, одна мать на свет родила — барская неволя.

Послышался кашель, ширма покачнулась, и из-за неё вышел человек в лохмотьях с котомкой через плечо. Лицо его заросло густой бородой, и он очень походил на портрет старого нищего, висевший в мастерской.

— Матрос Иван Дроздов. В декабре был на Сенатской площади. В него стреляли и ранили,— сказал Василий Андреевич.— Он долго скитался по глухим сёлам, прятался от полиции... Кстати, на случай, если придёт непрошенный гость,— продолжал Тропинин,— помните: вы мои натурщики. Я нашёл вас на Хитровом рынке.

Они сели у круглого, на гнутых ножках столика. Волнуясь, Василий Андреевич обратился к Кармалюку:

— Какие это люди!.. Много их сослано в Сибирь. И Пушкин обращается к ним с такими словами... Вот, слушайте!

Тропинин встал и, раскрыв толстую тетрадь в чёрной обложке, тихо стал читать строки пушкинского послания «В Сибирь»:

...Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут, и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

После того, как он закончил читать, в мастерской некоторое время царило напряжённое молчание. Потом матрос сказал:

— Дайте мне эту песню. Я перепишу её на память.

Кармалюк с завистью посмотрел на Дроздова. Свободно разговаривая на русском, украинском, польском и еврейском языках, он был неграмотен. На всех судебных бумагах вместо своей подписи Кармалюк неизменно ставил крестик.

Василий Андреевич снял с мольберта покрывало.

— Смотрите, господа, вот он, Пушкин. Я уже заканчиваю его портрет.

* * *

Управитель Комаровецким имением Тадей Заремба был мрачен. Теперь он редко ночевал в своём кабинете. Каждый вечер Заремба приказывал стелить себе то в столовой, то в бильярдной, а чаще всего в гостиной, окна которой выходили в сад. Даже дворовые не знали, где сегодня ночует управитель. Господский дом надёжно охранялся. Но всё равно управляющий по ночам дрожал от страха. Он ждал страшных и мстительных гостей, зная наверняка, что они придут, придут неожиданно и обязательно ночью.

За две недели таких ожиданий Тадей Заремба заметно похудел. Он проклинал себя за то, что после суда над Кармалюком не уехал вместе со своим паном в Варшаву, а согласился, дурак, остаться здесь и управлять имением среди этих дикарей. Они и так на него волком смотрят, а как услышат о возвращении этого головореза Кармалюка — и вовсе голову поднимут. Что может поделать с ними Тадей Заремба, если до ближайшего имения добрых два десятка вёрст? Он сделал всё, что было в его силах, принял все возможные меры предосторожности, и всё-таки на душе у него было неспокойно. Снова и снова припоминал он всё до мельчайших подробностей: когда и как пришла к нему эта страшная весть?

Сперва он услышал о возвращении Кармалюка в Летичевском костёле, но только отмахнулся да ещё и посмеялся.

Но в тот же день в Комаровцы примчался верховой из Головчинец. Он привёз коротенькую записку от соседнего помещика Ханенко, который приглашал Зарембу немедленно приехать к нему: дело очень важное для обоих и не терпит отлагательства.

Когда Заремба подъехал к Головчинецкому имению, он был поражён тем, как изменился внешний вид роскошного имения Ханенко, расположенного на высоком холме. Вокруг усадьбы и винокурни выросла каменная стена. Наверху торчали железные прутья с заострёнными концами. На месте прежних, лёгких ворот поднимались массивные железные. Тадея Зарембу поразило и то, что прибывших долго не впускали во двор, хотя стража и узнала своего гайдука, которого Ханенко посылал к Зарембе. Был вечер, и господин Ханенко приказал никого не впускать в имение.

Беседа с Ханенко продолжалась не более получаса, но домой Тадей Заремба ехать уже не решился. Ханенко сообщил ему, что полиция имеет точные сведения о том, что Кармалюк бежал из Сибири, и голытьба уже знает об этом. К Кармалюку уже собирается крепостной дворовый люд.

Так к Тадею Зарембе пришла первая бессонная ночь. Он припомнил, как выслеживал Кармалюка, вспомнил первую встречу с ним в лесу. Потом перед Зарембой возникла картина суда в Каменце, где Кармалюк выдавал себя за беглого солдата Гавриленко. Все факты и события, связанные с Кармалюком, были ещё свежи в памяти Тадея Зарембы, но сам атаман виделся ему неясно, как в тумане. Зарембе казалось, что он не сможет узнать Кармалюка, и это пугало его, оглушало, бросало в дрожь.

Вернувшись от Ханенко, управитель приказал согнать в Комаровецкую усадьбу всех крепостных. И вскоре вокруг господского дома выросла огромная каменная стена ещё крепче, чем у Ханенко, с высокой сторожевой башней над воротами.

Хотя Кармалюк и не появлялся в Комаровцах, молва о нём росла. Говорили, что он бродит где-то за Литыном, неожиданно налетает на имения, в одну ночь чинит расправу над панами в различных сёлах. Обескураженная полиция сбивалась с ног. Но Кармалюк был неуловим. Облавы по лесам и плавням кончались ничем. Расставленная по хуторам и сёлам стража не могла обнаружить Устима.

Приближалась жатва. Тадей Заремба с трудом нашёл с десяток батраков из оброчных крепостных, отпущенных обедневшими помещиками на заработки. Батраков принимали в имение осторожно. Увидав их возле ворот, старший гайдук сам выходил навстречу. Принимая оброчных на работу, он у каждого отбирал отпускную грамоту и допрашивал, не видали ли Кармалюка по дороге в Комаровцы.

И вот сегодня прибыло еще пятеро оброчных. Они стоят, опустив головы, мнут в руках соломенные брыли, низко кланяются. Гайдук стоит перед ними, похлопывая плетью по голенищу сапога, высокомерный, надутый.

— Чего надо? — равнодушно спрашивает он.

— Наниматься пришли. На срок хотим,— отвечает стоящий впереди.

— А откуда вы будете?

— Издалёка. Из-под Умани, пане...

— Бумаги у всех есть?

Они молча шарят за пазухой и вынимают завёрнутые в чистые тряпицы, старательно сложенные бумажки — отпускные грамоты своих хозяев. Гайдук долго рассматривает бумаги, словно он в самом деле грамотен и может прочесть хоть одно слово в них. Потом плотно прикрывает железные ворота и трижды поворачивает в замке большой ключ.

— Ждите меня тут. Я доложу пану,— говорит он и направляется к дому.

Надев брыли, батраки садятся на траву у стены. Неподалёку от них расхаживает караульный дворовый с высоким посохом. Батраки равнодушно смотрят на тихое село, отсюда им видно господское поле пшеницы. На горизонте зыблется синеватое марево жаркого летнего дня.

Молчание нарушает старший из пришельцев.

— Человиче,— обращается он к дворовому.— А зачем это пан вокруг такие стены нагородил? Разбойников боится, что ли?

— Кой чёрт разбойников! — говорит дворовый и, таинственно оглядевшись вокруг, шепчет: — Кармалюк опять объявился — вот что!..

— А почему пан боится этого Кармалюка? Разве ваш пан — душегуб или басурман?

Дворовый внимательно разглядывает батраков, но в глазах их заметно только

— Чего надо? — равнодушно спрашивает гайдук.

мирное, спокойное любопытство утомлённых трудной дорогой людей.

— Скажете тоже,— говорит он.— У нашего пана заслуги есть. Он когда-то выследил Кармалюка и выдал его.

— На то он и пан,— равнодушно бросает батрак и набивает короткими пальцами трубку.

— Выдал, а теперь поджилки трясутся,— говорит дворовый. — Люди из-за этого света божьего не видят. Ночь не спим — всё Кармалюка ждём...

— И хорошо караулите?

— Как коня накормят, так он и везёт...

— А кормят, верно, погано? — допытывается батрак, и в глазах его вспыхивает

какой-то странный блеск. Он медленно разглаживает русый ус, улыбается, прищуривает глаза.— Говори, человиче, не бойся. Кто ж нам расскажет про вашего пана, коли не ты... Мы нанимаемся к нему на срок, и нам надо знать, какие у него харчи для косарей.

— Поужинаешь — сам увидишь. У нас заведено так: хлеб есть — соли нет, соль есть — хлеба нет. А чаще всего бывает, что ни хлеба, ни соли...

Батраки усмехаются. Старший из них начинает рассказывать дворовому о своём пане на Умани. Вот это пан! Сколько у него имений, какая роскошь в палатах! Он очень богатый, графского рода, но они ушли от него на заработки. Думают, может, найдут пана поласковее...

— Ищи ветра в поле,— безнадёжно машет рукой дворовый.

— Вот мы и ищем,— отвечает батрак.

Дворовый подозрительно оглядывается на батраков и пожимает плечами. К воротам спешит гайдук, и дворовый в задумчивости отходит от батраков и шагает вдоль высокой стены.

Гайдук пропускает батраков в железные ворота и снова трижды поворачивает в замке большой ключ. Он ещё раз спрашивает, не встречали ли они по дороге Кармалюка, не слыхать ли о нём среди прохожих людей. Но, узнав, что они этого Кармалюка десятью дорогами обходили, гайдук успокаивается. Он приводит их в просторный овечий загон и приказывает располагаться на ночлег. Документы их останутся у пана до тех пор, пока не закончится косовица. Пан будет платить на семь копеек больше, чем в окрестных экономиях. Сегодня воскресенье, и они могут отдохнуть, а завтра — в поле.

Из загона несло прелой соломой и овечьим пóтом.

— Хата подходящая, харчи господские. Чёрт подери этого пана! — выругался один из пришельцев. Он сбросил с плеч котомку, внимательно осмотрел крышу, потом прикрыл двери, они громко заскрипели.

— Скрипят, проклятые,— буркнул один из пришедших.

— Может, их смазать? — спросил второй.

— Не надо, вы отдыхайте, а я с Иваном на разведку пойду. Пойдём, Иван.

Вечернее солнце брызнуло из-за леса последними лучами, и пшеница в поле и молодая трава на лугу заалели, поникли. Ветер улёгся на ночлег в густых камышах над прудом, чтобы завтра с утра вновь волновать пшеницу, траву на лугу и шуметь ветвистыми кронами тополей в господском парке.

Тёплая летняя ночь спустилась на село. Заснуло имение, заснул пан Тадей Заремба, поставив в изголовье ружьё. Он спал час, а может, два. На сей раз спал крепко, широко раскинув руки. И приснилось ему поле, густая пшеница колышется на нём, а повсюду, тяжело покачиваясь, бредут косари. За ними следом, не разгибаясь,— вязальщицы. Тихо и весело позвякивают косы, и кажется, что в ответ им звенит и играет серебристое марево по всему горизонту. В том мареве Тадей Заремба ясно видит белые каменные дома Варшавы, островерхий дворец своего хозяина. Он чувствует, как в пальцах у него хрустят новые ассигнации, как звенит на ладони золото. Ему, Зарембе, кланяются красивые паненки, жительницы богатых кварталов. Честь и слава ему, управителю Тадею Зарембе, который такую прибыль своему хозяину принёс и сам разбогател. Управитель довольно улыбается во сне, не чувствуя близкой беды.

Если бы он знал, что уманские батраки уже ведут по двору к дому старшего гайдука, крепко связав ему руки, он вскочил бы, поднял бы крик, стрельбу! Но батраки делают своё дело тихо, осторожно. Они уже отперли железные ворота, и на господском дворе появилось ещё человек двадцать. Иван Дроздов и Захар Блажкун всё хорошо разглядели с вечера и теперь уверенно подходят к крыльцу. Надо спешить: ночь летняя коротка.

Собаки знают старшего гайдука, а ночная стража у господского дома обезоружена, она без сопротивления пропускает батраков на высокое крыльцо. Они идут по длинным коридорам, минуют одну комнату за другой и наконец останавливаются перед дубовой дверью кабинета. Два острых ножа прикасаются к рёбрам гайдука.

— Ваша милость, проснитесь! — стучит в дверь гайдук.

Тадей Заремба мигом вскакивает и босиком бежит к двери. Он узнаёт голос гайдука и не понимает, что произошло...

— Гонец от Ханенко! Записку привёз! Срочное дело!

Дверь кабинета открывается. Зарембу хватают, связывают ему руки, в рот затыкают клок пакли.

— Узнаёшь меня?

Кармалюк высоко поднял руки, и страшная книга, шелестя страницами, полетела в огонь.

Бледным пламенем вспыхивает перед Зарембой свеча, и он видит перед собой знакомое лицо: орлиный нос с горбинкой, трепещущие, словно крылья, ноздри.

— Выньте у него изо рта кляп.

Тадей Заремба испуганно хлопает обезумевшими глазами и тяжело дышит. Гайдук окаменел на пороге.

— Опознавай! Кармалюк я или нет? Это ж твоё ремесло...

Услышав эти слова, управитель пошатнулся и чуть не повалился на пол. Его подхватили крепкие руки.

В комнате нависла зловещая, тяжёлая тишина. Медный маятник больших стенных часов однообразно и звонко отстукивал секунды. Тадея Зарембу посадили к столу, напротив сел Кармалюк.

— Давай батрацкие бумаги,— спокойно приказал Устим.

Управитель дрожащими руками вынул из ящика бумаги, положил их на стол. Кармалюк подал их Ивану Дроздову:

— Эти?

— Так точно, атаман! Эти!

Кармалюк приказал Зарембе:

— Вынимай долговую!

Управитель зашелестел бумагами и вынул из ящика замусоленную книгу в переплёте из свиной кожи. В ней были записаны все крестьянские долги. Кармалюк жёсткой ладонью погладил книгу и отдал Ивану Дроздову.

— А теперь, управитель, выкладывай кассу! — приказал он.

Заремба открыл кованый сундук. Люди Кармалюка вынули оттуда все векселя, все ассигнации, все золотые, серебряные и медные деньги. Они высыпали их в большой кожаный мешок, который взял Иван Дроздов.

Кармалюк повернулся к управителю:

— А ты чего встал? Сиди камнем, как посадили, и слушай, иезуит! Я пришёл к тебе не за свою обиду расплачиваться. Я за людей мстить пришёл. Что ты с ними делаешь, ирод проклятый? Мало тебе их работы, так ты ещё и батогами их? Своему пану на чужом горбу золото добываешь, а он в Варшаве там его пропивает? Так дальше не пойдёт. Смотри, где твоё золото!

Кармалюк сорвал с окна тяжёлую штору, и в комнате стало светло, как днём. В окно ударило дрожащее высокое зарево. Это горели господские амбары и овины, посылая в чёрное небо огромные языки пламени и снопы ослепительных искр.

— Иди, управитель, во двор, — приказал Кармалюк. — Там тебе виднее будет. И помни: скоро в этом огне все господа вместе с царём сгорят.

Тадея Зарембу и старшего гайдука вывели на крыльцо. Перед господским домом, залитым ярким заревом пожара, уже толпились крепостные. Устим Кармалюк вышел вперёд, и радостный шум, похожий на вздох облегчения стоголосой толпы, прокатился над площадью. Кармалюк поклонился на все стороны, и толпа замерла, плотно обступив крыльцо.

— Люди добрые! — заговорил Кармалюк, указывая на управителя.— Этот панок построил вашими руками стену и железные ворота. Он хотел за каменной стеной спрятаться от народного гнева. Но напрасно! Наш гнев одинаково рушит и железо и камень. У царя в Петербурге не такие стены стоят, а повстанцы уже и до него добираются. Не спрятаться царям и панам ни за какими стенами!

Кармалюк оглядел молчаливую толпу. Он знал, что эти слова по сердцу крепостным, но не каждый из них отважится поднять руку на барина. Чего же они ждут и зачем позволяют мучить себя? От этой мысли сердце его сжалось. Кармалюк спустился по ступенькам на землю.

— Отныне работать на барщине будете три дня в неделю, а три — на себя. Бить вас он не имеет права. Слышишь, пан?— крикнул Кармалюк управителю, и Тадей Заремба испуганно присел.— А если он нарушит этот закон, прошу послать мне весточку, и я снова прилечу сюда. Я его и в Варшаве найду!.. Ну, вот и всё. А теперь попотчуйте его, хлопцы, чтобы крепче запомнил наше слово.

Перед крыльцом на дубовой скамье положили управителя, и над его спиной засвистели плети, приготовленные на конюшне для крепостных.

Кармалюк стал собираться в дорогу. Толпа обступила его плотным кольцом и провожала до самых ворот.

Со всех сторон к Кармалюку неслись искренние, горячие слова. Только произносили их тихо, чтобы, неровен час, не услышал кто-нибудь из приближённых управляющего.

Не доходя до ворот, Кармалюк остановился и снова заговорил:

— Сейчас вам отдадут господские деньги. Вы их поделите между собою, только поровну. Они ваши, и я законно возвращаю их вам. Выберите старшего, кому доверите эти деньги.

Пожар в имении разгорался. На дубовой скамье стонал Тадей Заремба, а у ворот уже стояли осёдланные кони из панской конюшни, ожидая Кармалюка и его людей. Пока крепостные выбирали старшего, Устим вместе с толпой подошёл к огню. Он нёс старую книгу в переплёте из свиной кожи. Люди узнали эту книгу, и по толпе прокатился гул.

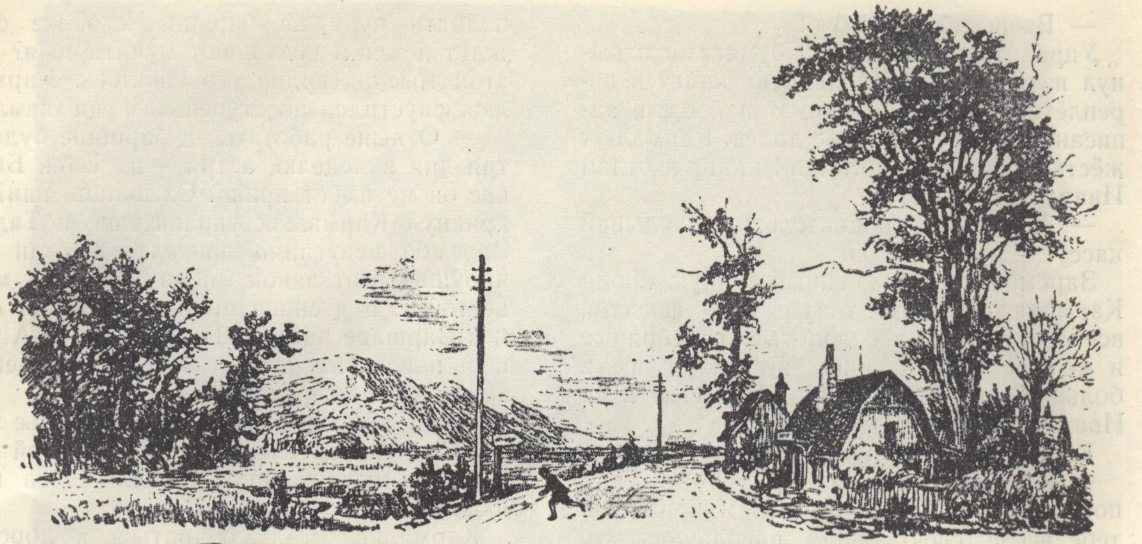
— Слушайте меня ещё раз,— сказал Кармалюк.— В этой книге записаны все ваши подати и долги. Чтобы всё это заплатить, вам и жизни не хватит. Долги ваши переходят из рода в род, от отца к сыну. Умирает отец — платит сын, умирает сын — платят его дети, и так всегда, пока есть на свете царь и паны. Но теперь не будет у вас долгов. Слышите меня?

— Слышим, отец!

— Слышим!

Кармалюк высоко поднял руки, и страшная книга, шелестя страницами, полетела в огонь.

Перевела с украинского
Ел. Россельс.

На границе

Иржи Марек

Рисунки В. Цельмера.

Иржи Марек — известный чехословацкий писатель-коммунист, лауреат Государственной премии. Он родился сорок лет назад, 30 мая 1914 года, в Праге. Своё тяжёлое и безрадостное детство будущий писатель провёл в городе Писек в доме отчима. Сам Марек сравнивает своё детство с юными годами А. М. Горького, и в этом сравнении есть глубокая правда: он, как и Горький, испытал и нужду, и унижение, и тяжёлую работу.

Книги чешских и русских писателей были лучшими друзьями маленького Иржи, они во многом определили его дальнейшую судьбу.

В 1937 году вышла первая книга И. Марека, «Люди из Поляны», посвящённая тяжёлой жизни закарпатских крестьян, попавших в кабалу к местным кулакам и лавочникам.

Особенно ярко талант писателя расцвёл после освобождения его родины Советской Армией в 1945 году. «Приход Красной Армии открыл и для меня ворота в иной мир», — говорит Иржи Марек.

Он пишет книги о советских воинах-освободителях, о новой жизни своего народа, о борьбе за мир. Он отправляется в Мостецкий край и работает там на одной из шахт в молодёжной добровольческой бригаде, а после этого создаёт две замечательные книги — «Деревня под землёй» и «Над нами рассвет». Иржи Марек дважды побывал в Советском Союзе. Свою книгу «Радостные встречи» он посвятил нашей Родине.

Иржи Марек горячо любит детей, хорошо знает их жизнь. Он написал для ребят несколько чудесных книг: «Весёлые сказки вверх ногами», «Почему Гонза не стал королём» и сборник рассказов «Молодые борцы». За последнюю книгу ему присуждена Международная премия на Всемирном фестивале демократической молодёжи в Бухаресте. Один из рассказов этого сборника, «На границе», вы и прочтёте в «Пионере».

Из окна трактира открывался вид на шоссе и опушку леса. Кругом широко раскинулись поля, и лишь с одной стороны вырастала голубоватая гряда холмов. Там проходила граница.

В трактире было пусто. Только в одном углу сидел какой-то посетитель. Хозяин подошёл к нему.

— Никого нет... Видимо, сегодня уже никто не придёт. Вам придётся подождать ещё одну ночку, — тихо сказал он.

Посетитель был явно недоволен:

— Я чувствую себя здесь весьма неважно. Ведь меня видело уже несколько человек.

— Вам нечего опасаться... У меня часто останавливаются туристы...

Посетитель допил пиво и продолжал:

— Прежде, когда сюда захаживали таможенники, была совсем иная жизнь... Посидишь, бывало, с ними вот в таком трактире и точно знаешь, куда они пойдут. Теперь не то... Эти ребята с пограничной заставы не понимают дела...

В окне билась и жужжала муха. Гость, беспокойно озираясь по сторонам, нервно застёгивал пиджак.

— Тогда через границу переправляли товары. Теперь же платят дороже за людей... Но, сами видите, сколько с этим мороки! Стараешься, стараешься, а в последний момент всё вдруг и сорвётся... Чёрт знает, что с ним могло случиться! Может, его схватили ещё на месте, может, в пути... Ведь он фабрикант.

В это время за окном послышались торопливые шаги. Гость скрылся в кухне. В трактир вошла женщина в платке, с бидончиком в руках. Хозяин хмуро посмотрел на неё.

— Пива, голубушка, нету. Всё кончилось, а нового не привезли. Сами знаете, как плохо снабжается пограничная зона.

Женщина с минуту нерешительно постояла у прилавка и ушла. Хозяин самодовольно улыбнулся: сегодня он не нуждается в посетителях. Гость, спрятавшийся на кухне, возместит ему все убытки. И он отправился на кухню.

— Не волнуйтесь, всё в порядке. Обычная покупательница! Знай я, что вы так задержитесь, совсем бы не открывал сегодня трактир. Здесь это вполне допустимо...

За окном снова раздались звонкие шаги. На этот раз трактирщик сразу узнал, кто идёт.

— Это мальчишка. Вон как несётся! Ужасный озорник! Мой дальний родственничек... Он у меня, как змея, пригретая на груди. Я взял его на каникулы из города. Думал, пусть мальчишка подышит здесь свежим воздухом, а заодно и в работе поможет. Да где там! Он, знай себе, бегает.

В кухню вошёл мальчик лет одиннадцати в рваном пиджачишке, босиком. Он быстро стянул с головы фуражку и, поздоровавшись, робко посмотрел на толстого трактирщика.

— Ну вот и прибыл молодой пан... пан Зденечек,— насмешливо встретил тот мальчика.— А когда ты принесёшь козе траву? Когда пойдёшь за клевером для кроликов, а?

— Сейчас сбегаю.

Мальчик задержался на пороге и несмело сказал:

— Только я... Можно мне взять кусочек хлеба?..

— Хлеба?! Чтобы ты опять скормил его

В кухню вошёл мальчик лет одиннадцати в рваном пиджачишке, босиком.

коням! Представьте себе,— повернулся он к гостю,— мальчишка живёт с пограничниками душа в душу. Не успеет ещё отрезать кусок хлеба, как уже мчится с ним к их лошадям.

Поняв, что ничего хорошего ему здесь не дождаться, Зденек убежал. Он помчался за травой для козы.

— Я думал,— продолжал ворчать трактирщик,— он отблагодарит меня за заботу! Куда там! Он так сдружился с пограничниками, что чувствует себя у них, как дома. Поскорее бы кончались эти каникулы! Отправлю его обратно, домой. Мне такие не нужны! Мне помощник нужен.

Гость, видимо, не слушал разглагольствований трактирщика, но при этих словах повелительно поднял руку:

— Подождите, пан Паштик! Вы говорите, что он дружит с пограничниками. Гм... Знаете ли, это не так уж плохо...

— Не понимаю, что здесь хорошего! Парень бездельничает и совсем перестал носить клевер,— отмахнулся трактирщик.

— Чёрт с ним, с вашим клевером!.. Поскольку я занимаюсь этим прибыльным делом — переправкой за границу всяких фабрикантов и подобных им бывших тузов,— мне важно знать, как и где безопаснее перейти границу. Кое-что мне уже известно, но этого мало. Слушайте, измените-ка своё отношение к парню, перестаньте ворчать, купите ему завтра шоколаду, я оплачу... Поговорите с ним поласковей. Постарайтесь вытянуть из него всё, что он знает о пограничниках. Ведь он сумеет проскользнуть до самой запретной зоны. Кто будет подозревать такого мальчишку? Он может узнать, где стоят часовые. В этом же как раз всё дело. Ясно?

Пан Паштик подмигнул:

— Ну и дошлый же вы, ей богу!

Гость взглянул на часы.

— Я исчезаю... Он не явился. Сегодня дело срывается. Моё ремесло требует аккуратности с обеих сторон. Пусть этот пан не воображает, что если он заплатил мне хорошие деньги, то я переправлю его через границу в коляске. Я сам рискую головой... Встретимся через неделю!

Гость вынул крупный банковый билет и протянул его трактирщику:

— Плачу за пиво, дайте сдачу, мелочь оставьте себе.

Пан Паштик поклонился настолько учтиво, насколько это позволяла его толщина.

Через минуту из трактира вышел человек в костюме туриста. Он шел, опираясь на палку и тихонько насвистывая. Пусть думают, что он возвращается с прогулки.

* * *

В жизни Зденека вдруг наступила перемена. Пан Паштик сделался таким добрым, словно его подменили. Он избавил Зденека от ненавистной работы — доставать корм для вечно голодной козы и ненасытных кроликов... Зденек лишь теперь почувствовал, что у него каникулы, что он может весь день бегать по деревне и по лесу. В один миг Зденек стал таким же свободным, как и все деревенские ребята.

Но стоит только ему вспомнить о первых днях своих каникул, как его детское сердце снова сжимается от боли. Ему стыдно думать о тех ночах, когда он не раз горько плакал, стыдно, что он, пионер, по требованию пана Паштика запрятал свой пионерский галстук на дно чемодана.

«Пан Паштик! Ведь я мог бы называть его дядюшкой! Впрочем, какой он мне родственник? Если бы наша корова напилась из его лужи, то мы тоже были бы родственниками? Вы хотите, чтобы я работал на вас, пан Паштик, я это понимаю. Но я пионер и никому не расскажу о том, как тяжело мне тут жилось. Пусть бабушка думает, что я здесь отдыхаю и поправляюсь».

* * *

На улице кто-то протяжно свистнул — это был условный знак для сбора ребят. Зденек заложил в рот два пальца и свистнул в ответ. Сегодня их пригласили на стрельбище, где пограничники будут заниматься огневой подготовкой. Ребята собственными глазами увидят стрельбу из автоматов.

«Вот вылупит глаза от удивления пан Паштик, когда я расскажу ему об этом! Раньше он только и делал, что ворчал, а теперь стал всем интересоваться».

Зденек ни минуты не сомневается в том, что жизнью пограничников интересуется каждый. Он охотно рассказал бы пану Паштику что-нибудь особенное. Но что рассказать? Только о том, где Зденек встретил или заметил часового; о том, как однажды задержали его знакомые пограничники, объяснив, что ребятам здесь бегать запрещается; о том, как ребята подружились с красивым волкодавом Казаном — самой умной собакой в погранроте. Но всё это мелочи в сравнении с тем, что он увидит сегодня!

— Ну, вот и пришли! — сказал поручик.

Ребята собирались у развилки дорог. Отсюда в лес тянулась узкая тропинка, которая вела в запретную зону. Ребята радовались и чувствовали себя героями, потому что они были приглашены сюда пограничниками. Когда начнутся занятия в школе, они тоже пригласят к себе пограничников на пионерский сбор. Придут даже командиры, и уж, конечно, придёт любимец пионеров — весёлый черноволосый поручик...

Зденек подбежал к своим товарищам как раз в тот момент, когда к ним подходил поручик.

— Ну, ребята, кто из вас возьмёт на себя команду?

Первым изъявил желание Пепик.

— Ну что ж, командуй ты! Построй отряд — и марш за мной!

Ребята быстро построились. Все они прекрасно разбирались в командах, и среди них не нашлось бы ни одного, кто не хотел бы стать пограничником.

Они шли строем по узкой дорожке и пели. Вскоре перед ними открылась поляна. Отряд остановился. Тут уже расположилось боевое подразделение пограничной заставы, а в противоположном конце поляны были расставлены мишени, изображающие человеческие фигуры. Зденек так и замер от восторга. Эх, хорошо бы пострелять!

— Ну, вот и пришли! — сказал поручик и добавил: — Пионерскому отряду занять наблюдательный пункт у опушки леса! Сидите там тихо и смотрите! Кстати, никто из вас не испугается, когда будет стрелять пулемёт? А?

— Хоть из пушек палите, не испугаемся! — храбро ответил Пепик, и ребята уселись на траву.

Несколько бойцов приготовилось к стрельбе, и скоро раздались первые выстрелы, сначала одиночные — из карабинов, а затем очереди автоматов. Ребята с восхищением смотрели, как на мишенях становилось всё больше и больше пробоин.

— Вот это всадил! — радовался Зденек, показывая на одну из мишеней.— Такая маленькая фигурка, а стала, как решето. Вот вытаращит глаза пан Паштик, когда я расскажу ему про это!

— А что, пан Паштик интересуется стрельбой? — спросил, подсев к Зденеку, поручик, который привёл ребят.

— Ещё как! — ответил Зденек. Увлечённый стрельбой, он не сказал больше ни

слова и только после того, как пограничники закончили стрельбу, добавил: — Он всем интересуется.

Стрельба на время прекратилась, и стрелки начали отмечать пробоины на мишенях.

— Но ты, конечно, не рассказываешь ему чего-нибудь лишнего? — спросил поручик, и его глаза испытующе остановились на лице мальчика. — И вы, ребята, тоже не болтаете?

— Нет! Мы ведь знаем, что надо уметь молчать,— быстро откликнулся Пепик.

Его поддержали и другие. Только Зденек взглянул сначала на поручика, потом на своих товарищей и тихо сказал:

— Ну, конечно, я знаю, что болтать...

Стрельба возобновилась. Ребята опять притихли. Один Зденек вдруг совершенно охладел к стрельбе. Но что же, собственно, рассказал он пану Паштику? Ничего! Пустяки! Пустяки, которые известны каждому. Что же тут секретного?

К ребятам подошёл старший командир. Поручик быстро поднялся. Вскочил и Пепик. Он подал команду «встать» и подошёл к командиру с рапортом. Всем ребятам страшно хотелось быть на месте Пепика, потому что командир не только принял от него рапорт, но и пожал ему руку.

— Так это тот отряд, который в будущем сменит наших пограничников?—улыбаясь, спросил командир.

— Так точно, товарищ капитан! — не задумываясь, ответил Пепик.

— Вы все из этой деревни?

— Так точно!.. То есть никак нет... Пионер Зденек из города.

Зденек встал:

— Я тоже буду пограничником, хоть я и нездешний. Может, я ещё и не уеду отсюда.

Командир одобрительно улыбнулся Зденеку.

— Ну, ребята, продолжайте смотреть!

Капитан кивнул поручику, и оба отошли немного в сторону.

— Ребята как порох! Совсем новое поколение! — сказал капитан. Он оглянулся на ребят и, понизив голос, добавил: — Час назад мне сообщили, что в поезде был задержан подозрительный человек, а несколько позже на вокзале — ещё двое. Эти голубчики направлялись сюда, на наш участок... Их задержали два наших пограничника, которые возвращались из отпуска.

Поручик присвистнул:

— А это значит...

— Да, да, это значит,— продолжал капитан,— что здесь кто-то помогает им...

— Или, по крайней мере, не прочь им помочь...— добавил поручик.

Капитан приложил руку к козырьку и направился к стрелкам, а поручик остался на месте и, о чём-то глубоко задумавшись, теребил в руках былинку.

* * *

— Сколько было там этих солдат... ну, этих пограничников?

— Не знаю!

— Что это ты вдруг ничего не знаешь?..

— Не знаю!

Пан Паштик сердито ударил кулаком по столу:

— Так что же ты, балбес, знаешь? Чем занимаешься? Траву козе не носишь,— ладно... но ты даже ничем теперь не интересуешься! Может быть, ты ещё скажешь, что не знаешь, стоят ли часовые под грибком?

— Не знаю!

— Вот как! А вчера ты мне обо всём рассказывал. Перестань валять дурака! Человек хочет... ну, это самое... он инте-

Зденек выглянул из-за угла: в трактир входил турист...

ресуется твоими пустяками, а ты ломаешься...

Зденек опустил голову. Почему пан Паштик так настойчиво выспрашивает его? А может, пан... Да нет... Не собирается же пан Паштик перебегать через границу! Ведь у него здесь дом, трактир, кролики и деньги. Просто он чересчур любопытен!.. Но есть такие вещи, о которых болтать не следует.

Раздражённый молчанием мальчика, пан Паштик грохнул дверью и вышел.

Зденек схватился за голову. Если пан Паштик крепко рассердился на него, он снова заставит его работать. Тогда опять прощай свободная жизнь! Надо помириться с ним...

Зденек встал. Не стоит мучиться из-за пустяков. Он пойдёт на улицу и встретится со своими приятелями. В конце концов, какое ему дело до того, что пан Паштик стал таким любопытным? Главное, чтобы пан Паштик на него не сердился и был доволен им.

И Зденек, чтобы не проходить мимо сердитого дядюшки, выпрыгнул в сад через окно. В тот же момент на улице послышались чьи-то шаги. Зденек выглянул из-за угла: в трактир входил турист... тот самый, который был у них дважды... Зденек уже собирался перемахнуть через забор, как вдруг заметил ещё одного человека, который поспешно шагал от поворота шоссе. Он тоже направлялся к трактиру.

Пока Зденек соображал, где могут быть сейчас ребята, появился третий незнакомец. Мальчик удивился. Почему это все туристы сходятся сегодня так поздно? И почему пан Паштик именно сегодня так расспрашивал о том, где стоят часовые?

Недолго думая, Зденек влез обратно в комнату и тихонько, чтобы не скрипели половицы, подкрался к дверям пивной. Оттуда доносился какой-то шум, шаги. Вот хлопнула дверь. Видимо, пришёл ещё кто-то... Потом послышался приглушённый голос пана Паштика:

— Честь имею приветствовать вас, господа! Прошу не беспокоиться: всё в порядке!

Зденек заглянул в замочную скважину и увидел, как турист, который уже заходил сюда раньше, беспокойно прохаживается по залу.

— Ну как? Есть новые сведения? — спросил он.

— Есть! — ответил пан Паштик.— Мальчишка у меня толковый!

При этих словах у Зденека подкосились ноги: «Толковый! Стало быть, я действительно выболтал что-то... Пост под грибком!.. Правильно, из деревни туда никто не ходит, там уже запретная зона...»

— Мальчик,— слышит он,— друг пограничников и легко прошмыгнёт туда...

Зденека затрясло, как в лихорадке. Нет, нет, он не будет предателем! Ему ясно, что надо бежать к грибку. Хоть до него и далеко, он полетит туда, как ветер, и расскажет всё пограничникам, а они передадут сведения поручику. А может, он встретит кого-нибудь из них по пути?.. Едва Зденек занёс ногу на подоконник, как услышал, что пан Паштик зовёт его:

— Зденек, где ты, озорник?

Зденек только присвистнул: «Скоро вы узнаете, где я!» И помчался прямо к опушке леса.

В этот момент на чердаке одного из домов в конце села приоткрылось слуховое оконце. Кто-то высунулся из него, пристально посмотрел на бегущего Зденека, потом показал рукой на окна трактира:

— Подай сигнал!

Другой человек, стоявший позади, тихо ответил:

— Есть, подать сигнал!..

Наступила тишина. Где-то в поле мелькала маленькая фигурка бегущего Зденека.

Чем дальше он бежал, чем ближе приближался к своей цели, тем яснее ему становилось, что он совершил страшное дело... Он злоупотребил дружбой пограничников и выболтал что-то лишнее. Но, может быть, ещё удастся всё исправить?.. Ведь пост под грибком сумеет предупредить остальных. Они доберутся до тех, кто собрался у пана Паштика. Зденек задыхался от быстрого бега, поскользнулся, разбил колено, но продолжал бежать.

«Только бы скорее добежать! Только бы скорее...» Зденек знал, что сейчас дорога каждая секунда. Он пронёсся по опушке леса, миновал полянку в запретной зоне и побежал по дорожке через овраг. Острые камни царапали его босые ноги. Грибок был уже близко...

Вот и он! Зденек огляделся, отирая рукой пот со лба, и оцепенел от ужаса: под грибком никого не было. Никого!

Зденек закричал:

— Э-э-эй! Ча-со-во-ой! Ча-со-вой!

Но лес тихо шумел, и только далёкое, глухое эхо возвращало Зденеку его отчаянные призывы.

Зденек увидел фигуры прямо перед собой.

Если часового здесь нет, то он должен быть где-то поблизости... Должен быть! Зденек с трудом перевёл дыхание и побежал дальше. Он бежал по лесу, не обращая внимания на ветви, ударявшие его по лицу...

Наконец он остановился. Сердце его билось от усталости и страха.

Что если он не успеет предупредить часовых до наступления полной темноты? Вдруг этим людям удастся перейти границу? Совершенно обессилев, Зденек решил повернуть к дому, но не знал, в какую сторону идти. Он почувствовал, что заблудился, но всё-таки шёл.

Стало темно. Зденек стискивал зубы, чтобы не расплакаться. Он не видел, что рядом с ним за деревьями притаились пограничники, один из них подал другим знак не шевелиться.

Когда Зденек миновал их, они зашептались:

— Это как раз тот мальчик. Я знаю его! Но что ему здесь надо?

Зденек вдруг остановился. Он подумал, что пора бы уж ему выбраться на опушку, и начал озираться во все стороны. Тропинка показалась ему знакомой. Сделав ещё несколько шагов, он понял, что снова приближается к грибку, и решил продолжать разыскивать часовых.

Вдруг Зденек увидел какие-то три неясные фигуры. Он пригнулся к земле: кто это? Пограничники?.. Тут он заметил четвёртую фигуру и сразу узнал её: «Пан Паштик! Так, значит, «туристы» уже отправились в дорогу!..» Зденек бессильно сжал кулаки. Они идут как раз по той тропинке, о которой так часто расспрашивал его пан Паштик. Ясно, что они не пойдут к грибку, они обойдут его стороной. Они пойдут полями: там безопасней. Потом они перейдут овраг и направятся прямо к границе. Отсюда до неё рукой подать!

«Но они не перейдут её,— подумал Зденек.— Я сделаю всё, что в моих силах».

Лесной тропинкой он забежал вперёд. Зденек не видел туристов в темноте, но он прекрасно знал, в каком направлении они пойдут. Они пройдут здесь, если направятся той дорогой, которой так интересовался пан Паштик. Он остановит их. Ведь поручик не раз говорил, что главное — захватить противника врасплох...

Зденек скатился в овраг и стал ждать. Ну вот наконец кто-то идёт прямо на него, скользя и спотыкаясь. Кто-то осторожно шикает:

— Тихо!..

«Ага, это тот «турист». Зденек увидел тени прямо перед собой.

«Пора!»

Он поднял камень — ничего другого у него под руками не было — и бросил его изо всех сил. Кто-то вскрикнул от боли. В тот же момент Зденек крикнул во весь голос:

— Стой!

Началась суматоха. Один из перебежчиков бухнулся на землю. Остальные пустились наутёк. Зденек успел вцепиться в руку упавшего. Это был пан Паштик! Но тут сильная рука схватила Зденека за плечо, и в ту же минуту его ударили в висок. В глазах у него потемнело. Он свалился на землю и потерял сознание. Зденек уже не видел, как пограничники поднялись из своих засад и, пробивая фонарями тьму, стали стягивать кольцо вокруг перебежчиков. Скоро задержанные стояли перед пограничниками, подняв руки вверх.

Поручик наклонился над Зденеком, внимательно осмотрел его и сказал:

— Опасного ничего нет... Возьмите его на руки! Как я за него волновался, когда он бежал из трактира!.. Ведь я подумал, что мальчик у них связной... А он, оказывается, спешил предупредить нас... Молодчина!

День был уже в полном разгаре, когда Зденек прощался с поручиком. У мальчика были забинтованы колено и голова. Поручик от имени пограничников вручил ему подарок — костюм и ботинки — и сказал:

— Возьми и не бегай больше по лесу босиком! Передай привет своей бабушке! Не жалей, что уезжаешь отсюда. У пана Паштика ты ничему хорошему не научился бы. Когда подрастёшь немного, ты сможешь стать пограничником, потому что ты научился главному — бдительности.

Зденека повезли в машине, и когда он проезжал через деревню, то увидел, что трактир пана Паштика закрыт, а у дверей стоит часовой. Ребята — друзья Зденека — стояли по обеим сторонам шоссе. А он сидел рядом с офицером и улыбался им. Зденек чувствовал, что он не только искупил свою вину, но и стал настоящим другом пограничников.

«Костюм и ботинки я буду носить только по праздникам»,— подумал Зденек. Он оглянулся, ещё раз посмотрел на деревню и пограничную заставу и помахал рукой.

Перевёл с чешского
Георгий Шубин.

ЛЕСНЫЕ ОГОНЬКИ

Не жужжит в траве пчела...
Ночь в притихший лес вошла,
На кусты, на ветки ёлок
Опустила тёмный полог.

Подорожник у дорожки
Развернул свои ладошки,—
Вдруг на кругленьком листе
Свет зажёгся в темноте!

Загорелся, как фонарик,
Одуванчик — белый шарик!
Светлячок по лесу носит
Свой фонарик голубой.

«К нам иди! — ромашки просят.—
Веселее нам с тобой!»

Разрослись под ёлкой густо
Кашка, заячья капуста,
К ним на стебли, на листки
Заползают светлячки.

Салютуют огоньками
И, мерцая и дрожа,
Точно в травах с фонарями
Ходят ночью сторожа.

Е. Трутнева

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО УКРАИНЕ

Члены туристского кружка Фрунзенского дома пионеров Москвы летом прошлого года путешествовали по Украине. Здесь мы помещаем рассказы ребят о том, что они увидели и узнали во время путешествия, и фотографии, сделанные участником похода Игорем Букановым.

ПОЛТАВА

В Полтаву мы приехали в два часа ночи. Нам не терпелось поскорее увидеть город, который у всех нас прежде всего, конечно, связан с памятью о знаменитой Полтавской битве. Поэтому уже в шесть часов утра мы вышли из вокзала в город. День вставал безоблачный, светлый, небо было синее, высокое, всюду какая-то необыкновенно яркая зелень, и среди этой зелени белые домики. Полтава сразу же нам очень понравилась.

Мы направились в 5-ю школу, к своим друзьям, с которыми были знакомы только по переписке. Они знали о нашем приезде, ждали нас и, хотя было ещё очень рано, встретили во дворе школы с цветами. Нас поместили в классе, в котором для нас были приготовлены кровати, на окнах стояли букеты цветов. И пока мы отдыхали после бессонной ночи, ребята просто завалили нашу комнату яблоками и грушами.

Полтавские ребята рассказывали о своей жизни, наперебой советовали, что посмотреть в Полтаве. А мы рассказывали им о Москве, об университете на Ленинских горах, о нашем Доме пионеров, о своём туристском кружке, о походах...

На другой день с утра по совету ребят мы отправились в Полтавский исторический музей. Там мы узнали, как мужественно оборонялись полтавчане в 1709 году, когда шведы подошли к городу и три месяца держали его в осаде. В городе почти не осталось боеприпасов и продовольствия. Но полтавчане не сдавались, они отбивали штурмы шведов и сами били врага, как могли: рыли подземные ходы и нападали на врага врасплох.

Полтавчане поклялись защищать свой родной город до последней капли крови. Они знали, что если Полтава падёт, перед шведами откроется незащищённая дорога на Москву.

Наконец Пётр сосредоточил свои войска близ Полтавы и переправил их через реку Ворсклу. И вот 27 июня 1709 года «грянул бой, Полтавский бой».

Мы были и на том самом месте, где шёл зна-

менитый Полтавский бой. Видели памятник Петру I и склепы, в которых похоронены русские и шведские воины, видели шведские знамёна, захваченные русскими в Полтавском бою.

В залах Полтавского музея хранится много материалов о партизанской борьбе украинского народа во время Великой Отечественной войны, о подвигах советских патриотов. Особенно поразило нас то, что мы узнали о полтавской комсомолке Ляле Убийвовк. Про неё мы ещё в Москве читали в книге Олеся Гончара «Земля гудит». А в музее мы увидели красный галстук, который Ляля носила, когда она была пионеркой, лялины книги, её любимое платье. И образ этой прекрасной девушки стал нам ещё ближе и дороже. Мы узнали, что в Полтаве живёт и работает отец Ляли — Константин Григорьевич Убийвовк. Нам очень захотелось поговорить с ним, расспросить его о Ляле.

Мы отправили к Константину Григорьевичу двух посланцев. Они вернулись и сказали, что завтра вечером Константин Григорьевич сам придёт к нам в гости.

Константин Григорьевич пришёл, рассказал нам о детстве Ляли, о том, какой упорной, настойчивой и честной была она.

Когда началась Великая Отечественная война, Ляля уже была комсомолкой, училась в Харьковском университете. По заданию обкома партии она осталась в тылу врага и создала подпольную комсомольскую группу «Непокорённая полтавчанка». Эта организация существовала недолго, но успела сделать очень много. Комсомольцы печатали и распространяли листовки, устроили побег военнопленных из немецкого концлагеря, готовились к встрече Советской Армии. Из-за подлого предательства организация была раскрыта. Лялю и её товарищей арестовали и казнили. Комсомольцев долго мучили, пытали, но никто из них не сказал ни слова фашистам.

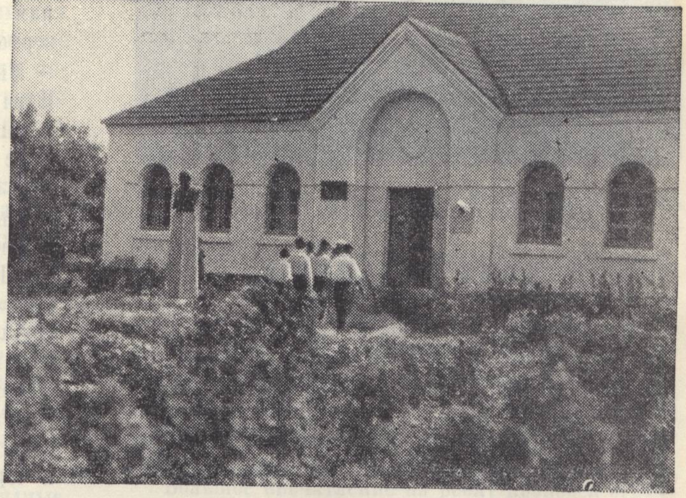
Мы прожили в Полтаве четыре дня. Побывали в Доме-музее В. Г. Короленко. Купались в Ворскле, просто ходили по городу и любовались им.

Не хотелось нам уезжать из Полтавы, но впереди было ещё столько интересного!

Алла Аскинази

В Полтаве ребята побывали в гостях у К. И. Сердюка — одного из героев «Педагогической поэмы» Макаренко.

Музей Н. В Гоголя в Сорочинцах.

Прогулка по Днепру.

Памятник на могиле Т. Г. Шевченко.

БЛИЗ ДИКАНЬКИ...

Сколько раз читали мы чудесную книгу Гоголя, сколько раз до слёз смеялись над лукавыми, полными мягкого юмора рассказами пасечника Рудого Панька! Даже не верится, что сейчас мы едем в те самые места, где проходили шумные Сорочинские ярмарки, где гуляла «красная свитка», где лихо отплясывал со своими товарищами чернобровый парубок Левко.

Миргород, Сорочинцы, Диканька — вот наш маршрут. Увидим ли мы там что-нибудь напоминающее гоголевские времена?

И вот мы в Миргороде, небольшом зелёном городке с белыми домиками и тихими мощёными улицами. Но тишина эта обманчива: жизнь в городе бьёт ключом. Город растёт, строятся новые дома. Совсем не похож этот Миргород на тот захолустный сонный городок, где ссорились от скуки и безделья Иван Иванович с Иваном Никифоровичем.

На другой день с восходом солнца мы пешком отправляемся в село Сорочинцы.

Утро... Воздух чистый, прозрачный, солнце ещё не очень сильно припекает. Мы шагаем по дороге, обсаженной тополями, а кругом, насколько видит глаз, раскинулись поля. Хлеба почти везде уже убраны, но кое-где ещё стрекочет мотор комбайна или трактора. По дороге навстречу нам одна за другой проносятся автомашины с зерном.

Мы молча шагаем по мягкой песчаной дороге... Идти трудно, ноги вязнут в песке, а кругом так хорошо и тихо, что не поются походные песни и даже разговаривать не хочется. Идёшь, как заворожённый...

Мы стоим под дикой грушей и, вздыхая, глядим на её мелкие зелёные, явно несъедобные плоды. Кто-то вспоминает про «Лисицу и виноград»... Все смеются. Так и не попробовав диких груш, идём дальше. Однако «лисицам» везёт. Через полкилометра нам попадается шелковица. «Туристы! На «объект» в атаку марш!» — возглашает наш руководитель Борис Григорьевич. «Ура!» — раздаётся ликующий дружный вопль, и через десять минут шелковица стоит без единой ягоды. А мы идём дальше, вытянувшись длинной цепочкой... Полдень уже надвигается, и солнце палит нещадно. Жарко, мы устали, ботинки полны песку.

Последние километры идём с песней. Песня... Бодрая, весёлая, сколько раз она выручала нас, когда мы едва брели от усталости, когда ныли ноги от каменистых дорог!

Мы поднялись на холм, и перед нами открылся вид на Сорочинцы. На жёлтом фоне полей ярким пятном зеленело село. Сквозь гущу садов виднелись белые с красными крышами, будто игрушечные, домики. Голубой Псёл поблескивал на солнце.

Село так велико, что другой конец его еле виден. Мы вошли в село и спросили, как пройти к школе-десятилетке.

Дом-музей А. С. Макаренко в Крюкове.

— А вам какую школу нужно? У нас не одна десятилетка,— с гордостью ответили нам местные жители.

Прошли мимо большого красивого здания педагогического училища, мимо нового клуба. Наконец перед нами новое трёхэтажное здание. Это и есть школа, где мы должны остановиться. Сложили вещи и побежали на реку купаться.

На другой день чуть свет мы уже спешили на колхозный рынок. Шли туда с особым удовольствием, потому что это не простой рынок. Ведь он на том самом месте, где когда-то были знаменитые Сорочинские ярмарки!

На рынке полным-полно овощей, фруктов, молока, творогу... Гудит толпа, слышится смех.

Вокруг базарной площадки магазины. Мы зашли в книжный магазин и купили на память о Сорочинцах замечательное издание сочинений Н. В. Гоголя.

Днём были в гоголевском музее. В глубине небольшого тенистого сада стоит белый одноэтажный домик. Здесь прошло детство Николая Васильевича Гоголя. Вокруг дома развесистые деревья, кустарники, яркие цветы. Дорожки посыпаны песком. Со всех концов нашей страны приезжают в Сорочинцы люди, чтобы побывать в этом маленьком домике.

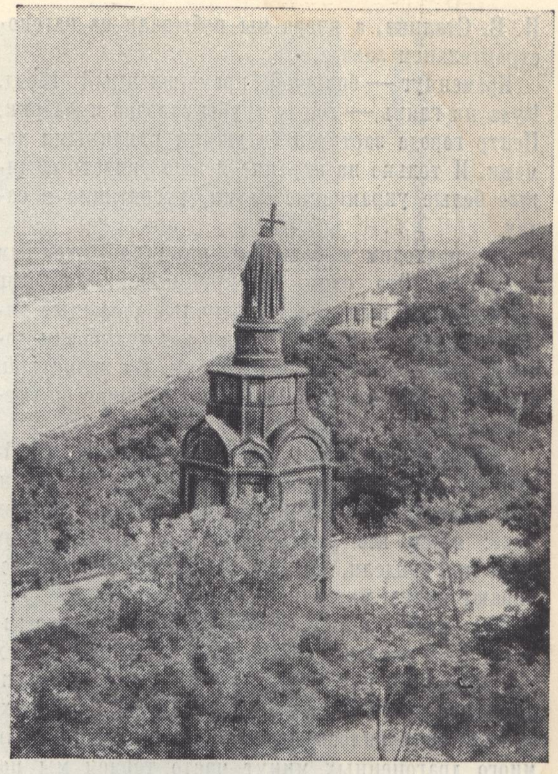
Вечером мы долго сидели на берегу реки. «Знаете ли вы украинскую ночь? Нет, вы не знаете украинской ночи!» Любовались мы ею допоздна и не могли налюбоваться.

И вот мы снова в пути. Проходим через большой новый мост и опять невольно вспоминаем «Сорочинскую ярмарку». Ведь на этом самом месте разыгралась та смешная сценка, когда воз, на котором сидели красавица Параска и её дородная мачеха Хивря, повстречался с весёлыми, озорными парубками.

И сейчас по мосту проходят весёлые нарядные парни и девушки, проезжают телеги, запряжённые волами... Но вот промчалась колхозная «Победа», за ней другая, а чуть в стороне от дороги тарахтит самоходный комбайн. И это сразу меняет картину. Сорочинцы уже не те, что были в гоголевские времена, они сильно изменились, стали богаче, счастливее.

Мы идём дальше. Встретились с группой наших ребят, которые, пока мы ходили в Сорочинцы, успели побывать в Диканьке. Ребята с удовольствием рассказывают нам обо всём, что они видели в прославленном Гоголем местечке.

Сейчас — это огромное село, похожее на маленький город. Диканька — районный центр, объединяющий двадцать крупных колхозов. Здесь живёт около пятнадцати тысяч человек! В селе прекрасный Дворец культуры, кино, три библиотеки, большой тенистый парк, а в парке — памятник Гоголю. Этот памятник сделан

Памятник князю Владимиру в Киеве, над Днепром.

молодым талантливым скульптором-самоучкой, местным жителем, комсомольцем Ильиченко.

Наши ребята побывали в колхозе имени В. И. Ленина. Это богатейший колхоз, он находится совсем близко от Диканьки. Ребята говорят, что никогда не видели таких бескрайних полей пшеницы, кукурузы, подсолнечника. Колхозники собирают богатейшие урожаи.

Большое впечатление на ребят произвёл огромный колхозный фруктовый сад.

Мы рассказываем друг другу о своих впечатлениях. Идём степью. По обеим сторонам дороги пшеница, клевер, кукуруза — богатые колхозные поля.

Игорь Буканов

КРЕМЕНЧУГ — КРЮКОВ

«Подъём!» — кричит дежурный. Никто не шевелится. «Подъ-ё-ём!» — снова раздаётся крик, и на этот раз такой настойчивый, оглушительный, что улежать на месте уже невозможно. Мы вскакиваем и бежим к Днепру.

Вот уже второй день мы живём в Кременчуге. Здесь впервые увидели Днепр, и теперь нас так и тянет к нему: всё не можем налюбоваться этой могучей рекой.

Сегодня у нас интересный день — экскурсия на Завод дорожного машиностроения имени

И. В. Сталина, а вчера мы побывали на вагоностроительном заводе.

Кременчуг — большой промышленный город. Куда ни глянь,— всюду трубы заводов и фабрик. Центр города застроен большими каменными домами. И только на окраине можно увидеть обычные белые украинские хатки, утопающие в садах.

Мы подходим к большим кирпично-бетонным корпусам. Это один из крупнейших заводов Украины, он выпускает различные дорожные машины: канавокопатели, катки для трамбовки дороги, асфальто-бетонные месилки. Во время войны завод был целиком разрушен. Сейчас он восстановлен и работает на полную мощность.

Экскурсовод ведёт нас из цеха в цех. В литейном мы смотрели, как отливают детали машин. Нас поразило, как мало людей работает в этом цехе: здесь всё делают машины. В сборочном цехе мы увидели, как из отдельных деталей собирают целую машину.

Мы видели, как работают лучшие рабочие завода. Нас поразила чёткость, слаженность всех их движений, они умеют беречь каждую секунду своего рабочего времени. Мы смотрели на них, и нам становилось стыдно, вспомнилось, как много драгоценных минут часто теряем мы попусту у себя в школе на уроках.

Кременчуг и Крюков расположены совсем близко друг от друга, только на противоположных берегах Днепра. Огромный новый мост соединяет их. Это почти один город.

На другой день мы были в Крюкове и разыскали там небольшой домик с зелёными ставнями. Это Дом-музей Антона Семёновича Макаренко. Мы все много слышали и читали об этом замечательном советском педагоге, читали его «Педагогическую поэму». Поэтому нам особенно хотелось побывать в доме, где он жил и где сейчас собраны фотографии, рукописи, письма Антона Семёновича.

Тут мы видели его личные вещи: книжный шкаф, который Антон Семёнович когда-то купил на свой первый заработок, любимые книги Антона Семёновича, его рисунки... Нам запомнился этот небольшой, скромный музей, такой же простой и строгий, каким был сам Макаренко.

А через несколько дней мы встретились с учеником Макаренко — с живым героем «Педагогической поэмы» — Семёном Афанасьевичем Калабалиным.

У нас в руках коротенькое письмо от Семёна Афанасьевича, которое он прислал нам в Москву ещё весной:

«Дорогие ребята! Приезжайте обязательно, накормим борщом и историями. Желаю успеха в ваших добрых начинаниях». И подпись «Ваш С. А. Калабалин».

И вот мы приехали к нему, в Мотовиловку.

Мы подходим к детдому. Во дворе порядок, много цветов, хороший спортгородок. На качелях гроздьями виснут ребятишки.

Мы спрашиваем, где можно найти Семёна Афанасьевича. И в это время с крыльца небольшого домика навстречу нам спускается высокий широкоплечий человек с чёрными, тронутыми сединой волосами. И мы узнаём его. Улыбаясь, он здоровается и ведёт нас в дом. Там мы познакомились с Галиной Константиновной, женой Семёна Афанасьевича. Как мы удивились и обрадовались, когда узнали, что Галина Константиновна — это та самая «черноглазая черниговка» из «Педагогической поэмы», которая некогда на вопрос Ваньки Лаптя: «А Днипро переплывёшь?» — смело ответила: «Переплыву».

Мы быстро познакомились с ребятами, освоились. В детском доме почти не видно взрослых. На поле, в доме, на кухне — везде командуют пятнадцати-шестнадцатилетние повара, завхозы, плотники. Нас поразила привязанность младших ребят к старшим и то, с какой нежной заботливостью и вниманием большие ребята относятся к малышам. Везде звучат весёлые голоса и смех ребят, песни.

А вечером к нам в комнату пришёл Семён Афанасьевич и много, тепло рассказывал нам о Макаренко, о том, каким большим человеком был Антон Семёнович, о его чудесной жизни.

О себе Семён Афанасьевич не любит рассказывать. Мы только узнали, что жизнь его была нелёгкой.

Мы любили Семёна Афанасьевича как одного из героев любимой книги. А теперь, при встрече, его спокойный голос, смелые карие глаза, мужественный облик совсем покорили нас.

Элла Шевченко и Борис Громов

КАНЕВ

Утро. Мы только что сели на пароход и с нетерпением ждём, когда же он отчалит. Это — наше первое путешествие по Днепру.

Наконец свисток — и берега медленно плывут назад.

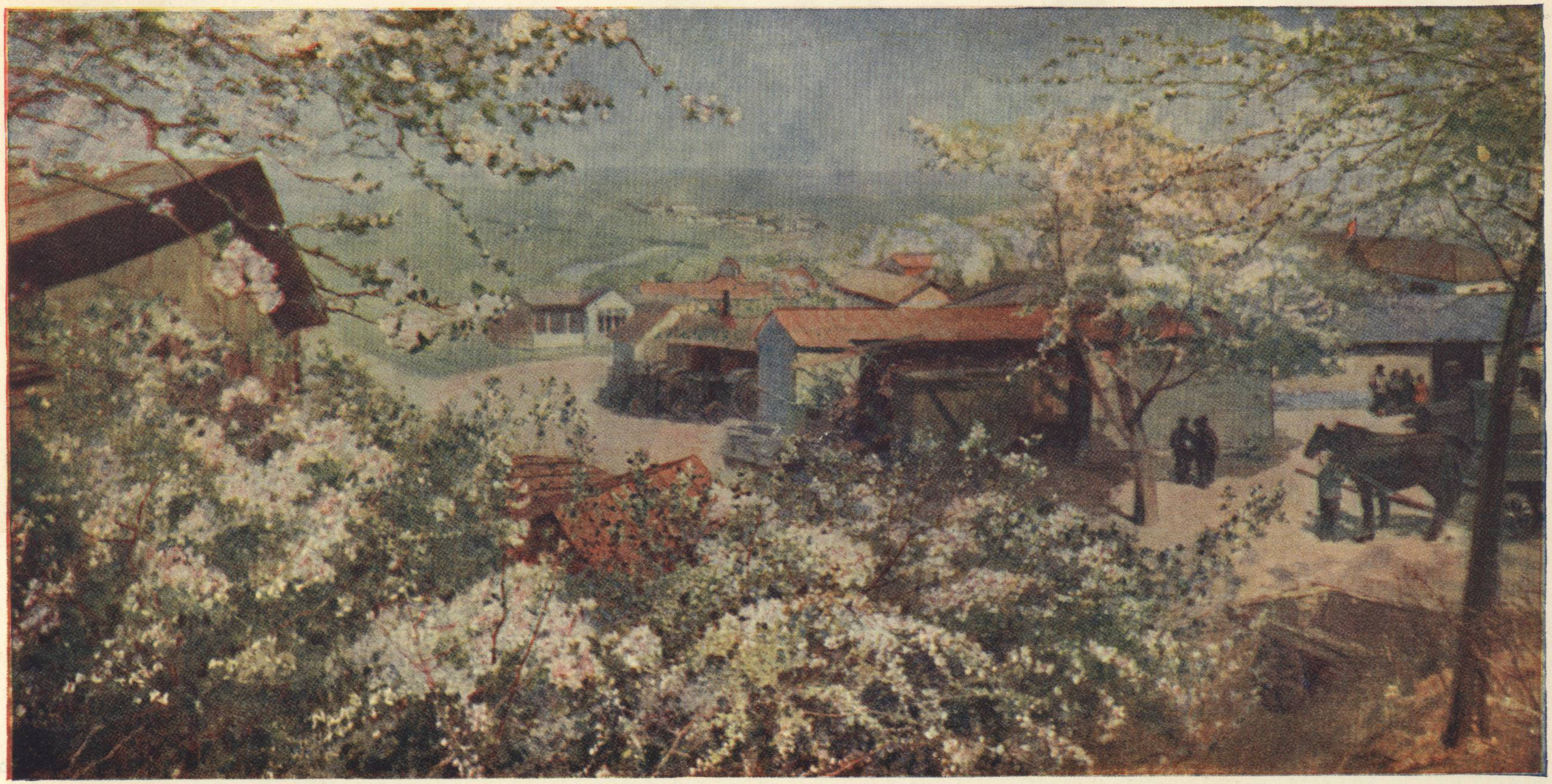
Мы стоим на палубе. Народу на пароходе много, скамейки почти все заняты. С завистью смотрим на счастливцев, которым разрешается входить на капитанский мостик и стоять там.

Днепр чудесен! Куда ни взглянешь,— всюду бесконечный речной простор. Только узкая полоска берега, освещённая солнцем, отделяет воду от ясноголубого неба. Смотришь на эту ширь, и охватывает тебя какое-то удивительное чувство свободы и простора. И невольно вспоминается замечательное описание Днепра у Гоголя: «Чуден Днепр при тихой погоде, когда вольно

НАВЕКИ С МОСКВОЙ, НАВЕКИ С РУССКИМ НАРОДОМ.

Хмелько М.
Киевский государственный музей украинского искусства.

КОЛХОЗ В ЦВЕТУ.

Светлицкий Т.

Киевский государственный музей украинского искусства.

и плавно мчит сквозь леса и горы полные воды свои».

Мы сидим на палубе. Кто читает книгу, кто что-то записывает, кто беседует с пассажирами. На корме, удобно расположившись за ящиками, группа наших ребят поёт. Они сочиняют новую походную песню.

Мы уже освоились на пароходе, получили разрешение стоять на мостике и даже сидеть в капитанской рубке. Время идёт незаметно. Солнце, которое в течение всего дня плыло над пароходом, неожиданно обогнало нас и начало быстро клониться к горизонту.

Мы решили ночевать на палубе. Вытащили из рюкзаков одеяла, расстелили за ящиками и легли.

Рано утром на следующий день проснулись от холода. Вся палуба была мокрая от росы. Солнце только всходило... Пароход подходил к Каневу. И первое, что мы увидели,— это памятник Тарасу Шевченко. Гордо возвышался он над могучим Днепром.

В шестом часу утра подъезжаем к пристани и идём в город, до него километра четыре. Канев расположен на холмах, покрытых пышными садами. По обеим сторонам дороги стоят белые, а кое-где голубые дома, около каждого из них небольшой сад, огород, под окнами — мальвы, георгины.

Нас поместили в городском Доме пионеров. Он стоит на главной улице, которая так красива, что её называют Каневским Крещатиком. Улица неширокая, но на ней удивительно много зелени и цветов.

В этот же день мы пошли на могилу Аркадия Петровича Гайдара — нашего любимого писателя, который так любил ребят, так много чудесных книг написал для них и сам погиб смертью храбрых за нашу прекрасную Родину. Гайдар похоронен в парке над Днепром. Его могила утопает в цветах, над ней зеленеет берёзка, посаженная сыном Гайдара, Тимуром. В изголовье лежит белая мраморная доска, на которой высечены замечательные гайдаровские слова о счастье:

«...Что такое счастье — это каждый понимал по-своему. Но все вместе люди знали и понимали, что надо честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную счастливую землю, которая зовётся Советской страной».

От этих слов на душе становится светло и грустно. И хочется здесь, на могиле писателя, поклясться, что будешь лучше, честнее.

Около Дома пионеров находится школа, в которой учился Олег Кошевой, когда жил в Каневе. В школе висит большой портрет Олега, на огромном листе написан текст клятвы молодогвардейцев, тут же висит Указ о присвоении Олегу Кошевому звания Героя Советского Союза. Мы заходим в небольшую комнату с двумя окнами. Это его класс. И нам хочется представить себе Олега таким, каким он сидел за этой партой у окна.

На другой день мы отправились в музей Шевченко. До музея около шести километров. Миновав пристань, мы прошли ещё километра два и поднялись в гору по крутой лестнице. Перед музеем на высоком постаменте мы увидели памятник великому кобзарю. Музей нам очень понравился. В нём собрано много материалов о жизни и творчестве Тараса Григорьевича.

Женя Шекалова

В СТОЛИЦЕ УКРАИНЫ

К Киеву наш пароход подходил ночью. Ещё издали увидели мы бесчисленные огни. Ночь была лунная, звёздная. И звёзды, и луна, и огни города отражались и дрожали в тёмной воде Днепра. Казалось, будто мы плывём по огням.

Киев расположен на высоких холмах. Многочисленные парки террасами спускаются к воде.

Чтобы попасть в центр города, нужно подняться на фуникулёре — по канатной дороге. Вагоны фуникулёра похожи на трамвай, только гораздо меньше, и поднимаются они по крутому, почти отвесному склону на стальных тросах.

И вот мы очутились наверху, в чудесном парке. Садимся уже в обыкновенный трамвай и едем «домой», в детский дом, где мы должны остановиться. Вдруг кто-то крикнул:

— Золотые ворота!

Мы проезжаем мимо каких-то каменных стен. Неужели это и есть Золотые ворота? Оказывается, да.

Золотые ворота — это памятник далёкой старины. Построенные почти тысячу лет назад, при Ярославе Мудром, они прикрывали один из входов в крепость, которая надёжно защищала Киев от набегов кочевников. В тайниках Золотых ворот князья хранили свою казну. Над воротами находилась башня с позолоченными куполами, а сами ворота были окованы позолоченной листовой медью. Всё это ослепительно сверкало на солнце. Поэтому-то ворота и были названы золотыми.

И ни разу через Золотые ворота неприятель не вошёл в Киев. Устояли они и перед штурмом Батыя, когда он осаждал Киев. Татарские орды ворвались в Киев через другие ворота, и после этого Батый в ярости приказал разрушить Золотые ворота. Сейчас от всей Киевской крепости остались только две полуразрушившиеся стенки Золотых ворот.

Государство заботится о сохранении этого памятника древней культуры. Стены скреплены железными балками, покрыты навесом.

Развалины разрушенного немецко-фашистскими захватчиками Успенского собора в Киево-Печерской лавре.

Детский дом, где мы остановились, нам очень понравился: красивый, благоустроенный, кругом много цветов.

Мы подружились с ребятами, которые здесь живут. Много рассказывали друг другу, вместе пели песни, а вечером смотрели по телевизору «Запорожец за Дунаем».

На другой день рано утром мы сели в экскурсионный автобус и покатили по Киеву.

От старинной Андреевской церкви, которая стоит на вершине холма, особенно хорошо видна нижняя часть города — Подол. На Подоле (по долу Днепра) когда-то селились ремесленники, городская беднота. Сейчас там широкие прямые улицы, высокие светлые дома, окружённые парками, садами, цветниками. Вдали, у самого горизонта, поднимаются трубы Киевской ГЭС. Немного правее серебряной полосой на солнце блестит Днепр. У его причала покачиваются пассажирские катера, а вдалеке юркие буксирные пароходики, пыхтя, тащат за собой вереницы груженых барж.

Едем дальше. И вот мы на площади Богдана Хмельницкого. Кругом море цветов... А в центре — бронзовый всадник на вздыбленном коне. Гетманской булавой указывает он на северо-восток, по направлению к Москве. Памятник символизирует нерушимое единство Украины с Россией.

Здесь же, на площади, знаменитый Софийский собор — один из самых древних памятников зодчества Киевской Руси. Снаружи он кажется светлым, лёгким, а внутри — такой строгий, даже мрачный. Гулко раздаётся в тишине каждый лёгкий звук, каждый шаг. На стенах потемневшие от древности лет иконы, тускло поблескивают их позолоченные оклады. Стены и потолок расписаны фресками, пол покрыт мозаичными узорами. Вот перед нами огромный мраморный саркофаг, богато украшенный резьбой. В этом саркофаге похоронен Ярослав Мудрый.

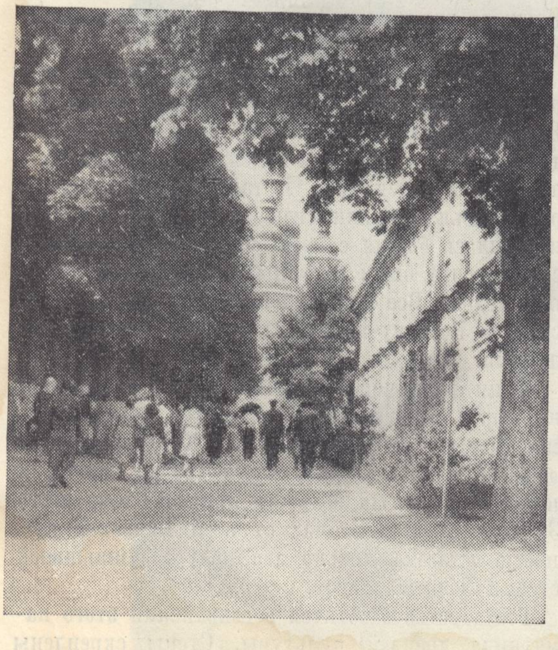
Нам очень понравился Крещатик. Это главная и самая красивая улица Киева. Все дома здесь новые, светлые, нарядные, и от этого улица кажется какой-то праздничной. Крещатик окаймлён густыми каштанами.

В Киеве мы прожили несколько дней. Побывали в Историческом музее, в Киево-Печерской лавре, ходили с экскурсией на станкостроительный завод, видели Киевский университет, планетарий, театры, дворцы культуры, парки, катались на лодках по Днепру...

Весь последний день мы ходили по Киеву, смотрели и не могли налюбоваться прекрасным городом. В Киеве нет ни одной улицы, ни одного переулка, где бы не было цветов.

Мы очень полюбили Киев с его цветниками, парками, садами, чудесными памятниками старины и великолепными вновь отстроенными улицами. Не хотелось расставаться с этим прекрасным городом.

Женя Лаврова

Вход в Киево-Печерскую лавру.

СТАРШАЯ СЕСТРА

Повесть Л. Воронковой. **Рисунки М. Клячко.**

(Продолжение)

БЕДА ВОШЛА В ДОМ

Фатьма так и не пришла на праздник. Зина, глубоко обиженная, сидела на уроке, поджав губы.

«Даже и не спросила,— думала Фатьма,— наверно, даже и не заметила, что меня не было!..» И тоже не заговаривала с Зиной. И обе они, каждая про себя, решили: «После каникул надо сесть на другую парту».

День прошёл, как всегда, с той лишь разницей, что было много разговоров в классе о вчерашнем празднике. Девочки спрашивали, какие подарки получила Зина, Зина рассказывала. Отцовский подарок — краски — она принесла в школу и показала девочкам. Девочки любовались ими, немножко завидовали: ах, какие краски! Яркие, крупные, квадратные, каждая сидит в своём гнёздышке... И если, например, покрасишь небо голубой краской, то уж небо будет по-настоящему голубое, а сделаешь красный флаг, так уж флаг будет действительно красный!

Молчала только Фатьма: разве Зине есть дело до её мнения?

И не удивилась такому прекрасному подарку Тамара.

— У меня такие краски ещё в первом классе были,— сказала она.— Что же в них особенного?

— У меня, между прочим, тоже были,— насмешливо ответила ей Сима Агатова,— но в наших руках эти краски, конечно,— ничего особенного. А вот в зининых руках это будет особенное! Нам с тобой хоть в золотой коробке дай, мы всё равно ничего не сумеем!

Тамара пожала плечами:

— Подумаешь!

После уроков Зина и Тамара вышли вместе. Немножко заметало. Крыши домов на фоне темносерых туч казались особенно белыми.

— Значит, после обеда придёшь? — спросила Тамара.

— Конечно, приду,— ответила Зина, задумчиво глядя вдоль улицы.

Она глядела на серые и зелёные заборы, убранные белой кромкой снега, на белые ветки деревьев... Вот кто-то зажёг свет, окно осветилось — жёлтое пятно среди белых, серых и синевато-серых тонов. Приятно сжалось сердце: Зина сейчас придёт и нарисует всё это, обязательно, обязательно нарисует. И назовёт картинку «Вечерняя улица» или «Сумерки бредут»...

— Ну, смотри, обязательно приходи,— прервала её мысли Тамара.

Её голос ворвался в мир неясных и сладких ощущений и причинил Зине почти физическую боль. Хотелось сказать: «Да отойди ты от меня, пожалуйста, оставь меня одну!» Но Зина сдержалась, только покрепче сжала губы.

— Ведь завтра контрольная,— продолжала Тамара,— смотри, а то срежусь ещё!

— Я приду,— сказала Зина и поспешила войти в калитку своего двора.

Она шагала через две ступеньки. Сейчас поскорей пообедает, а потом немножко порисует, а потом поскорей сходит к Тамаре и вечером, когда некуда будет спешить, порисует как следует. Ах, хорошо жить!

Но только она открыла дверь квартиры, как улыбка сбежала с её лица. В квартире было что-то уж очень тихо, пахло лекарством...

Антон, который открыл ей дверь, глядел на Зину широкими глазами, полными тревоги.

— Тише...— сказал он,— у мамы голова заболела.

Зина сбросила пальто и почти вбежала в комнату. Мама лежала на диване с мокрым полотенцем на голове. Зина присела на край дивана:

— Мамочка, ты что?

Из-под полотенца глянули на Зину большие серые, почти незнакомые глаза. Зина не видела никогда такого взгляда у мамы, не то сурового, не то испуганного. Щёки её пылали, словно она только что отошла от плиты, где поджаривался её замечательный крендель. Губы засохли, чуть-чуть потрескались.

«Ведь она и утром еле встала сегодня! — мелькнуло в голове Зины. — Ей вдруг захотелось полежать...»

— Мамочка, что с тобой?

Мама слабо улыбнулась:

— Ну вот, уж и всполошилась. Заболела голова, да и всё. Что ж такого! У всех людей болят головы, надо же и моей поболеть когда-нибудь!

— Может, пойти позвонить папе?

— Что ты, что ты! — мама почти рассердилась. — Разве можно? Ты ведь знаешь, какая у него работа! Разве можно его тревожить?! И ничего ему не говорите, слышите, ребята? Ну, поболит голова, да и пройдёт. Вот ты, Зина, лучше намочи-ка мне полотенце.

Зина быстро сбегала на кухню, намочила полотенце холодной водой.

— Вот и всё. Вот и хорошо, — улыбнулась мама. — Полежу, и пройдёт.

— Мама, а ты лекарство какое-нибудь пила?

— Конечно, пила. Вот валерьянки выпила, сердце что-то чересчур бьётся.

И, взглянув на Антона, который, как испуганный зайчонок, стоял рядом с Зиной, мама опять улыбнулась.

— Ну, что испугались, дурачки? Ступайте, пообедайте да делайте уроки. А я вот полежу и пойду в детский сад за Изюмкой.

Зина пошла в кухню разогревать обед. Жизнь сразу померкла, будто надвинулась тяжёлая туча и заслонила солнышко, озарявшее её. В кухню вышла соседка, крановщица тётя Груша.

— Что, шибко мать-то захворала? — спросила она озабоченно.

— Говорит, ничего, — ответила Зина. — Хочет встать.

— Доктора бы надо.

Зина собрала на стол. Присмиревший Антон молча принялся за суп.

— Мама, давай вызову врача? — предложила Зина.

— Никаких врачей, — отмахнулась мать. — Что это из-за пустяков людей тревожить! Мало ли какие тяжело больные есть, а то ко мне врача! Чуть голова заболела — уж и врача. Вот горчичник поставлю на ночь, и всё пройдёт.

Зина нехотя съела котлетку. Убрала со стола, вымыла посуду.

— Мама, сменить компресс?

— Смени. А я сейчас полежу и пойду за Изюмкой.

Но когда подошёл час идти за Изюмкой, мама встала, прошлась по комнате и снова легла. Зина в тревоге вскочила.

— Я сама схожу, мама! Лежи, пожалуйста.

Зина привела Изюмку из детского сада. Изюмка подбежала к матери:

— У тебя головка болит?

— Сейчас болит. А скоро пройдёт, — улыбнулась ей мама.

Изюмка тотчас успокоилась и начала весело рассказывать, что сегодня у них в детском саду был кукольный театр, что там медвежата подрались и разорвали калошу и ещё потом гусёнок потерялся, а Настенька его всё искала!..

Мама лежала с мокрым полотенцем на голове.

От изюмкиной болтовни повеселел и Антон. Он тоже видел этого гусёнка: они ещё осенью всем классом ходили в кукольный театр!

Зина решала задачи, но украдкой то и дело поглядывала на маму. Мама лежала всё такая же румяная, с блестящими глазами и сухим ртом.

«Ну, может, всё-таки, ничего? — думала Зина.— Может, скоро пройдёт? Ведь у всех же так: поболит голова и пройдёт!»

— Скоро папа придёт? — вдруг после долгого молчания спросила мать.

— Скоро,— ответила Зина. — Можно поставить суп разогревать?

— Поставь, поставь. А я сейчас встану.

Мать поднялась, сняла с головы мокрое полотенце, пригладила волосы.

— Только смотрите отцу ничего не говорите! — приказала она младшим детям. А Зину попросила: — Дочка, не расстраивай отца. Ты ведь знаешь, какой он у нас нервный...

В прихожей раздался звонок.

— Ну, вот и он идёт. Зина, помалкивай!

И, превозмогая свою головную боль и слабость, она стала доставать из буфета хлеб и тарелки.

Отец, как всегда, сначала снял свою пахнущую дымом и гарью спецовку, потом долго мылся под краном. С обычными своими вопросами: как дела, как уроки, какие отметки и что нового у Изюмки,— отец сел за стол, усталый и проголодавшийся.

— Что-то сегодня у нас Зина за старшего? — пошутил он, когда Зина подала на стол горячую кастрюлю.

Мать, чувствуя, как пожар охватывает её всю, а в боку возникает ещё какая-то неизвестная, глубокая боль, постаралась улыбнуться:

— Да вот заленилась... Барыней посидеть хочу!

— Здорово! — усмехнулся отец. — Ребята, слышите? Мать-то у нас барыней захотела быть! Вроде жены нашего инженера Белокурова! Вот, говорят, вправду барыня. То подай, это прими, а сама от безделья замучилась! И откуда, так подумать, в наше время берутся такие люди?..

Мать слушала его, улыбаясь. Слова доносились до неё откуда-то издалека, сквозь шум и звон в ушах. С трудом уловив смысл его речи, она ответила:

— Может, у богатых родителей росла... Избаловали немножко... То в школе училась... То в институте училась... Работать... человеку не пришлось...

— Где она там училась! — прервал отец.— Семилетку закончить духу не хватило. И кабы правда из учёных, а то ведь из нашего же брата, диспетчером работала, люди-то ведь знают, помнят её!.. Дай мне соль, пожалуйста...

Мать протянула руку, чтобы подвинуть ему соль. Но рука её беспомощно упала, и, тяжело застонав сквозь стиснутые зубы, мать склонилась головой на стол. Отец, сразу побелевший, вскочил и подбежал к ней:

— Что с тобой? Что с тобой?

— Мама! Мама! — закричала Изюмка.

Антон заплакал в голос. Зина, уронив учебник, вскочила из-за стола.

Отец перенёс маму на диван, подложил ей подушку под голову. Мама подняла на него глаза, и по этому беспомощному взгляду он понял, как тяжело она больна.

— Да у тебя же температура! — сдерживаясь, чтобы не кричать, сурово сказал он.— Ты же полыхаешь вся. И молчишь! Эх, ты, барыня! И как же тебе не стыдно? — Отец подозвал Зину: — Зина, положи компресс! Не отходи от мамы. Я сейчас сбегаю позвоню доктору.

Врач пришёл через двадцать минут. Детей отослали в спальню. Зина обняла Антона и Изюмку, прижала их к себе, уговаривая молчать. Из комнаты слышны были негромкие голоса отца и доктора, но Зина не могла разобрать, что они говорят. Их разговор прервал внезапный охрипший голос мамы:

— Солнце печёт,— сказала она,— дайте зонтик, что ли... А отцу не говорите: не надо его тревожить...

У Зины сжалось сердце: что это мама говорит, какое солнце, когда ночь?

— Крупозное воспаление,— внятно сказал доктор,— в больницу немедленно. Сейчас пришлю машину. И что же вы так медлили? Ведь она уже не первый день больна!

Доктор ушёл. Отец запер за ним дверь. Потом позвал детей.

— Идите сюда,— сказал он, и Зина не узнала ни его лица, ни его голоса,— побудем все вместе с матерью. Её сейчас увезут.

Зина со страхом поглядела на отца.

— Что, папа? Разве надо в больницу?

Антон, услышав, что мать увезут, заскулил, не умея плакать тихо. А Изюмка, не слушая ничьих уговоров, бросилась к матери на грудь, обняла её и, заглядывая в лицо, закричала:

— Мама! Мама! Открой глазки! Я больше никогда не буду баловаться! Мама, открой глазки!..

И, словно услышав откуда-то, из неведомой дали, голос ребёнка, зовущего её, мать медленно открыла глаза. В глубине тусклых зрачков постепенно загоралось сознание. Она переводила взгляд с одного лица на другое, подолгу задерживаясь на каждом из них, будто хотела унести с собой отражение их в своих глазах в ту неведомую тьму, куда отходила навеки.

Под окном прогудела машина. Пришла «Скорая помощь».

— Зина... жалей маленьких...— сказала мама, прощаясь с детьми,— береги отца... береги отца...

Под громкий плач детей её на носилках унесли из комнаты. Отец уехал вместе с ней в больницу.

Это были её последние слова.

Ночью она потеряла сознание и к утру умерла. Наступил день. Отец вернулся к своей семье один, оглушённый горем, немой, почерневший, как дерево, в которое ударила молния.

ДРУЗЬЯ ПОЗНАЮТСЯ В БЕДЕ

Старшая вожатая Ирина Леонидовна работала в школе первый год. Она старалась держаться независимо, но это ей трудно удавалось: уж слишком недавно она сама была

ученицей, и привычка слушаться учителя, вставать, когда он входит, подымать руку, когда хочется что-нибудь спросить,— эта привычка очень мешала Ирине Леонидовне занять своё место.

«Надо придумать что-нибудь очень интересное,—думала Ирина Леонидовна,—такое, что захватило бы всю школу. Ну, поездка за город. Ну, спектакль на Новый год. Однако все это уже бывало и раньше. А что внесу в школу я? Я, комсомолка, старшая вожатая?»

Хотелось придумать что-то новое, своё, такое, чтобы дышало сегодняшним днём. Вот сентябрьский Пленум. Газеты подробно сообщали о нём... Ирина Леонидовна не пропустила мимо школы это событие, были собрания, читки, консультации. Ирина Леонидовна собирала вожатых, рассказывала им о значении этого пленума для сельского хозяйства нашей страны, а вожатые рассказывали об этом своим отрядам...

«И всё это—обычная, заурядная форма!— мучительно сознавалась себе Ирина Леонидовна.—Рассказ, доклад...»

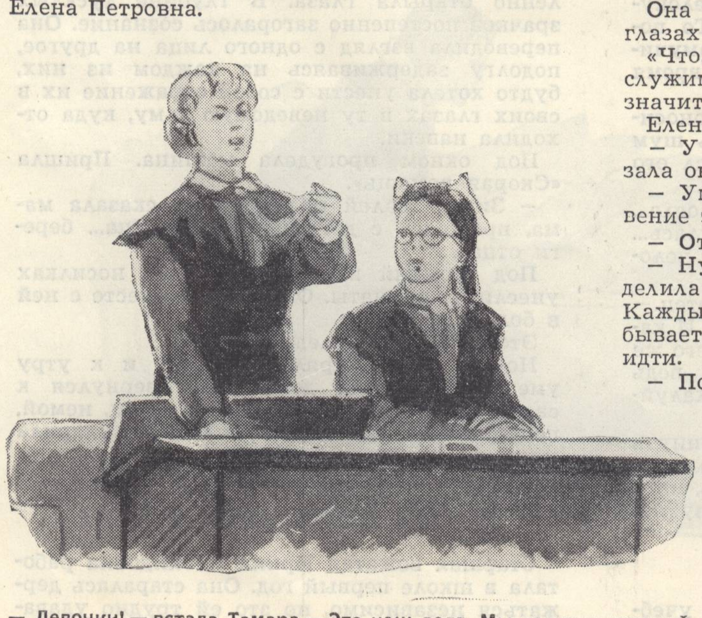
И вдруг явилась новая мысль! Оживлённая этой мыслью, она, словно на крыльях, влетела по лестнице на третий этаж.

В учительской сидела Елена Петровна, просматривая свои записки, приготовленные к уроку. Елена Петровна с удовольствием приготовилась выслушать её.

«Чистенькая, свеженькая, как плотичка!— подумала Елена Петровна, улыбнувшись вожатой.—И волосы-то по-взрослому ещё не умеет носить!..»

— А что, если сделать в школе выставку передовиков сельского хозяйства?—начала Ирина Леонидовна.—Собрать их портреты и всякие картинки с изображениями. Обо всём подробно написать. Под каждым портретом, под каждой картинкой—интересный какой-нибудь очерк... Ведь должны наши ребята знать людей, которые для нас хлеб выращивают!

— Не только знать, но и любить,—вставила Елена Петровна.

— Девочки! — встала Тамара.— Это наш долг. Мы должны каждый день ходить к Зине.

— Ну вот, например, Малинина Прасковья Андреевна. Молодец ведь женщина—такое хозяйство подняла! Вот и сделать её портрет, её молочную ферму—есть же снимки!—её коров, телят... И написать всё, что она для своего колхоза сделала. И так про каждого!.. Правда?

— По-моему, очень хорошо!—У Елены Петровны заблестели глаза.—Очень интересно и очень нужно. Надо, чтобы и городские дети научились любить деревню—не как дачу, не как место отдыха, а как поприще огромного и великолепного труда, на котором—как знать?—может быть, и многим из них придётся работать!

— Значит, хорошо?!—обрадовалась Ирина Леонидовна и чуть не захлопала в ладоши.

— Хорошо!—твёрдо ответила Елена Петровна.—А я сегодня хотела сама придти к вам поговорить, только по другому делу...—продолжала Елена Петровна, и вожатая увидела, что лицо учительницы потемнело и между бровями появилась неожиданная для молодого лба глубокая морщинка.

Ирина Леонидовна встревожилась: неужели у неё опять где-нибудь промах?

Но Елена Петровна думала совсем о другом.

— У нас в шестом классе беда...

— Что такое?!

— У одной девочки, Зины Стрешневой, умерла мать...

Елена Петровна умолкла, отошла к окну и стала глядеть на сквозистый узор голых берёзовых веток, качавшихся за окном. Она не хотела, чтобы кто-нибудь видел её расстроенное лицо.

Наступило молчание. В учительскую торопливо вошла учительница немецкого языка, маленькая, кудрявая, с большим портфелем, и сейчас же занялась своими делами. Вошла Вера Ивановна. Её зоркие холодные глаза тотчас обратились на Елену Петровну и Ирину Леонидовну.

— В чём дело, товарищи?

Она глядела то на одну, то на другую, а в глазах её можно было прочесть:

«Что, поссорились? Это не годится. Мы все служим одному делу. И если вы ссоритесь, значит, вы обе неправы!»

Елена Петровна овладела собой.

— У Зины Стрешневой умерла мать,—сказала она.

— Умерла мать?—Вера Ивановна на мгновение задумалась. — А отец есть?

— Отец есть.

— Ну что ж? Значит, не так страшно,—определила она.— Дети будут и сыты и одеты. Каждый день на свете кто-нибудь умирает, и бывает, что остаются сироты, которым некуда идти.

— Почему же некуда?—возразила Елена Петровна, и вожатая услышала в её голосе жёсткую и даже враждебную ноту.— У нас есть детские дома.

— Правильно!—ничуть не смутясь, подхватила Вера Ивановна.— Конечно! В нашем государстве сирот нет!

Елена Петровна нахмурилась и не ответила. В её глубоких тёмных глазах засветилось выражение боли.

— Мне сходить туда? — тихо спросила Ирина Леонидовна.

– Я сегодня была,– сказала Елена Петровна, собирая свои записки. В коридоре уже настойчиво звенел звонок.– Они и сыты и одеты,– она бросила горячий, злой взгляд в сторону Веры Ивановны,– но там столько горя, что...

Елена Петровна махнула рукой и быстро пошла к двери. И уже у двери обернулась к Ирине Леонидовне:

– Сходите. Туда нужно ходить.

– Я схожу,– кивнула головой вожатая.– А сначала побываю в шестом классе.

Шестой класс уже знал, что случилось у Зины Стрешневой. Эта весть прошла, как ледяной ветер, и холод его проник до самого сердца.

– Мама умерла! Мама... Мама...

Сегодня Зина Стрешнева не пришла в школу, она хоронила мать. Фатьма сидела одна на парте с опухшими от слёз глазами (она обо всём узнала ещё вчера). У многих девочек навернулись слёзы, когда Елена Петровна сказала, почему сегодня нет Зины. А Сима Агатова, которая только что, ничего не подозревая, задирала добродушную Шуру Зыбину, услышав и поняв, о чём говорит Елена Петровна, вдруг изменилась в лице и горько заплакала, припав головой к парте.

– Девочки, горе надо уметь нести молча,– сказала Елена Петровна,– а главное – не оставлять в горе друзей, не забывать о них в тяжёлые минуты.

– Но разве мы оставим её?! – всхлипывая, сказала Сима Агатова.– Ой, что случилось, что случилось! Ой, почему так сразу!

– Главное – поддержать её сейчас с уроками.– Маша Репкина говорила, как всегда, твёрдо и веско.– Ей будет трудно...– Светлые брови её сдвинулись к самой переносице, и губы чуть-чуть задрожали.– Ей сейчас будет очень трудно. И ещё ребята маленькие. Изюмку в детский сад водить надо. Очень много дел...

– Девочки! – встала Тамара, и звонкий голос её заставил всех обернуться к ней.– Это наш долг. Мы должны каждый день ходить к Зине, помогать ей, заниматься с ней. Мы все носим красные галстуки. И если изменим дружбе, мы носить их недостойны.

Тамара взяла конец своего пионерского галстука, приподняла его и торжественно заявила:

– И если я окажусь плохим другом, снимите с меня его.

Ирина Леонидовна осталась довольна шестым классом. Девочки дружные, так горячо откликнулись на горе их подруги. Особенно понравилась Ирине Леонидовне Тамара Белокурова.

«Обязательно надо дать ей какое-нибудь настоящее поручение,– решила Ирина Леонидовна,– привлечь в актив. Такая девочка может многих повести за собой. Это мне помощница, я вижу».

– Я думаю, надо бы устроить что-то вроде дежурства,– предложила Елена Петровна,– а то я боюсь, сегодня у Зины будет много помощников, а завтра никого...

– Я буду следить,– сказала Маша Репкина.– Я же староста!..

А жизнь шла. Так же, как шла вчера и как будет идти завтра.

Так же в сером мареве раннего зимнего утра запевал свою песню заводской гудок и будил отца. Так же приходили учителя в класс, объясняли предмет и задавали уроки на дом. Так же по вечерам зажигались на улице большие белые фонари, и школьники, смеясь и толкаясь, спешили на каток...

Зине казалось, что она уже больше никогда не будет смеяться. Она ходила в каком-то мрачном отчаянии и недоумении. Мамы нет. Как это может быть? Случилось что-то непостижимое. То, что казалось совершенно неотъемлемым в ее жизни – мать,– вдруг исчезло, ушло. А почему же стоят дома на улице и не исчезают? Почему растут деревья? Почему не распадается земля под ногами? Всё это существовало до Зины, оно казалось вечным. Мать тоже существовала до неё. Мать – это каменная стена, на которую обопрёшься, если падаешь, это кровля над головой, если тебе грозит буря... И вот её нет. Её, родной, милой, такой необходимой им всем, нет нигде, на всём земном шаре. И никогда не будет. И когда доходило до сознания то, что матери с ними не будет, Зина снова начинала безутешно плакать, и казалось, что слёз этих не выплакать, они не кончаются! Как жить без мамы? Как им теперь жить?

Но жизнь идёт. И жить надо.

Вечер прошёл неизвестно как. Утром соседка тётя Груша приготовила им обед. Зина отвела Изюмку в детский сад. Антону сказала, чтобы он мылся обязательно так, как велела мама, чтобы поел чего-нибудь и не опоздал в школу. Сама она, оставшись в пустой, неубранной квартире, села на свою незастеленную постель и прислонилась лбом к холодной спинке кровати. Надо идти в школу. Надо убрать квартиру. Надо что-то делать, то, что делала всегда. И надо ещё что-то делать, то, что делала мама... Но Зина сидела неподвижно, ощущая лбом холодок металлической перекладины, и не двигалась с места. И не хотела двинуться. Какое-то тяжёлое безразличие охватило её. Зима сейчас, лето ли – не всё ли равно. Идти в школу... А зачем? Сердце лежало в груди тяжёлым камнем и болело. Вот и всё, что ощущала Зина в эти безысходные часы.

Кто-то быстрым лёгким шагом вошёл в комнату и остановился в дверях спальни. Зина не подняла головы – не всё ли равно, кто?

– Зина! – окликнул её мягкий, давно знакомый голос. Он донёсся до неё словно откуда-то издалека, из тех светлых дней, которые остались по ту сторону чёрной грани, так резко разделившей её жизнь.

Зина обернулась. В дверях стояла Фатьма со школьной сумкой в руках.

– Зина, Зиночка! – Фатьма подошла к ней и, отбросив сумку, крепко обняла её.– Ну, Зина!

Зина прижалась лицом к её плечу. Обе заплакали.

– Не уходи,– сказала Зина.

– Я не уйду! – горячо возразила Фатьма.– Я никогда от тебя не уйду. Что ты! Даже и говорить об этом не надо. Но только,

Зина прижалась к плечу Фатьмы, и обе заплакали.

знаешь, Зина! Ты одевайся поскорее и пойдём в школу.

— Я не выучила ничего,— безучастно сказала Зина.

— Ничего, что не выучила! Тебя сегодня не спросят. А потом вместе выучим.

Зина покачала головой:

— Я и завтра не выучу. Я как-то ничего не могу... И всё не убрано...

Она медленно огляделась вокруг. Вдруг с новой силой защемило сердце: Зина увидела на маленьком столике белый мамин воротничок. Этот воротничок был на ней в день рождения Зины.

— Ой мама, мама! — Зина с плачем упала лицом в подушку.— Ой, что ты наделала...

Фатьма снова принялась терпеливо утешать её.

— Подумай,— сквозь рыдания еле проговорила Зина,— она устраивала мне праздник, а сама уже была больна... И всё скрывала... Чтобы нас не тревожить!.. Ой, мамочка, что ты сделала!

Кто-то позвонил. Фатьма побежала открыть. В квартиру вошла директорша. Её пухлое лицо было в красных пятнах от слёз, но держалась она бодро и немножко строго.

— Как, девочки? Что у вас? — спросила она, оглядывая неубранную и словно потемневшую квартиру.

Зина поднялась ей навстречу. Катерина Егоровна погладила её влажные, нерасчёсанные волосы.

— Почему вы обе не в школе?

— Я вот не знаю,— нерешительно сказала Фатьма,— как нам идти в школу сегодня или нет? Как лучше?

— Конечно, идти,— мягким, но не допускающим возражения тоном ответила Катерина Егоровна.— Сейчас же умываться, приводить себя в порядок и идти. Без горя, дети, жизнь не проживёшь. Надо уметь стойко принимать беду. Так или иначе, а дело своё делать надо. Видишь, отец-то. Небось, не лежит и не плачет, а стоит у своего стана, тянет проволоку. А разве ему легче? Нет, дети! Тяжко.

Катерина Егоровна грузно опустилась на стул и закрыла рукой лицо. Но тут же, овладев собой, стукнула ладонью по столу:

— Хватит. Иди умывайся, Зина. А ты, девочка, золотая подружка, помоги ей собрать книги. Опоздали уже, ну, ничего. Сегодня вам простится.

Зина взяла полотенце и пошла умываться.

Вернувшись из школы, Зина увидела, что комнаты чисто прибраны. Правда, прибраны чужой рукой — подушки на диване положены не так, как они всегда лежали. Коврик постлан у двери, а не около дивана. Посуда поставлена не на ту полку... Зина быстро переставила посуду, переложила подушки и постлала коврик к дивану. Так было при маме, и пусть так будет всегда. Но всё-таки спасибо Катерине Егоровне. Это, конечно, она убрала квартиру.

На столе Зина нашла записку: «Зина, в кухне за окном мясо. Свари суп». Это соседка тётя Груша. Ходила утром за мясом и Зине взяла, не забыла.

Зина пришла в кухню, остановилась у своего стола. Кастрюли, горшочки стояли на полке чистые, пустые, холодные, словно давным-давно не были в руках проворной и весёлой хозяйки.

В кухню вошла другая соседка, старушка-лифтёрша Анна Кузьминична.

— Ну что ж стоишь, смотришь? — сказала она Зине.— Берись-ка за дело. Теперь уж давай, управляйся за хозяйку, тётя Груша не будет тебе каждый день обед варить. Умеешь картошку-то чистить?

— Умею,— тихо ответила Зина.

— Вот и хорошо. А теперь поставь мясо варить, потом картошки положишь. Не велика мудрость. Чего не сумеешь, нужда научит. Да ведь и некогда особенно горевать-то. Антон из школы сейчас придёт. Изюмка... Отец с работы — все есть запросят. А кто же их накормит? Ты должна. Ты старшая.

Зина, смахивая снова появившиеся слёзы, принялась готовить обед.

— А слёзы-то в суп не роняй,— заметив это, сказала Анна Кузьминична.— Слёзы-то у тебя сейчас уж очень горькие да солёные.

Вскоре пришёл Антон. Он посмотрел на Зину круглыми голубыми глазами и неуверенно спросил:

— Зина, а чего поесть?

— Возьми хлебушка пока,— ответила Зина и отвернулась, чтобы опять не расплакаться,— придут папа с Изюмкой, и обедать будем. Только вот и за хлебом ещё надо сходить... И суп посмотреть надо. Ты, Антон, сумеешь суп посмотреть?

— А я что буду делать? — Фатьма неслышно вошла в кухню.— Хочешь, я за хлебом схожу?

— Фатьма! — сказала Зина.— Ты опять здесь! Ой, как хорошо, когда ты здесь! Ну, ладно, сама выбирай: или суп вари или за хлебом иди!

Не успела Фатьма выйти, раздался звонок. Зина подумала, что Фатьма вернулась. Но это пришли Маша Репкина и Сима Агатова.

— Входите, девочки! — Зина без улыбки кивнула головой.

Девочки вошли молча, неслышно ступая, словно боясь оскорбить шумом то большое горе, которое поселилось здесь.

Поговорили обо всём. Об уроках, о делах, о сельскохозяйственной выставке, которая затевается в школе. Правда, говорила Маша, а Сима только старалась как-нибудь выразить Зине свою ласку и участие. То она подняла ей упавшую ленту, то сбегала на кухню за водой и полила цветы. Спросила у Антона, как его дела, посмотрела его тетрадки и дневник, похвалила за хорошие отметки...

— Ты пропустила. А нам новые правила объясняли,— сказала Зине Маша.— Мы обещали Елене Петровне, что объясним тебе, чтобы ты не отстала. С кем ты хочешь заниматься? С Тамарой, наверно?

— С Тамарой? — вмешалась Сима.— Ну, уж нет! Тамара сама только и смотрит, чтобы ей кто помог! А кстати, почему её нет? Она уже была у тебя сегодня, Зина?

Зина покачала головой — нет, Тамара у неё не была...

— Не была?! — Сима приподняла брови.— Как не была? Почему?

Зина не знала, почему.

— Ну, в общем,— сказала Маша,— Зина её тянула изо всех сил, а теперь Тамара должна ей помогать.

— Я буду с Фатьмой заниматься,— возразила Зина.— Мы рядом живём...

Маша внимательно поглядела на неё.

— Она... будет приходить к тебе?

— Она уже пришла. Ещё с утра...— и, услышав, что хлопнула входная дверь, добавила: — Она и сейчас здесь!

В комнату заглянуло смуглое лицо Фатьмы.

— А, девочки! Вы здесь... Как хорошо! А я принесла хлеба.

— И Фатьма здесь, а Тамары нету... Как же так? — Сима никак не могла понять этого.— Зина, а ведь я думала, она с тобой больше всех дружна!

— Я тоже думала... — тихо ответила Зина.

Вечером Зина, стараясь всё делать так, как делала мама, уложила спать младших ребят. Антон, притихший и какой-то оробевший, сразу послушался Зину и улёгся. Но с Изюмкой пришлось помучиться. Она капризничала, звала маму и никак не хотела ложиться.

— Когда мама придёт, тогда лягу.

— Мама не придёт, Изюмка, ложись,— уговаривала её Зина.

— Нет, придёт!

— Ну, может быть, завтра придёт. А сегодня давай я тебя уложу. Мама велела, чтобы я...

— А она почему?

— Она ушла, Изюмка. Но ты же её послушаешься, раз она велела?

В спальню вошёл отец, хотел помочь Зине, но она замахала на него рукой, и он вышел.

Изюмка плакала, и Зина плакала вместе с ней. Не плакал только Антон. Он лежал молча и всё думал о чём-то, пока не уснул.

Зина дождалась, когда уснула Изюмка, и совсем измученная вышла из спальни. На столе стоял остывший недопитый чай. Зина тихонько прошла в кухню. Отец стоял возле кухонного стола и мыл тарелки. Выходило это у него очень неуклюже, вода плескалась и на стол, и на пол, и на брюки.

— Папочка, ну что это ты! — Зина слабо улыбнулась.— Я сама вымою, ты же не умеешь! Смотри, облился весь!

Зина решительно отобрала у него полотенце и оттеснила от стола. Отец смущённо посмотрел на свои подмоченные обшлага.

— Значит, по-твоему, я это не умею? Гм...— Он вытер руки и присел около Зины на табуретку.— Вот как круто нам пришлось,— вздохнул отец.— Всем нам. И мне, и тебе, и им,— он кивнул в сторону спальни.— Но — жить на свете надо.

— Все так говорят...— прошептала Зина.

— И правильно говорят, дочка. Но вот дело-то в чём... Труднее всего приходится тебе. Я — при своей работе. Ребятишки — при своих делах. А у тебя, кроме своих дел, ещё и материны дела.

— Я справлюсь, папа.

— Всерьёз так думаешь?

— Да,— Зина подняла на него глаза,— девочки мне помогать будут. У меня, знаешь, какие подруги!

Пришли Маша Репкина и Сима Агатова.

— Я тоже тебе буду помогать. Буду на рынок ходить. Только ты мне говори, дочка, что тебе надо. Мать мне всегда говорила.

— Хорошо, папочка.— И, серьёзно посмотрев ему в глаза, добавила: — Только ты смотри там, на работе, ни о чём не думай. Ни о чём не беспокойся. Ладно?

— Ладно,— согласился отец,— вот только трудно тебе будет с ребятами. Ну, уж ты наберись терпенья как-нибудь... Что же поделаешь? Уж очень рано у них матери не стало.

— У меня тоже рано...— прошептала Зина. И, уходя спать, сказала: — Если просплю, ты, папа, смотри, разбуди меня. Я теперь вместе с тобой буду вставать.

— Придётся так,— со вздохом ответил отец.

У ТАМАРЫ ОТ УСПЕХОВ КРУЖИТСЯ ГОЛОВА

Елена Петровна, как делала это часто, на перемене подозвала Зину:

— Девочки не забывают тебя?

— Вчера были Шура Зыбина и Соня Веткина,— ответила Зина.— И потом Фатьма. Фатьма каждый день ходит, мы вместе занимаемся.

— И Тамара, верно, ходит каждый день? — Елена Петровна взглянула на Белокурову, которая в это время проходила мимо. Но та тотчас отвела глаза.

— Нет,— опустив глаза, сказала Зина.— Тамара ещё не была. У неё как-то всё не складывается... Не успевает.

— За полторы недели не была ни разу? — удивилась Елена Петровна.— Тамара, подойди сюда.

— У меня мама болела,— не глядя на учительницу, ответила Тамара.

— А бабушка ещё не болела? — Елена Петровна не удержалась, чтобы не съязвить, и отвернулась от Тамары.

«Дубовые ветки кончились,— подумала она,— так и надо было ожидать. Всё пустяки!»

Зина задумчиво глядела на Тамару. Услышав её всегдашний довод «У меня мама болела», Зина почувствовала, что краснеет от стыда за подругу, от чувства обиды. Если бы Тамара сказала что-нибудь ещё — не успела из-за уроков, или прокаталась на катке, или что хочешь,— только пусть бы это было правдой. Но Зина знала, что Тамара говорит неправду. Значит, она не приходила потому, что ей не хотелось придти. За десять дней — ни разу! А какие говорились слова!

Оглянувшись на девочек, которые уже стояли около них полукругом, Тамара почувствовала, что сделала ошибку и что её объяснению никто не поверил.

— Да я сегодня пойду,— поспешно сказала она,— я уже говорила! Только вот... А что там надо делать?

— Ну, как что? — вмешалась Сима Агатова.— Что придётся. Мало ли дел по хозяйству. Можно посуду помыть... Только имей в виду, пирогами там тебя угощать не будут!

— Очень хорошо! — пожала плечами Тамара.— Сделаю уроки и приду. Разве я отказываюсь? И не насмешничай!

— И я приду! — отозвалась Шура Зыбина.

Отец вытер руки и присел около Зины на табуретку.

— Но ты же вчера была! — Маша Репкина заглянула в тетрадочку, которую специально завела для дежурства у Зины.

— Ну и что ж? А раз мне хочется! — возразила Шура.— И мне мама говорит, чтобы почаще к Зине ходила! Зина, можно?

Зина признательно улыбнулась:

— Конечно! Что ты, Шура, ещё спрашиваешь!

Елена Петровна, успокоенная, отпустила девочек.

«Молодцы девчонки,— подумала она,— крепко подхватили подругу, не оставляют в беде!.. Только вот Тамара... Эта, видно, из тех друзей, которые лишь до чёрного дня... Впрочем, не буду осуждать раньше времени... Девочка, может, ещё поймёт».

В этот день Тамару вызвали к доске. Иван Прокофьевич продиктовал задачу и взглянул на Тамару поверх очков.

— Вы поняли задачу?

В классе наступила насторожённая тишина. Тамара немножко подумала, вглядываясь в белые цифры. Что-то знакомое есть в условиях этой задачи... Тамара быстро оглянулась и вопросительно поглядела на Зину. Зина подбадривающе кивнула головой. Да, это одна из тех задач, которые они решали с Зиной и в которых Зина помогала ей разобраться!

— Поняла,— спокойно ответила Тамара.

— Пожалуйста, решайте.

Иван Прокофьевич, протерев свои большие очки, раскрыл журнал и ни разу не оглянулся на Тамару. Он никогда не подсказывал и не помогал ученицам, делая вид, что ему совершенно безразлично, решит человек

задачу или не решит. Случалось, что какая-нибудь девочка вдруг беспомощно остановится и глядит на него, не зная, что делать дальше. Тогда Иван Прокофьевич говорит сухо и вежливо:

— Привыкайте работать самостоятельно. Вы учитесь для себя, а не для меня. А если не желаете серьёзно заниматься,— сделайте одолжение. Не мне оставаться на второй год, а вам.

Тамара уже знала это и не надеялась на его помощь. У неё была хорошая память.

«Вот такая задача у нас была в тот день, когда приходила к маме Лидия Константиновна. Я хотела начать так... а Зина сказала: нет. Надо вот с этого. Ага! — чуть не крикнула вслух Тамара.— Да! Правильно! Знаю уже!..»

И она бойко, стукая мелом по доске, решила задачу. Иван Прокофьевич окинул доску взглядом:

— Можете садиться.

Зина тепло улыбнулась Тамаре.

«Вот видишь,— говорил её взгляд,— недаром мы с тобой сидели над задачником!»

Но Тамара прошла на своё место, не заметив её улыбки. Она села, спокойно и ясно окинув глазами класс, и в этом спокойствии был вызов: «Ну что? Плохая я ученица? Попробуйте вы так...»

Зина опустила голову. Она поймала себя на том, что ждала благодарности. Как это нехорошо — помочь в чём-нибудь человеку, а потом ожидать от него благодарности. Будто плату требовать!

Зина понимала, что это нехорошо. Но сама-то она не могла бы забыть ни одной услуги, оказанной ей, и сердце её было полно благодарности ко всем, кто сказал ей в эти чёрные дни хоть одно ласковое слово!

Когда окончился последний урок, Тамара подошла к Зине и громко, чтобы слышали окружающие, сказала:

— Ну, значит, я к тебе приду сегодня!

Тамара уже вышла из ворот, когда её окликнула Сима Агатова:

— Белокурова! Погоди, разговор есть!

Разговор оказался интересным. Сейчас Ирина Леонидовна советовалась с Симой, можно ли поручить Тамаре ответственное дело.

У Тамары сверкнули глаза: какое? Только если опять собирать заметки для стенгазеты или марлевые юбочки шить для спектакля, то она не будет. Если это действительно ответственное, тогда она посмотрит.

— Это насчёт выставки,— объяснила Сима.— Ирина Леонидовна хочет, чтобы ты была ответственным организатором.

— А почему это я должна за всех вас отвечать?

— Да не отвечать! — рассердилась Сима.— Ты организуешь всех девочек, чтобы каждая принесла рисунок, картинку или фото и каждая что-нибудь написала бы. Она говорит, что ты это сумеешь, тебя девочки послушаются. Ну? Возьмёшься? Или, как всегда, возьмёшься, да сдрейфишь?

— А что это ты вечно задираешься!

— Характер такой! — Сима насмешливо взглянула на неё косым взглядом и повторила уже всерьёз: — Ну, возьмёшься? Или в коленочках слаба?

— Возьмусь! — с вызовом ответила Тамара.— И сделаю. Не хуже тебя.

— Ну и делай. А провалишь — вызовем на совет отряда. И так с тобой, как с конфеткой, всё время нянчимся.

И Сима, забыв проститься, побежала на ту сторону, хотя могла бы дойти с Тамарой до угла.

— Противная какая! — поморщилась Тамара.— Вот воображала!

Остался неприятный осадок. Но при мысли, что Ирина Леонидовна так отличила её,— выбрала из всего класса! — этот осадок улетучился. Просто Сима завидует, вот и задирается!

— Мама! — закричала Тамара, едва войдя в прихожую.— Мама, у тебя есть какие-нибудь журналы?

— Какие журналы? — Мама вышла из кухни, где наблюдала, как Ирина готовит обед.— «Огонёк», что ли?

— И «Огонёк» и всякие! Дай мне, мама, сейчас же!

— Но пообедать же надо! Какая ты... экстеричная! — Чувствуя, что опять произнесла что-то не совсем вразумительное, Антонина Андроновна покосилась на кухонную дверь.— Что такое тебе понадобилось?

— Надо — и всё! Давай скорее!

Тамара поспешно разделась, бросила на диван сумку с книгами и пошла в мамину спальню за журналами. Она забрала все «Огоньки», какие нашлись, и «Крокодилы», и «Работницу»...

— Не растеряй «Работницу»! — крикнула ей вслед Антонина Андроновна.— Там рецепты всякие, вышивки!

Тамара взяла ножницы и принялась перелистывать журналы. Она высматривала всё, что касалось сельского хозяйства, и перед ней раскрылись сады, полные розовых яблок, стада коров на зелёных полянах, скотные дворы с автопоилками и подвесными путями, какие-то неведомые и сложные машины, идущие по бескрайним полям...

Сады с яблоками и стадо коров Тамара немедленно вырезала и отложила в сторонку. Но когда стала разглядывать машины, сеялки и тракторы, то почувствовала, что к ней начинает подбираться скука.

«Ну, что тут интересного? Какой-то трактор. А к нему ещё что-то прицеплено... И както это всё работает. Тут написано, можно прочесть. Ну, а толку что? Всё равно не понять ничего!»

Тамара отодвинула журналы, стряхнула обрезки на пол и сказала:

— Мама, давай обедать. Есть до смерти хочется!

За обедом Тамара подробно рассказала матери о том, как её отличила старшая вожатая,— одну из всего шестого класса! — и теперь она, Тамара, отвечает за весь класс. Вот какое крупное поручение ей дали! А то что там, в редколлегии, или ещё какие-то пустяки ей поручили... Конечно, она их не выполнила, потому что неинтересно с пустяками возиться. Но вот теперь они увидят! Особенно Сима Агатова. Ещё неизвестно, что будет. А может, придёт время, и отряд единогласно скажет: «Не хотим Симу Агатову. Пусть председателем совета отряда будет Тамара Белокурова!»

Тамара взяла ножницы и принялась за журналы.

— А что, не может этого быть?

— Почему же нет? — уверенно ответила Антонина Андроновна.— Отлично может!

— И знаешь,— ой, чуть не забыла! — Тамара, увлечённая своими успехами, говорила громко, будто мать сидела не рядом с ней за столом, а в соседней комнате,— меня сегодня к доске вызывали, и я сразу решила задачу. Сразу! Даже и не задумалась.

— Ну вот. А все говорили, что тебе Зина помогает! А какая отметка?

— Пять, конечно!

Мать улыбнулась:

— Отлично! А что ты так на меня поглядываешь?

— А разве я поглядываю?

— Да вижу, вижу. Всё понимаю. Подарок за мной.

Обе рассмеялись.

— Мама, пёстрые варежки и шарфик, ладно? — сказала Тамара, заглядывая матери в глаза.— А то больше ни одной пятёрки тебе не будет!

После обеда Тамара опять взялась за журналы.

— Ты бы погуляла,— посоветовала мать,— отдохни да за уроки.

— Когда мне гулять! — возразила Тамара.— Столько дел всяких. Мама, у тебя больше нет журналов?

— Нет.

— А книг?

— Книги есть, но они без картинок!

— Ну вот! А мне нужны именно картинки!

Антонине Андроновне пришла счастливая идея:

— У отца на столе что-то есть сельскохозяйственное. Я зашла в комнату проветрить — там лежат какие-то косилки-молотилки. Он ведь у нас немножко тронулся сейчас этими косилками... Но ты посмотри, может, что подойдёт...

И, не то вздохнув, не то зевнув, сказала голосом, в котором уже слышалась сладкая дремота:

— А я полежу. Опять что-то с сердцем нехорошо. И под ложечкой...

Тамара тотчас отправилась в кабинет отца. У него на столе действительно лежали журналы — «Новости техники», «Московский колхозник», «Сельское хозяйство» — целая груда. Тамара сбегала за ножницами. На минутку её смутила мысль — ведь журналы-то из библиотеки.

«Ничего,— решила Тамара,— я же кое-где... Никто и не заметит».

И Тамара с увлечением принялась вырезать цветные иллюстрации из журналов — то тут, то там, чтобы не очень заметно было.

«Вот будет выставка! Вот так выставка будет! — думала Тамара.— Посмотрим, чей класс лучше сделает!»

Тамара набрала картинок, сложила журналы, как лежали... И вдруг вспомнила: «К Зине!..»

Медленно, с погасшим настроением она вошла в свою комнату. Надо ведь идти к Зине, чего-то там помогать ей, мыть посуду... Нахмурясь, она перебирала картинки — весёлые какие картинки, с зеленью, с солнцем, с цветами и яблочками!..— и почти физически ощущала тоску от того, что ей сейчас надо идти к Зине и мыть посуду. Помучившись так минут пять, Тамара вдруг нашла выход.

«Что важнее — пионерское поручение или зинина посуда? — сказала она сама себе.— Какой же тут вопрос?! Какое же тут сравнение? Мне дали поручение, и я должна его выполнять. Вот и всё. И, пожалуйста, отстаньте от меня все...— Тамара мысленно отмахнулась от упрёков девочек, зная, что без этого не обойдётся.— Буду делать своё дело, вот и всё!»

Сразу стало весело, легко, свободно. Мысль, что она выполняет пионерское поручение и что пионерское поручение важнее всего, защищала её от неприятного чувства, похожего на упрёки совести. Если бы она из-за своего личного дела не пошла, тогда другое дело!

И Тамара снова вытащила картинки из конверта, с удовольствием начала раскладывать их на столе. Антонина Андроновна, приятно отдохнувшая после обеда, свежая, в ярком халате, вошла к ней в комнату, задёрнула тяжёлые шторы, зажгла свет...

— Занимаешься?

— Да,— Тамара озабоченно наморщила лоб,— не знаю, как мне успеть... И уроки эти ещё. Завтра история, а я ещё не учила. А тут к Стрешневой идти...

— Ну, уж нет,— вмешалась Антонина Андроновна решительно,— теперь ты пойдёшь гулять! Никакой истории, никакой Стрешневой!

Тамара не возражала. Ей и самой уже хотелось на свежий воздух.

— Может быть, на каток?.. Пожалуй!

Она оделась, захватила коньки и вышла на улицу.

РАЗОЧАРОВАНИЕ

Шёл снег. Тротуары уже покрылись свежей белизной. Следы прохожих чётко печатались на этой мягкой белизне, но тут же снова теряли свои очертания, застилаемые новыми снежинками.

«Э! Какой уж тут каток! — подумала Тамара.— Всё занесло. Вот досада! Может, к Зине всё-таки пойти, раз катка всё равно нет?»

Тамара повернулась и медленно пошла по той улице, где жила Зина.

«Да! А уроки? — Тамара опять остановилась.— Весь вечер там пробуду, а уроки учить когда?»

Тамара повернула обратно. Отвечать историю Зина за неё не будет!

Она уже почти дошла до своей калитки и снова остановилась.

«Историю учить... А почему я не могу историю вместе с Зиной учить? И гораздо лучше запомнится».

Тамара пришла в отличное настроение и, размахивая коньками в такт своему шагу, отправилась к Зине. Вот как хорошо ей придумалось на этот раз: и Зина будет довольна, что Тамара навестила её, и Тамара выполнит обещание! А кроме того и урок выучит.

Зина ждала Тамару. Они с Антоном пообедали побыстрее, убрали со стола, вымыли посуду. Теперь Антон аккуратно относил посуду в буфет, не прыгал с чашками в руках. Он словно повзрослел за эти несколько дней и всерьёз старался помогать Зине. Зина посуше вытерла клеёнку: сейчас придёт Тамара, и они сядут за уроки. Но Тамары не было, и Зина пока что принялась штопать Антону чулки.

В хозяйстве было столько мелких, но необходимых дел! То у ребят пуговиц не хватает—надо пришить, то чулки проносились—надо заштопать, то у Изюмки все платья загрязнились — надо постирать... А там надо бельё оттащить в прачечную, а потом сходить за ним. И пол надо вымыть в субботу. А уроки! А обед! Ни одной минуты терять нельзя...

Каждый день кто-нибудь из девочек приходил к Зине — не по одной, а по двое, по трое. И, плохо ли, хорошо ли, хозяйство у Стрешневых держалось.

Но вот сегодня Зина неожиданно осталась одна.

— Сегодня снегу навалило,— сказала Фатьма,— надо маме помочь снег с улицы свозить.

— Ступай, Фатьма, ступай,— ответила Зина,— конечно, надо помочь! А ведь ко мне сегодня Тамара придёт.

Тамара не приходила. Зина и Антон сели за уроки. Они сидели за круглым столом друг против друга. Всё как будто было так же — и стол, и скатерть на столе, и лампа над ними, как большой жёлтый цветок. Но не сидела рядом с ними мама, не согревала их своими добрыми, заботливыми взглядами и улыбкой... И скатерть, которая у мамы будто и не пачкалась никогда, нынче вся была в пятнах, и жёлтый абажур не светился так тепло и весело. Чувствовали дети, что их квартира стала какой-то будничной, словно повернули её окнами на север и солнышко перестало освещать её. Зина изо всех сил старалась держать всё в квартире так, как было при маме, но у неё не хватало ни сил, ни уменья, ни времени...

Прошло больше часа. Антон сделал свои уроки и дал Зине проверить. Он ждал, навалившись на стол и подпершись локтями, что она скажет.

— Ну? Много насажал ошибок?

— Нет, немного. А две всё-таки посадил.

— Где это?

— А вот написал «снех». Разве «снег» так пишется? И ещё «чевер». Что такое за «чевер»?

— Какой «чевер»?

— Не знаю. У тебя надо спросить.

Антон глядел в тетрадку, почёсывая затылок.

«Вихры отрастил, — заметила Зина. — Остричь его надо...»

— А! — Антон обрадовался.— Это не «чевер», а «вечер»! Это никакая не ошибка, просто я буквы не туда поставил!

Исправив ошибки, он поднял на Зину свои круглые голубые глаза и спросил негромко:

— А сегодня, значит, твои подруги не придут?

— Почему это не придут? — возразила Зина.— Тамара придёт. Ты, Антон, сделал уроки, так иди погуляй.

— Я не пойду гулять,— заупрямился Антон,— там снег.

— Ну и что ж, что снег? Можно в снежки играть, горку строить. А ты забыл, что мама всегда гулять велела?

Антон молчал.

— Ну скажи,— настаивала Зина,— мама велела или не велела?

— Велела,— пробурчал Антон и начал сползать со стула.

— Надо бы мне сейчас с тобой в парикмахерскую сходить,— сказала Зина, провожая его глазами,— но как же уйти? Сейчас Тамара придёт...

Антон ушёл. Зина принялась за историю, но, повторяя урок, сама прислушивалась, поглядывала на часы, ждала...

Как же так? Зина задумалась над раскрытой книгой. Ей вспомнился осенний лес, дубовая ветка, руки подруг, соединившиеся для вечной дружбы...— Как же так? На всю жизнь... Помогать в беде... А где же она, когда надо помогать?

У Зины сжались губы и брови наморщились. Приходилось признать, что всё это было пустое, пустые слова, обещания без участия сердца. Умеет Тамара произносить красивые фразы, ну и произносит...

«А может, она не могла придти сегодня? — Зине очень хотелось оправдать и как-нибудь выгородить Тамару перед самой собой. Но тут же сама себе с горечью возразила: — Сегодня не могла, и вчера, и столько дней не могла. А Фатьма пришла сразу. Почему же она могла? Помогать... А мне и не нужно помогать. Я всё сама сделаю. Но побыть-то со мной, побыть-то со мной! Ведь мне одной-то нельзя, я умру, если буду одна!.. Мамочка!»

Зина, шумно отодвинув стул, подбежала к комоду, где стоял фотографический портрет матери.

— Мамочка! Помоги мне как-нибудь! У меня очень сердце болит!

Заводской гудок, далёкий, протяжный, пропел свою песню. Зина вытерла глаза и пошла разогревать отцу обед.

Отец и Изюмка — отец теперь прямо с работы заходил за ней в детский сад — явились все в снегу.

— Дед Мороз и Снегурочка! — улыбнулась Зина и принялась раздевать Изюмку.

Изюмка засмеялась, глядя на отца.

— У, какой, даже на бровях снег!

А отец ещё с порога спросил:

— Как дела?

Он теперь всегда так — не успеет войти и уж спрашивает: всё ли благополучно дома, а сам тревожно, какими-то странно большими глазами оглядывает детей, словно боится, что тут опять какая-нибудь беда забрела в его семью.

— Всё в порядке, папа,— поспешила ответить Зина,— обедать садись!

После обеда отец уселся на диван. Изюмка взобралась к нему. Антон сосредоточенно строгал лучинку: ему нужна была ось для тележки, которую он мастерил.

— Антон, иди-ка и ты сюда,— позвал отец.— Ты что-то невесёлый. Не заболел ли?

— Я не заболел,— ответил Антон,— я занятой...

— Ох ты, занятой! — засмеялся отец.— Такой занятой, что и вихры причесать некогда. Вот мы с тобой в субботу вместе стричься пойдём!

Зина почувствовала себя виноватой.

— Я хотела с ним сходить сегодня, да не успела,— поспешно сказала она.— Завтра обязательно!

— Ничего, ничего,— ответил отец.— До субботы и так доживёт.

— Я доживу,— подтвердил Антон и, забрав свои лучинки, катушки и коробки, тоже отправился к отцу на диван.

Зина спросила:

— Папа, ты не очень устал? Если не очень устал, посиди с ними, а я к Фатьме схожу. Они с мамой снег сгребают, помочь им нужно. Очень много снегу сегодня...

— Ступай, дочка,— ответил отец,— какой же разговор? Конечно, помочь нужно.

Зина, застёгивая на ходу пальто, бежала через двор. В воротах кто-то загородил ей дорогу.

— Стой! Куда?

— Тамара...— Зина на мгновение растерялась. Что же, возвращаться? Сидеть с ней, разговаривать... Нет!

— Ну, вот видишь, я и пришла! — весело улыбнулась Тамара.— Видишь, даже каток из-за тебя отложила!

Зина не ответила на её улыбку.

— А ты и ступай на каток,— сухо сказала она.

— Но я же к тебе! — удивилась Тамара.

— Ко мне? Ну, а меня нет дома.— И Зина, поджав губы, прошла мимо Тамары.

До позднего вечера Дарима убирала с улицы снег, а Фатьма и Зина помогали ей. Дарима большой лопатой сгребала снег в кучи, очищая тротуар. А Фатьма и Зина, впрягшись в салазки, на которых стояла большая корзина, возили этот снег во двор.

— Поменьше накладывайте! Эге! — кричала им Дарима.— Зачем тяжело таскать? Не надо!

— Нам не тяжело! — отвечали девочки и проворно оттаскивали салазки.

Они тащили салазки в самую глубину двора, под старые тополи, и тут, остановившись, опрокидывали корзину, вываливали снег. А порожняком мчались уже во всю прыть, скользили на тротуаре, а иногда и падали. Девочки смеялись, а Дарима смеялась еще больше, чем они:

— Эге! Лошадки не подкованы! Зачем не подкованы? Хозяин у вас плохой!

И только лишь когда закончили работу и отвезли салазки в сарай, Зина рассказала Фатьме про Тамару.

— Так и сказала: «Меня нет дома»?! — Фатьма хлопнула большими дворницкими рукавицами.— Вот здорово! Теперь она обиделась, наверно! И не помирится с тобой!

— А мне и не надо,— ответила Зина.

Зина и Фатьма тихо шли, взявшись за руки. Они устали, им было жарко от работы, пальтишки их распахнулись, шапочки сдвинулись на затылок.

Свет фонаря лежал белым сверкающим квадратом в синеве снежного двора. Окна домов светились жёлтым и розовым светом, а одно, крайнее, окно было голубое, будто там поселилась луна... И в первый раз за всё это тяжёлое время Зину потянуло к краскам, к кисти, к бумаге...

— Хочется рисовать,— тихо сказала Зина.

И чувство, похожее на смутную радость, возникло на минуту в её сердце. Но она шла домой, а в доме у них было тяжело, мрачно, у них всё ещё жила беда, жила и не уходила. И радость эта тут же погасла.

Неизвестно, какими путями всё это поняла Фатьма.

— Приходи к нам почаще, Зина,— сказала она,— и ребятишек приводи. Моя мама вот как рада будет! И краски захватывай. Посидишь, порисуешь; у нас стол большой и лампа светлая. Ты будешь рисовать, а я смотреть. Я так люблю смотреть, когда ты рисуешь! Приходи, а?

Зина кивнула головой:

— Ладно.

И задумчиво, с оттенком грусти сказала:

— А Тамара-то всё просто так говорила — и про ветку, и про небо, и про всё... Подумайка! Всё просто так. А я всё время думала, что правда. «Не оставлять в беде...» И зачем же она всё это говорила, а?

— Не знаю,— еле слышно ответила Фатьма.

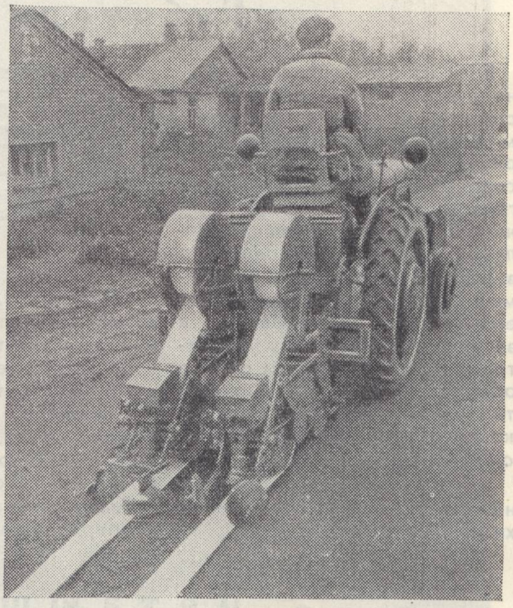
(Продолжение в следующем номере.)

ОТОВСЮДУ и ОБО ВСЕМ

Бумага-защитница

На фотографии вы видите новую сеялку для овощей.

Что это за белые дорожки тянутся за сеялкой? Это бумажные ленты. Машины расстилают бумагу и одновременно пробивают в ней отверстия, в которые высеваются семена.

Бумага защищает всходы овощей от сорняков. Под бумагой семена овощей развиваются свободно, и сквозь отверстие в бумаге ростки выходят на поверхность земли, а всходы сорняков натыкаются на бумагу и погибают. Им удаётся прорасти только в междурядьях, где бумаги нет, но здесь их выпалывает культиватор.

Бумажная броня не только защищает растения от сорняков, она и влагу в почве сохраняет, не даёт ей испаряться. При таком посеве урожай овощей увеличивается примерно в полтора раза.

Сделав своё дело, бумага в земле разлагается. Это не страшно: растение уже выросло, окрепло и не нуждается в её защите.

Скоро бумага-защитница будет применяться повсюду. Учёные работают над усовершенствованием этого изобретения. И недалеко то время, когда вы сможете купить, скажем, 650 метров капусты, 300 метров лука да моркови метров 300.

Продавец, вместо того, чтобы подавать вам три пакетика с семенами, отмерит метром три рулона всходозащитной бумаги. Посредине бумажной ленты тянется цепочка небольших круглых отверстий, затянутых с обеих сторон тонкой, прозрачной бумагой. А между бумагой вы увидите семена. Стоит теперь расстелить эту бумагу на огороде, присыпать землёй, и посев закончен.

В подмосковных хозяйствах проводились опыты с бумагой, начинённой семенами, и они дали хорошие результаты.

Г. Юрмин

Сухой лёд

Жаркий летний день. Продавцы бойко торгуют мороженым, то и дело доставая из ящика твёрдые цветные пакетики.

Пачки мороженого лежат в ящике вперемежку с кусками дымчато-белого вещества — сухого льда. Этот лёд не тает, а сразу превращается в газ. Если кусочек сухого льда подержать в руке, то на коже появятся следы обмораживания: сухой лед гораздо «холоднее» обычного льда, температура его — минус 79 градусов.

Сухой лёд — это твёрдый углекислый газ. Добывают его из каменного угля, который обычно даёт нам тепло, а не холод.

Как же изготовляется сухой лёд?

При сжигании каменного угля получается дымовой газ, в котором содержится около пятнадцати процентов углекислого газа. Химики выделяют из дымового газа углекислый газ и в специальных аппаратах под высоким давлением превращают его в жидкость, а затем и в твёрдый сухой лёд.

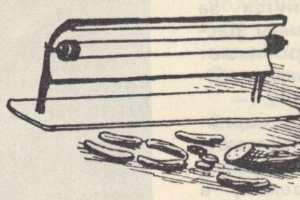
Такой способ получения углекислоты очень сложен и невыгоден: для получения одной тонны сухого льда нужно израсходовать почти полторы тонны самого лучшего каменного угля — антрацита. Поэтому учёные продолжали работать над тем, чтобы научиться добывать углекислый газ из дешёвого сырья и более простым способом.

И учёные нашли такое сырьё, которое ровно ничего не стоит и до последнего времени выбрасывалось на ветер. Это дымовые газы, вылетающие из труб азотно-туковых и нефтеперегонных заводов. В сутки на одном таком заводе можно уловить до пятисот тонн газов. Эти дымовые газы на девяносто процентов состоят из углекислого газа, который не нужно ни очищать, ни перерабатывать. Его нужно только собрать и под высоким давлением превратить в жидкую углекислоту, а затем в сухой лёд.

На многих азотно-туковых и нефтеперегонных заводах уже построены цехи, улавливающие дымовой газ и изготовляющие из него тысячи тонн сухого льда.

А. Светов

Губители микробов

Если на пути солнечного луча вы поставите трёхгранную стеклянную призму, то за призмой вы увидите маленькую радугу — спектр солнечного света. Это всё видимые нашим глазом лучи: красный, оранжевый, жёлтый, зелёный, голубой, синий, фиолетовый. Но в спектре есть ещё и невидимые лучи: за красной частью его — полоса инфракрасных, а за фиолетовой — ультрафиолетовых лучей. О зимнем солнце обычно говорят, что оно светит, но не греет, а об инфракрасных лучах можно сказать: они греют, но не светят.

Ультрафиолетовые лучи и не светят и не греют — это химически активные лучи.

Область ультрафиолетовых лучей в спектре обширна: в ней есть участок коротких лучей, которые убивают все микробы, бактерии и плесень.

Советские инженеры изобрели лампу, которая излучает смертоносные для микробов ультрафиолетовые лучи.

Такие лампы устанавливают в операционных, и ультрафиолетовые лучи, которые они излучают, образуют невидимую обеззараживающую завесу.

В последнее время эти лампы стали применять на пищевых заводах и фабриках.

Интересные опыты проводились на Ленинградском мясном комбинате имени С. М. Кирова. Оказалось, что после облучения ультрафиолетовыми лучами мясо сохраняется значительно лучше. Обычно варёная колбаса быстро портится. Но эта же колбаса после облучения остаётся совершенно свежей шесть суток. Если же колбасу облучать в течение двенадцати часов, она может сохраняться месяц и больше.

И. Вольпер

Летающие рыбы

Однажды летним вечером, сидя на берегу Уссурийского залива, мы заметили, как из воды с плеском выпрыгнула длинная рыбина и, пролетев метров тридцать, грузно шлёпнулась в море.

— Это порхающий долгопёр пролетел! — сказал мне местный житель.

Долгопёр похож на большую сельдь. У него очень длинные грудные плавники — «перья», как их называют рыбаки. Совершенно чёрные плавники резко выделяются на белом его брюшке.

И в Чёрном море водятся летающие рыбы—морской петух и морская ласточка. Морской петух бывает в длину около метра. Его грудные плавники настолько длинны, что достигают до хвостового плавника. У морского петуха очень большая голова, а туловище его, особенно к хвосту, совсем тонкое. Спина и бока его кирпично-красного цвета, синевато-серые плавники оторочены красной каёмкой.

Морская ласточка — тоже довольно красивая рыба. Спина её буровато-красная, а широкие плавники с яркой синей каймой как бы расписаны чёрной тушью. Хвостовой плавник малиновый.

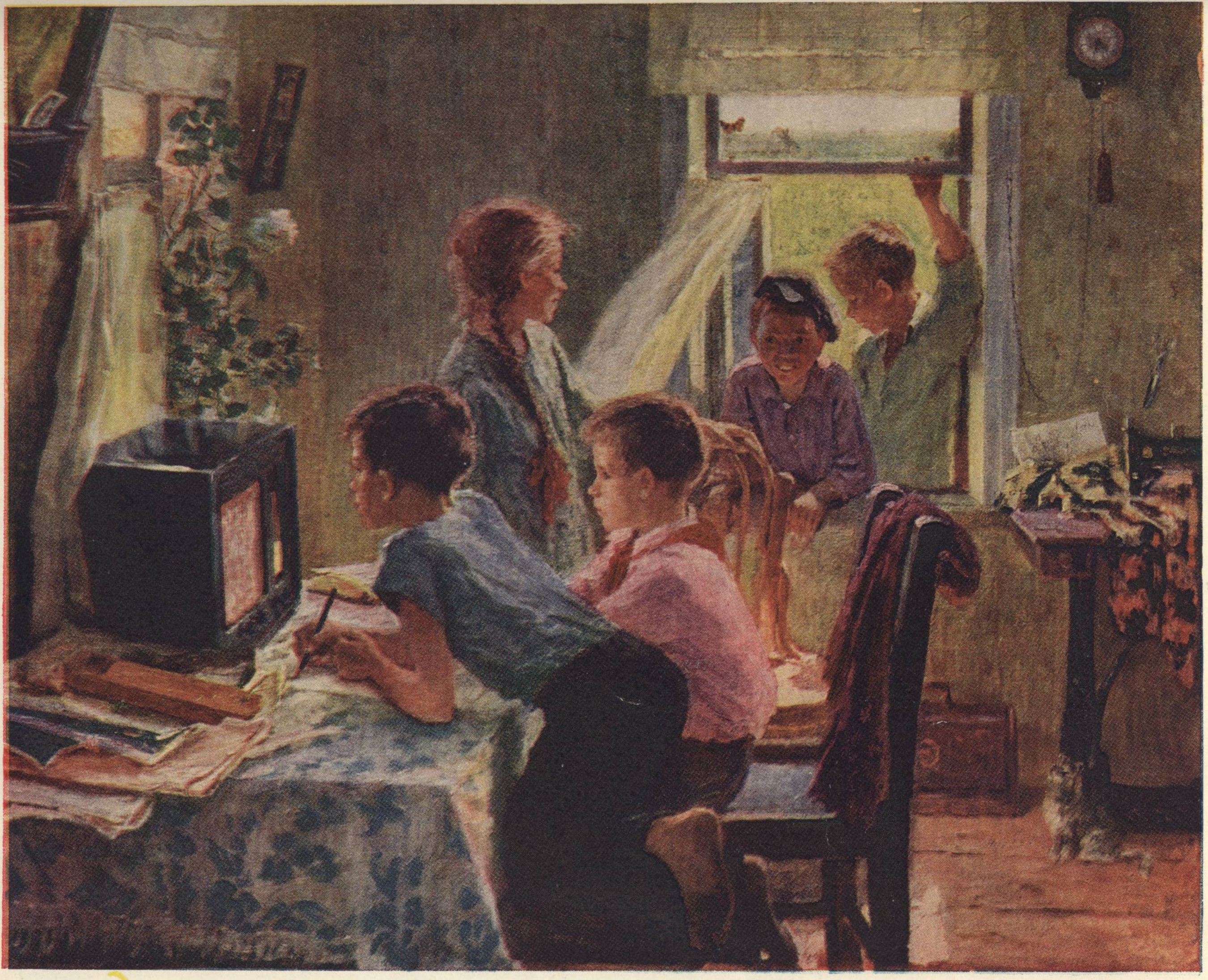
Но правильно ли называют этих рыб летающими, действительно ли они летают, подобно птицам?

Нет, летающие рыбы не летают по-настоящему! С силой выпрыгнув из воды, они планируют в воздухе на своих крыловидных плавниках. Им, как и безмоторному планёру, помогают держаться в воздухе восходящие воздушные потоки. Многие рыбы в случае опасности выпрыгивают из воды. Сёмга, например, проходит большой путь из моря в северные реки, где она мечет икру, и нередко, преодолевая пороги бурной реки, она делает прыжки более двух метров высотой!

Вам, наверно, и самим приходилось наблюдать, как выскакивают из воды маленькие рыбёшки — уклейки, когда в их стайку врезается, внезапно поднявшись из глубины, окунь.

Но у этих рыб нет таких больших плавников, и поэтому они не могут долго держаться в воздухе.

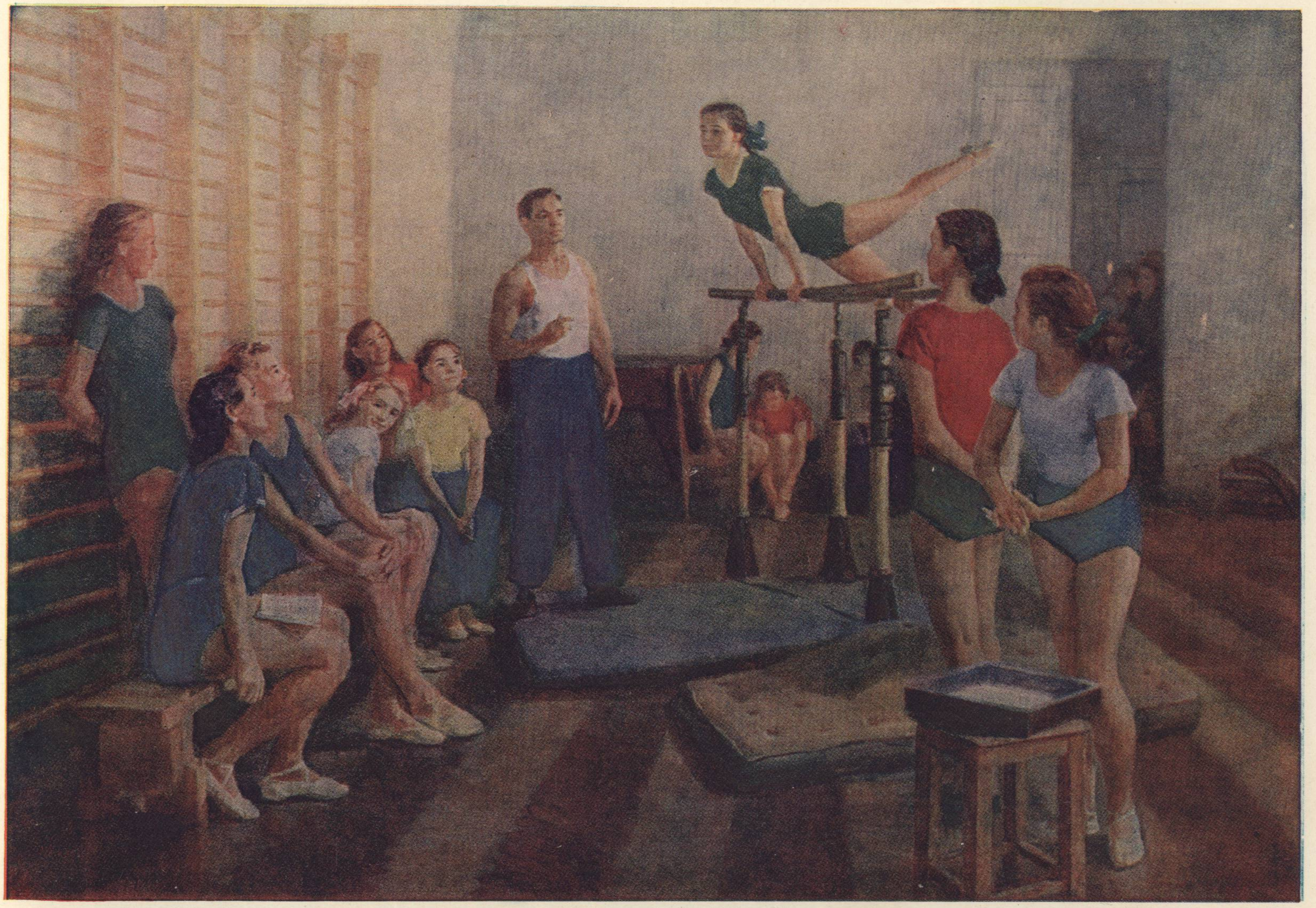
А. А. Клыков,
кандидат биологических наук.

ДЕТСКАЯ ПЕРЕДАЧА.

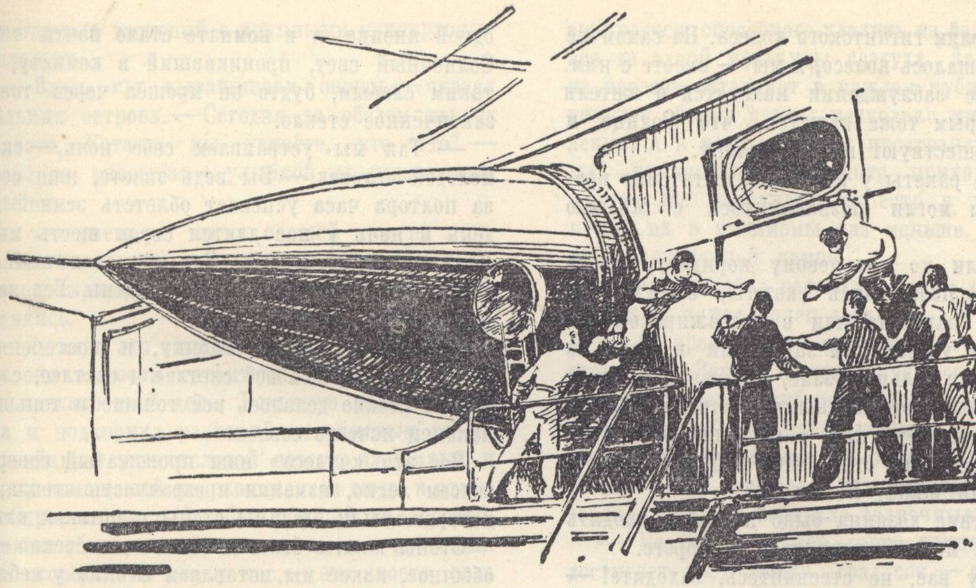
Зверьков Е.

Вторая всесоюзная выставка дипломных работ студентов художественных институтов СССР выпуска 1953 года.

ПЕРЕД СОРЕВНОВАНИЕМ.

Дарьин Г.
Выставка произведений художников РСФСР 1953 года.

ЛУННЫЙ РЕЙС

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Г. Остроумов

Рисунки Н. Кольчицкого.

(Окончание)

Жизнь на второй Луне

Несмотря на предосторожности, мы слишком резво выскакивали из люка, и встречающим приходилось ловить нас. Счастливые, радостные и смущённые своей неловкостью, мы наконец оказались в их кругу.

Командир второй Луны — высокий худощавый инженер — предложил перейти в помещение, где сила тяжести была создана искусственно.

— Там, в привычной обстановке,— сказал он,— беседовать будет удобнее.

Каждого из нас, новичков, сопровождал житель острова, показывавший, как надо ходить по ангару, цепляясь ногами за скобы, торчащие в полу.

С трудом добрались мы до лифта. Его кабинка на четыре человека — вся из металла, с глухими стенками — лежала на боку, и нам пришлось в неё лечь. Впрочем, так как здесь не было притягивающей нас к себе Земли, то не было ни «низа», ни «верха», и сказать, когда мы лежали, а когда стояли, было невозможно.

Лифт тронулся. Двигаясь в нём, мы всё явственнее чувствовали возвращение веса: ноги всё сильнее прижимались к полу кабины. Когда лифт остановился, каждый мог совершенно уверенно сказать, что «низ» под нами. Мы чувствовали себя так же, как и на Земле.

На летающем острове тяготение было создано искусственно. Остров, похожий на гигантский полый «бублик» или шину, заставили для этого вращаться, подобно колесу. При этом возникла центробежная сила — та сила, которая при вращении натягивает верёвку с привязанным к ней камнем. Чем больше мы удалялись от центра острова, тем сильнее была эта сила. Она-то и заменяла земное тяготение.

Выйдя из лифта, мы оказались в большом, залитом солнечным светом помещении. Стены и потолок его были сделаны из толстого стекла.

Самым, пожалуй, необычным было то, что этот длинный и довольно узкий зал был слегка изогнут и дальний конец его был выше того места, где стояли мы. Но идти было легко, и мы не замечали, что взбираемся в гору.

Сквозь потолок зала была видна противоположная часть летающего острова — находящийся на оси «бублика» ангар и большой застеклённый цилиндр — оранжерея, как нам пояснили.

Ослепительно белое Солнце, непохожее на то желтовато-золотистое, которое мы видим с Земли, светило с чёрного, как сажа, неба. Здесь не было воздуха, благодаря которому небо окрашивается в голубой цвет. На глубоком, бархатном фоне звёзды блистали необыкновенно ярко, не мерцая.

И Солнце и другие бесчисленные светила мчались в весёлом и дружном хороводе. Так казалось

нам, обитателям гигантского колеса. На самом же деле это вращалось колесо, и мы — вместе с ним. В таком же заблуждении находятся и жители Земли, которым тоже кажется, что Солнце и звёзды путешествуют по небосклону.

До отлёта ракеты у нас было достаточно времени, и мы могли познакомиться с жизнью острова.

Нас повели по кольцевому коридору, вдоль которого расположились каюты, совсем как на большом пароходе или в пассажирском вагоне. Мы не утерпели и заглянули в одну из кают. Как и в большом зале, наружная стена и потолок её были стеклянными. Сначала комната показалась нам неуютной: в ней было очень мало мебели — посредине стоял стол и стулья, у стены книжный шкаф. Вот и всё.

В отсутствие хозяина было неудобно входить в каюту, и мы остановились на пороге.

— Прошу вас, не стесняйтесь, заходите! — сказал один из наших провожатых, высокий молодой человек.— Это моя комната.

Он прошёл вперёд и, остановившись у небольшой панели с кнопками, нажал одну из них. Моментально из стены выдвинулась складная кровать. Хозяин каюты нажал другую кнопку, и в стене распахнулся шкаф для одежды, нажал на третью — стол и стулья быстро исчезли в специальных нишах; он прикоснулся ещё к одной кнопке, и в комнате стало почти темно. Солнечный свет, проникавший в комнату, был таким слабым, будто он прошёл через толстое закопчённое стекло.

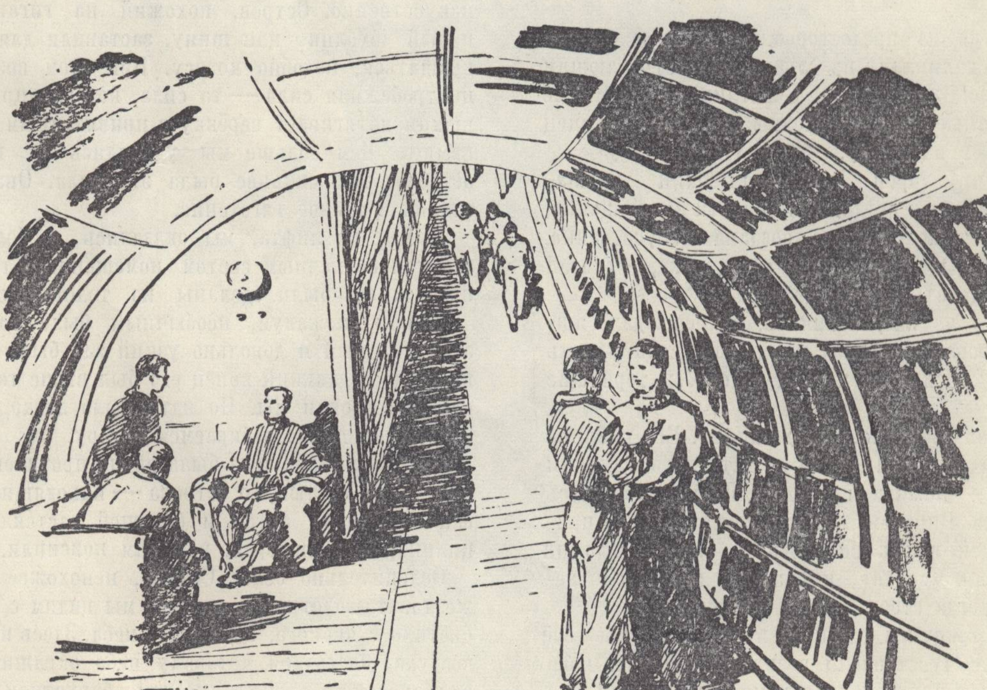
— Так мы устраиваем себе ночь,— сказал молодой человек.— Вы ведь знаете, наш остров за полтора часа успевает облететь земной шар, день и ночь у нас длятся сорок шесть минут. Едва наступит ночь — Земля заслонит от нас Солнце,— как снова приходит день. Без затемнения спать невозможно.

Он нажал другую кнопку, и постепенно в каюте становилось всё светлее и светлее, словно тёмное стекло делалось всё тоньше и тоньше и наконец исчезло совсем.

Все эти «чудеса» наш провожатый совершал совсем легко, изменяя прозрачность стекла, из которого были сделаны стены и потолок каюты.

Стены каюты были двойными, и стекло — не обычное, какое мы вставляем в окна у себя на Земле, а поляроидное. Листы этого стекла складываются так, что легко пропускают свет, но если сдвинуть одно из стёкол, свет не сможет проникнуть сквозь них.

Мы вышли из каюты и пошли дальше. Наш провожатый открыл дверь в конце коридора и мы очутились... на огороде. Продолжением коридора служила ровная аллея, справа и слева от которой тянулись густые заросли удивительных

Мы пошли по кольцевому коридору, мимо кают.

двухметровых растений с крупными яркокрасными плодами.

— Здесь мы выращиваем овощи,— сказал начальник острова.— Сегодня за обедом вы их отведаете. Кстати, вы узнаёте, что это? — спросил он, указывая с улыбкой на диковинные плоды.

Мы недоумевали: таких овощей нам не приходилось видеть на подмосковных огородах.

Сопровождавшие нас обитатели второй Луны засмеялись.

— Да ведь это обыкновенные томаты! Только здесь они выросли гигантами. Обилие тепла и света сделало своё дело. Большую роль тут сыграла и подкормка растений углекислым газом. Загрязнённый углекислотой воздух из жилых и рабочих помещений перекачивается сюда, а отсюда забирается чистый, обогащённый кислородом. От такого обмена выгадывают и люди и растения. Наши огороды, их два у нас,— это своего рода «лёгкие» летающего острова.

Мы шли по аллее мимо громадных огурцов, редиски и других великанов овощного царства.

— У нас есть ещё оранжерея,— объяснил один из учёных.— Там нет силы тяжести, и мы наблюдаем, как развиваются наши земные растения в этих необычных для них условиях. В детстве вы, наверно, читали сказку про горох, который до неба вырос. Такой горох вы увидите в этой оранжерее. Он там растёт не по дням, а по часам.

Пока мы осматривали диковинные растения, окна оранжереи порозовели и Солнце сделалось таким же красным, каким оно бывает во время заката на Земле. Наше кольцо летело сейчас мимо не освещённой Солнцем части земного шара. Там сейчас была ночь.

Закат длился недолго. Прошло две — три минуты, и нас окружила непроглядная мгла. Но когда глаза немного освоились с темнотой, во всём своём великолепии развернулся бескрайний звёздный ковёр. Звёзд не было только там, где чернела Земля. Но вот и в стороне Земли что-то засветилось. Появилось одно расплывчатое светящееся пятно, невдалеке — другое. Это были огни больших городов.

После оранжереи мы отправились в физическую лабораторию. Здесь всюду: на столах, на полках и в особых штативах — стояли баллоны из тонкого небьющегося стекла. Работник лаборатории пояснил нам, что здесь исследуется пустота межпланетного пространства.

— Современная техника,— пояснил нам учёный,— использует различные устройства и электронные лампы, работающие только в вакууме, то есть в пустоте. У нас на Земле мощные насосы выкачивают воздух из баллонов ламп, но за свою многолетнюю историю техника не создала ещё насоса, способного удалить из баллона лампы все до одной молекулы воздуха. Даже лучший из насосов оставляет в каждом кубическом сантиметре объема лампы несколько миллионов молекул. А в межпланетном пространстве на каждый кубический сантиметр приходится всего одна — две молекулы, то есть в здешнем вакууме их в миллионы раз меньше, чем в лучшей электронной лампе.

Физик подробно рассказал нам о своих исследованиях, а под конец добавил:

— Со временем мы наладим доставку вакуума отсюда на Землю и используем его для производства лучших приборов и ламп.

В соседней комнате учёные работали над использованием солнечной энергии на летающем острове. Они показали нам небольшое вогнутое зеркало, которое собирало солнечные лучи.

— На Земле в этой точке температура едва достигает трёх тысяч градусов,— сказал один из них.— Здесь же температура в фокусе зеркала почти в полтора раза выше, потому что солнечные лучи не ослабляет атмосфера. С помощью таких зеркал ремонтные рабочие нашего острова ведут сварочные работы, плавят металл, нагревают его для закалки.

В одном из помещений за лабораторией мы остановились. Здесь, как в заводской раздевалке, стояли ряды шкафов. Кто-то из местных жителей распахнул один из них, и мы увидели скафандр — костюм, в котором можно выйти в космическое пространство.

— Если хотите побывать в астрономической обсерватории,— сказал командир острова,— вам придётся переодеться. Для удобства работы астрономов мы её устроили за пределами острова.

Быстро облачились мы в лёгкие костюмы из стеклянной ткани, пропитанной гибкой пластмассой. За плечами у нас — ранцы с кислородными баллонами и небольшая ракета для передвижения в пространстве. Над застеклённым колпаком у каждого качался тоненький стебелёк радиоантенны.

В знакомом нам лифте мы перебрались к центру острова. Хлопнула дверь переходной камеры. Послышался шум насоса. Это перекачивали воздух из камеры, чтобы он не улетел, когда мы откроем люк, ведущий в безвоздушное пространство.

Через минуту наш экскурсовод распахнул люк. Металлическая лестница с поручнями вывела нас на небольшую огороженную площадку, в центре которой был закреплён туго натянутый стальной трос. Его продолжение терялось в темноте.

В наушниках, укреплённых на внутренней стороне шлема, послышался голос:

— Этот трос — дорога в обсерваторию. Прикрепите себя цепочкой к подвижным рычагам,

скользящим вдоль троса. Цепочки есть у каждого на поясе.

По сигналу руководителя экскурсии один за другим включили мы свои ракеты, и они помчали нас прочь от второй Луны.

— Смотрите, смотрите! — услышал я в наушниках взволнованный голос Михайлова.— Что это там?

Я взглянул вперёд. Вдали перед нами полыхало пламя, оно удивительно красиво играло красными, оранжевыми, жёлтыми, зелёными языками.

Расстояние между нами и таинственным морем огня быстро сокращалось. Не грозит ли нам опасность погибнуть в этом огромном небесном пожаре?

Но спокойный и чуть насмешливый голос профессора Петрова развеял наши опасения.

— Вы, наверно, забыли о полярных сияниях?

В самом деле, как это не пришло в голову сразу? Ведь сейчас вторая Луна как раз приближалась к Южному полюсу!

Вскоре нам показалось, будто мы окунулись в гигантскую радугу или попали в светящийся всеми цветами дождь.

Не успели мы как следует налюбоваться этим сказочным видением, как оно осталось далеко позади: остров миновал полярную область. Только что под нами расстилались бескрайние льды Антарктики, а теперь мы уже мчались над Тихим океаном.

Наш путеводный трос привёл к входному люку обсерватории. Здесь, как и в ангаре, нет тяготения. Обсерваторию нельзя заставить вращаться, чтобы создать искусственную силу тяжести: это помешает астрономическим наблюдениям.

Мы передвигались, хватаясь руками и ногами за многочисленные скобы, укреплённые всюду: на полу, на стенах и даже на потолке.

Нелегко привыкнуть к такому способу хождения! Но особенно мешало нам ощущение необыкновенной лёгкости, с которым земные жители знакомы только по коротким мгновениям падений. Нам всё время казалось, что мы куда-то проваливаемся, и поэтому каждый из нас то и дело судорожно хватался за ближайшую скобу. Здешние жители уверяли, что это ощущение со временем проходит.

С увлечением работали здешние астрономы. На Земле никогда не бывает такого ясного, чистого неба. Правда, на летающей обсерватории есть свои трудности. Из-за быстрого её движения картина неба здесь поминутно меняется. Чтобы вести длительные наблюдения какой-либо звезды, пришлось применить специальные механизмы, которые всё время направляли телескопы на эту звезду.

Усталые, возвращались мы «домой» — на остров: пребывание в мире без тяжести с непривычки очень утомительно. От непрерывной борьбы с непослушными руками и ногами всё тело болело, словно весь день нам пришлось таскать мешки.

После обеда мы отдохнули в приготовленной для нас каюте. Вечером смотрели по телевизору концерт из Москвы, а в полночь по московскому времени легли спать, хотя на второй Луне в это время был день. Мы сразу же затемнили свою каюту: ведь нам нужно хорошо выспаться. Завтра мы летим дальше!

В пути

Голос диктора, приглашавшего заняться утренней гимнастикой, звучал здесь, далеко за пределами Земли, так же, как и в Москве.

— Уже утро, но почему же темно? — удивился я, проснувшись.— Да, ведь я сам затемнил каюту!

Палец нажал на кнопку, но светлее не стало, только в окне выступили яркие звёзды.

— Значит, сейчас и в самом деле ночь. Ведь она здесь бывает пятнадцать раз в сутки!

Скоро весь наш экипаж собрался к завтраку. В столовой было много народу: только что кончилась «ночная» вахта.

— Мы живём,— объяснил нам сосед по столу,— по московскому времени. Сейчас в столице утро, значит, и у нас утро.

Час отлёта ракеты точно вычислен заранее. Она должна взлететь с острова так, чтобы использовать скорость вращения его вокруг Земли. Суть этого манёвра можно пояснить на таком примере: представьте, что вы едете в трамвае и хотите из окна забросить подальше камень. В какую сторону надо бросить камень: вперёд или назад? Конечно, вперёд, по движению трамвая: тогда к скорости, которую сообщила камню рука, прибавится скорость движения трамвая.

После завтрака у нас осталось ещё достаточно времени, чтобы вместе с инженером, руководившим здесь сборкой ракеты, осмотреть наш космический корабль.

Когда мы вышли из переходной камеры, внизу под нами чернела окутанная плотными облаками ночная Земля. И вдруг всё переменилось. Густо-красное Солнце, каким мы его никогда не видим на Земле, вынырнуло из-за земного шара. Край облачного покрова Земли стал багровым. Словно громадный рубиновый шар, Солнце повисло над нашей родной планетой.

Летающий остров стремительно нёсся навстречу светилу. Как железо, раскалённое в горне, оно из вишнёво-красного стало алым, потом оранжевым, жёлтым... и, наконец, ослепительно белый его диск заблистал на тёмном небе.

Чудесная перемена произошла и на Земле. Не

осталось и следа от мрачного кровавого зарева. В прямых лучах Солнца облака сверкали, как арктический снег. Сквозь разрывы в облаках зеленели земные леса и поля.

Космическая ракета была прикреплена к наружной части кольца.

Осмотр начался с двигателя. Отверстие, из которого будут выбрасываться раскалённые газовые струи — сопло, — зияло чёрным провалом.

За двигателем тянулись четыре длинных цилиндрических бака с топливом. Они были уложены, как карандаши в пачке, и скреплены ажурными металлическими обоймами. Сделанные из серебристой стали, они, подобно ракетоплану, были отполированы до блеска. Но здесь это было сделано для другой надобности: чтобы их не нагревали солнечные лучи.

Длинная, вытянутая, как торпеда, пассажирская кабина помещалась в головной части. У неё было оперение, ракетный двигатель и запас топлива. Словом, это была небольшая ракета, способная совершать самостоятельные полёты. Кормовая часть кабины скрывалась в промежутке между топливными баками. Впереди корабля выступала та часть ракеты, где находилась наша каюта.

Странно выглядел наш космический корабль со стороны. Не было в его форме ничего, что говорило бы об огромной, умопомрачительной скорости, с которой он может летать. По сравнению с изящными обтекаемыми земными самолётами или ракетопланами он выглядел неуклюжим.

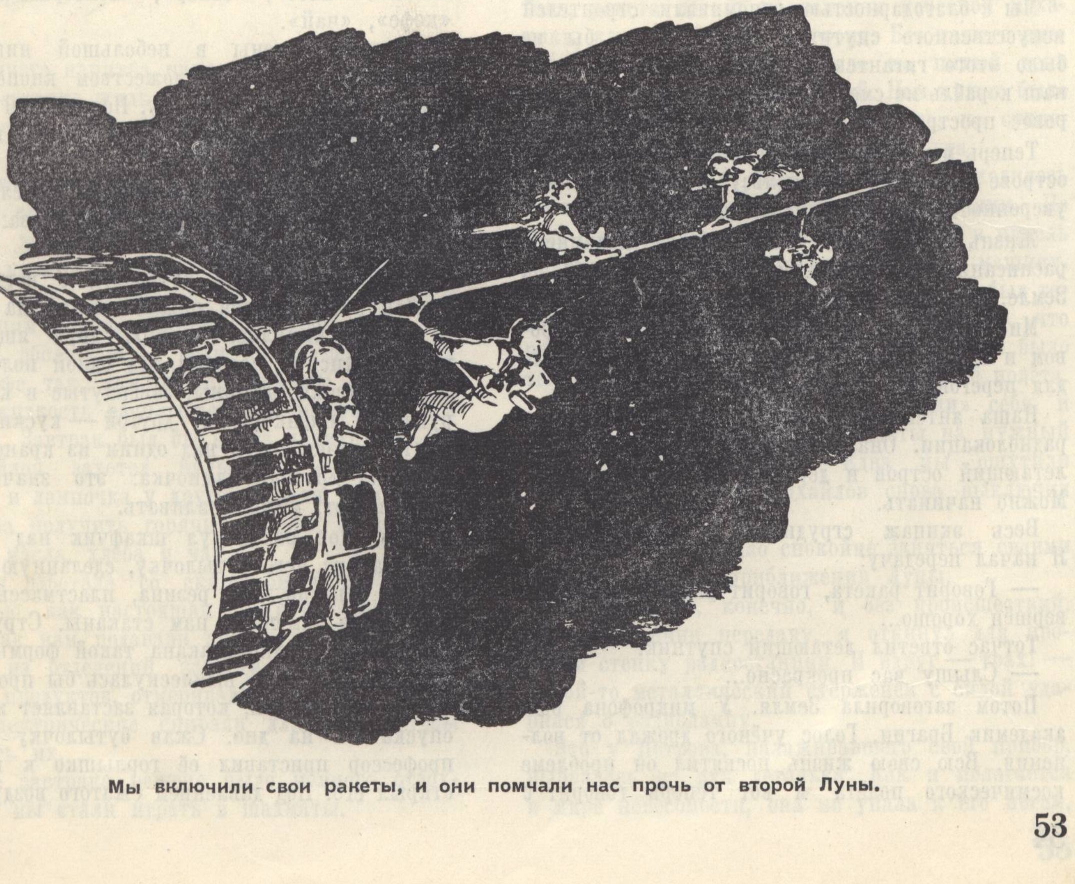
И это понятно. Ведь самолёту и ракетоплану приходится преодолевать сопротивление воздуха. А в межпланетном пространстве полёт нашего диковинного корабля ничто не могло затормозить. Строители ракеты думали прежде всего о вместительности баков, о прочности и лёгкости конструкции корабля, об удобстве управления этой громадиной.

После осмотра мы вернулись на остров. Через час наш космический корабль должен был оторваться от второй Луны.

Этот час пролетел незаметно. И вот мы уже в кабине ракеты. Группа провожающих окружает нас. Все волнуются, но стараются не показывать этого.

Начальник острова произнёс короткое напутственное слово, пожелал счастливого пути и пожал наши руки, уже привязанные к подлокотникам. Все провожающие покинули ракету. Люк кабины герметически закрылся.

Красная лампа, вспыхнувшая перед Михайловым, просигналила: через минуту автоматические захваты, удерживающие нас у острова, разомкнутся, и космический корабль окажется на свободе. Загорелась вторая лампа, и тотчас

Мы включили свои ракеты, и они помчали нас прочь от второй Луны.

мы почувствовали, что ракета проваливается в бездну: мы ощутили ту необычайную лёгкость, которая хорошо знакома тем, кто спускался на скоростном лифте. Ракета отцепилась от острова с выключенным двигателем и была отброшена, как камень из пращи. Так мы уберегли остров от ударов мощных газовых струй, выбрасываемых нашим двигателем.

Вот пройден километр, полтора, два... Томительно тянулись секунды. Что, если автоматы ошибутся хоть на секунду и не во-время включат двигатель? Тогда мы можем проскочить мимо Луны и умчаться нивесть куда. У нас, конечно, есть возможность исправить их ошибку, но для этого придётся тратить резервное топливо, а оно еще может понадобиться при посадке на Луну.

Наконец успокоительно засветился зелёный сигнал: начала работать топливная помпа. Уже знакомая сила, рождённая ускорением, навалилась на нас. Несмотря на разлившуюся по телу сковывающую тяжесть, вздох облегчения вылетел из моей груди: всё в порядке!

Указатель курса показывал, что мы летим по верному направлению.

Пребывание в мире, где все предметы и мы сами были в четыре раза тяжелее, чем на Земле, длилось недолго. За полторы минуты наш корабль набрал нужную скорость — три тысячи метров в секунду.

Мы с благодарностью вспоминали строителей искусственного спутника Земли. Если бы не было этого гигантского летающего сооружения, наш корабль не смог бы так легко улететь в мировое пространство.

Теперь мы снова были невесомы. Но жизнь на острове пошла нам на пользу: у нас появилась уверенность в движениях и даже ловкость.

Жизнь на корабле была строго подчинена расписанию, продуманному до мелочей ещё на Земле. Все мы занялись своим делом.

Мне надо было наладить радиосвязь с островом и Землёй. Уже близок был условленный час для переговоров со спутником.

Наша антенна служила и для связи и для радиолокации. Она «нащупала» в пространстве летающий остров и держала его в своём луче. Можно начинать.

Весь экипаж сгрудился у радиостанции. Я начал передачу:

— Говорит ракета, говорит ракета! Взлёт совершён хорошо...

Тотчас ответил летающий спутник:

— Слышу вас прекрасно...

Потом заговорила Земля. У микрофона был академик Брагин. Голос учёного дрожал от волнения. Всю свою жизнь посвятил он проблеме космического полёта и вот теперь говорит с межпланетным кораблём, который мчится к далёкой и неведомой Луне...

Короткая радиоперекличка окончена. Все разошлись по своим местам. Я остался у станции: надо передать в штаб перелёта сведения о работе механизмов и приборов.

Прошёл час, другой. Негромкий, но настойчивый гудок заставил нас прервать свои занятия. Это прибор, следящий за чистотой воздуха, предупреждал, что в каюте скопилось много углекислого газа. Пора было проветрить помещение.

Все собрались в передней части каюты. Михайлов включил вспомогательный мотор, и из стен выдвинулись тонкие металлические перегородки. Они образовали непроницаемую для воздуха стенку, разделившую каюту пополам. Нажав кнопку, пилот открыл в отгороженном от нас помещении «форточку» — маленький люк, и воздух со свистом улетел в мировое пространство. Когда люк был закрыт, мы перешли в другую половину каюты, куда из баллона впустили струю чистого воздуха. Так же очистили воздух в первой половине каюты и после этого убрали перегородку.

Чистый и прохладный воздух освежил нас, и, словно после хорошей прогулки, захотелось есть. Мы перешли в нашу столовую у задней стены каюты. В стене были вделаны ящички с надписями: «хлеб», «сахар», «консервы мясные», «кофе», «чай».

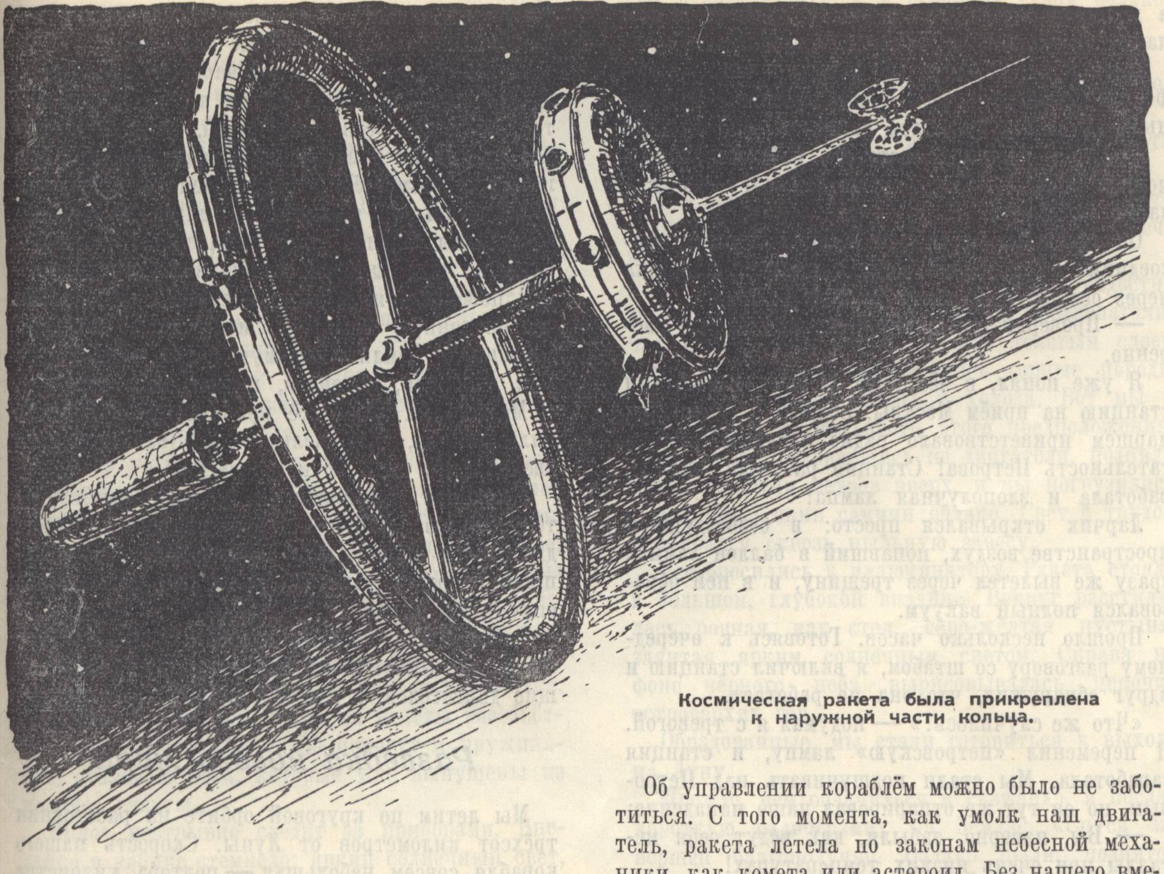
Посредине стены в небольшой нише была наклонная панель со множеством кнопок, похожая на пишущую машинку. Под каждой кнопкой были такие же названия, как и на крышках ящиков.

Карцев — наш главный повар — уселся перед этой панелью и весело спросил Петрова:

— Что вам угодно?

Профессор заказал бутерброд с ветчиной и стакан кофе. Карцев нажал кнопки на панели. В стене откинулись дверцы двух ящичков и превратились в полочки. На одной полочке лежали ломтики ветчины, завёрнутые в консервирующую плёнку, на другой — куски хлеба. Почти одновременно над одним из кранов внизу замигала красная лампочка: это значило, что кофе согрет, можно наливать.

Профессор распахнул шкафчик над кранами и достал из него бутылочку, сделанную из мягкой и упругой, как резина, пластмассы. Такие бутылочки заменяли нам стаканы. Струя кофе, ударившись в дно стакана такой формы, какая принята на Земле, выплеснулась бы прочь: ведь здесь нет тяжести, которая заставляет жидкость опускаться на дно. Сжав бутылочку в руке, профессор приставил её горлышко к крану и открыл его. Под давлением сжатого воздуха пор-

Космическая ракета была прикреплена к наружной части кольца.

ция горячего напитка наполнила сосуд. Сжатый воздух заставил жидкость течь из крана.

Профессор взял горлышко бутылочки, как соску, в рот и, сдавливая постепенно упругий сосуд, стал пить кофе. В мире, где нет тяжести, особенно сильно проявляется смачивающая способность жидкости. Воду, молоко или кофе ни за что нельзя было бы удержать в обычном стакане; они растеклись бы по наружным и внутренним стенкам стакана и обволокли бы его, как оболочкой. А если бы профессор стал пить кофе так, как он это привык делать на Земле, жидкость расплылась бы по его лицу и костюму. Завтрак был бы не из приятных!

Михайлов захотел бульона. Повар нажал кнопку, и лампочка у другого крана пригласила инженера получить горячий бульон. Я получил порцию масла, хлеба и чай.

Кухня работала со сказочной быстротой и чёткостью, как настоящая скатерть-самобранка.

Завтрак нам подавали автоматы. Они выталкивали из отделений заранее приготовленные порции продуктов, отмеривали напитки и включали электрические спирали для того, чтобы подогреть их.

После завтрака решено было немного отдохнуть, и мы стали играть в шахматы.

Об управлении кораблём можно было не заботиться. С того момента, как умолк наш двигатель, ракета летела по законам небесной механики, как комета или астероид. Без нашего вмешательства она должна была на пятый день оказаться по соседству с Луной. Нам нужно было только время от времени проверять, не отклоняемся ли мы от намеченного маршрута.

В контрольных расчётах нам приходилось иметь дело с громоздкими вычислениями. Но наш штурман включал вмонтированную в панель пилота электронную вычислительную машину, давал ей задание, и за две минуты ответ был готов. При первом же подсчёте выяснилось, что ракета летела с нужной скоростью, надо было только немного изменить направление её полёта.

Все уселись в кресла, «запеленали» себя, и Михайлов, повернув корпус ракеты на нужный угол, запустил двигатель. Едва мы ощутили лёгкий толчок, как Михайлов снова выключил двигатель.

Теперь можно было спокойно заняться своими делами и ждать приближения Луны.

Не обошлось, конечно, и без происшествий. Как-то окончив передачу, я откинул для проверки стенку радиостанции. И вдруг — трах! — какой-то металлический стерженёк с силой ударился о радиолампу.

Это у Петрова, налаживавшего свой прибор, вырвалась из рук деталька. Как и полагается в мире невесомости, она не упала к его ногам,

а полетела прямо, как пуля, и угодила в мою лампу. В баллоне образовалась трещина.

Хотя у нас и были ещё лампы в запасе, профессор чувствовал себя очень неловко. Смущённый, он молча принялся снова за свой прибор.

— А я всё-таки заставлю работать испорченную лампу! Дайте-ка мне провод! — неожиданно сказал он.

Он привязал провода к ножкам лампы, присоединил их к нашей радиостанции и выставил через особый люк лампу за борт ракеты.

— Проверяйте станцию,— сказал он мне уверенно.

Я уже понял, в чём дело, и быстро настроил станцию на приём Москвы. Бодрым и радостным маршем приветствовало радио столицы изобретательность Петрова! Станция работала, значит, работала и злополучная лампа!

Ларчик открывался просто: в безвоздушном пространстве воздух, попавший в баллон лампы, сразу же вылетел через трещину, и в ней образовался полный вакуум.

Прошло несколько часов. Готовясь к очередному разговору со штабом, я включил станцию и вдруг обнаружил, что она не работает.

«Что же случилось?» — подумал я с тревогой. Я переменил «петровскую» лампу, и станция заработала. Мы стали подшучивать над Петровым, но он тут же отпарировал наше нападение:

— Вы, наверно, забыли, как ведут себя металлы при очень низких температурах!

Наш изобретатель был прав. Сильно охлаждённые металлы не оказывают никакого сопротивления прохождению электрического тока. Пока лампа не охладилась, она работала, но при низкой температуре межпланетного пространства металлические волоски стали сверхпроводимыми. Они не могли нагреться, потому что совершенно не оказывали сопротивления движению тока...

В подтверждение своей правоты профессор втащил лампу в каюту и, когда она нагрелась, снова выставил её в люк. Лампа прекрасно работала!

В свободные минуты мы разглядывали через иллюминатор Луну. Она была уже близко. Даже невооружённым глазом были видны зазубренные, похожие на короны кольцевые горы, которые астрономы называют цирками и кратерами. Необыкновенно густыми и резкими, словно нарисованные тушью, были тени этих высоких гор: на Луне нет воздуха, и солнечные лучи обрисовывают возвышенности с исключительной чёткостью.

Наверное, не один моряк, всматривавшийся в берега долгожданной земли, не волновался так, как мы. Перед нами развёртывалась та часть лунной поверхности, которую никто из людей доселе не видал: Луна всегда обращена к нашей планете одной и той же стороной.

Признаться, я был разочарован представившимся нам зрелищем: те же кратеры, цирки и тёмные пятна безводных морей. Когда я высказал вслух своё разочарование, наш астроном был искренне возмущён. Он установил у иллюминатора небольшой телескоп и глядел на приближающуюся Луну, не отрываясь. Михайлов включил киноаппарат, чтобы заснять вид лунной поверхности, а мы с Петровым подготовили телевизионную станцию: надо было показать астрономам Земли неведомую науке часть Луны. Как ликовали, наверное, в этот день они!

Между тем Луна всё приближалась. Глядя в иллюминатор, уже нельзя было охватить весь сверкающий диск ночного светила.

Михайлов готовился к новому манёвру — торможению ракеты — и развернул её для этого двигателем вперёд. Нам необходимо было уменьшить скорость ракеты, чтобы она могла стать спутником Луны.

Электронная машина проделала нужные вычисления. Пилот настроил автоматы, управляющие двигателем, и мы забрались в наши кресла.

Разведка нового мира

Мы летим по круговой орбите на расстоянии трёхсот километров от Луны. Скорость нашего корабля совсем небольшая — полтора километра в секунду, и всё же нам нужно немногим больше двух часов, чтобы обойти вокруг нее.

Перед нами — граница дня и ночи. Позади — часть Луны, освещённая Солнцем, впереди — непроглядная темнота. Сумерек на Луне не бывает. Здесь нет воздуха, который у нас на Земле рассеивает свет ушедшего за горизонт Солнца.

— Мы летим сейчас над знакомой людям половиной Луны, — сказал астроном. — Видите близ границы дня яркие точки? Это светятся в лучах Солнца вершины гор. И наша ракета сейчас хорошо видна в телескоп с Земли. На чёрном фоне она кажется сверкающей звёздочкой.

Нам нужно было выбрать удобное место для посадки: ровную площадку с подходящим климатом. Лунный климат непривычен для жителей Земли. Днём, который длится тринадцать земных суток, поверхность Луны на экваторе, например, нагревается до ста тридцати градусов. Зато во время такой же продолжительной ночи здесь свирепствует страшный мороз — минус сто шестьдесят градусов. И всё это потому, что на Луне нет атмосферы, которая, словно одеяло, укутывает нашу Землю.

Чтобы спастись от жары, нам надо было посадить нашу ракету поближе к какому-нибудь

из лунных полюсов: там день намного прохладнее. Земные астрономы давно установили, что в районе цирка Джона Гершеля температура в полдень никогда не поднимается выше сорока градусов.

Перед посадкой нам предстояло на определённой высоте отцепить от пассажирской кабины баки, наполненные топливом. Баки превратятся в искусственный спутник Луны, а мы в своей кабине-ракете сядем на Луну. Это гораздо выгоднее, чем спускаться с баками. Ведь на их торможение надо тратить топливо. Меньше израсходуем мы его и при взлёте.

Михайлов быстро и уверенно совершил этот манёвр, и ракета помчалась на север Луны — к цирку Джона Гершеля.

Мы не вылезаем из наших кресел: предстоит торможение и посадка. Михайлов поворачивает ракету соплом вперёд и включает двигатель. Он отвечает мощным рёвом. Впечатление такое, будто ракета разгоняется, но на самом деле мы гасим скорость, и ракета начинает падать вниз.

Из кресел, в которых лежат Петров, Карцев и я, видна напряжённая фигура Михайлова. Наступил самый ответственный момент — посадка. Малейшая неточность, и корма ракеты разобьётся о поверхность Луны. Не помогут и пружинящие стальные ноги, которые уже выпущены из корпуса ракеты.

Пилот неотрывно следит за приборами. Внезапно в кабине стемнело: яркий солнечный свет, лившийся через иллюминатор, померк. Казалось, что ракета погружается в воду.

Встревоженные, мы решили задержать спуск. Двигатель взревел на полную мощность. Тяжесть, вдавившая нас в кресла, удвоилась. Но мрак за стеклом не рассеивался, а высотомер показывал, что до поверхности Луны пятьдесят метров. Мы терялись в догадках.

— Но ведь на Луне воды нет! — решительно воскликнул Петров.— Это доказано. Смелее!

Последние секунды спуска, казалось, длились вечность.

Медленно ползла вниз стрелка высотомера: двадцать, пятнадцать, десять метров...

Мягкий, почти неощутимый толчок... И сразу мёртвая тишина. Это автомат выключил двигатель, как только мы коснулись Луны. Но в иллюминаторе попрежнему было темно.

— Ура, придумал! Сейчас мы всё узнаем,— обрадованно воскликнул я.— Нам всё объяснит Земля! Посадку ракеты наблюдают в телескопы десятки обсерваторий.

Я бросился к радиостанции. Мне ответил взволнованный голос дежурного радиста штаба перелёта:

— Мы собирались вас вызывать. Обсерватория сообщает: в последние секунды перед посадкой ракета скрылась в огромном сером облаке. Что с вами произошло?

Как раз этого-то мы и не могли объяснить.

Вдруг раздался радостный крик нашего астронома:

— Посмотрите в иллюминатор — темнота рассеивается. Скоро станет светло!

И в самом деле, с каждой секундой в каюте становилось всё светлее. Вот уже первый солнечный луч проскользнул в каюту.

— Всё объясняется совсем просто,— радостно заговорил Карцев.— Астрономы предполагали, что поверхность Луны покрыта толстым слоем пыли, в которую превратились горные породы от резких перемен жары и холода. Вот мы и убедились в правильности этого предположения. Струи газов, вырвавшись из двигателя, подняли пыль на сотни метров вверх, и мы погрузились в созданное нами самими облако. Свет с трудом пробивался сквозь пыльную завесу.

Все бросились к иллюминатору. Ракета стояла в большой, глубокой впадине. Вокруг расстилалась ровная, как стол, серо-жёлтая пустыня, залитая ярким солнечным светом. Справа на фоне чёрного неба вырисовывалась цепочка островерхих гор.

Обрадованные, мы стали готовиться к выходу на Луну.

Прежде, чем облачиться в скафандр, я послал короткую радиограмму на Землю: «Спуск завершён благополучно. Облако пыли, поднятой ракетой, осело. Выходим на Луну».

Я замер на ступеньках лестницы, поражённый увиденной мною картиной. Солидные учёные — профессор Петров и астроном Карцев,— вышедшие на поверхность раньше меня, гонялись друг за другом, прыгая, как молодые зайцы.

Стоило мне спрыгнуть с последней ступеньки и сделать первый шаг, как я понял причину резвости моих товарищей. У меня как будто выросли за плечами крылья. Сделав один шаг, я сразу переносился на несколько метров вперёд, а когда я прыгнул, то пролетел больше двадцати метров.

На Луне все тела весят вшестеро меньше, чем на Земле. Поэтому мы и приобрели такую чудесную прыгучесть. Надо сказать, что это чувство гораздо приятнее полной невесомости, которая делает человека беспомощнее грудного младенца. Здесь же мы чувствовали себя удивительными силачами.

Климат места посадки оказался вполне подходящим — наши скафандры нагревались на Солнце всего лишь на двадцать — двадцать пять градусов, так что от жары мы не страдали.

Мы решили добраться до небольшой конусообразной горы, одиноко торчавшей среди ровной, как стол, местности.

Гуськом, прыгая, как кенгуру, помчались мы со скоростью автомобиля к нашей цели. Ноги наши глубоко утопали в мягкой пыли. Издали она казалась плотной породой, но стоило ступить на нее ногой, как она рассыпалась тончайшим порошком.

Гора была очень крутой, ведь на Луне нет воды, которая сглаживает на Земле склоны гор. Но нам крутизна была нипочём. В несколько минут вскарабкались мы на самую вершину, такую острую, что едва на ней уместились вчетвером.

Кругом, куда ни посмотришь, возвышалась стена высоких зазубренных гор. Они кольцом окружали равнину, на которую села ракета. Гора, на которой мы находились, была почти в центре цирка.

Пока мы осматривали горизонт, Карцев раскопал слой пыли и стал бить по обнажённой породе геологическим молотком. Брызги осколков полетели далеко во все стороны. Мы все с любопытством рассматривали первые образцы лунных минералов.

Карцев раскопал слой пыли и стал бить по обнажённой породе геологическим молотком.

— Это вулканическая порода,— произнёс наконец Карцев.— По всем признакам, в ней должна быть медь. А ну-ка копнём поглубже! — сказал он и достал патрон взрывчатки.

Мы спрятались за отрогом. Минута — другая, и по лёгкому вздрагиванию горы мы поняли, что взрыв произошёл. Здесь, в безвоздушном пространстве, всё совершается беззвучно.

Надежды Карцева оправдались. В глубине порода была ещё богаче металлом. Но мы не могли долго задерживаться: надо было возвращаться к ракете и устраиваться на новом месте.

Прихватив с собой образцы добытых Карцевым минералов, мы поспешили к ракете.

На следующий день Петров и я остались около ракеты, чтобы вести исследовательские работы. Из склада в носовой части ракеты извлечены были различные физические приборы, многочисленные пробирки с микробами и банки с растениями.

Карцев и Михайлов отправились в дальнюю экспедицию — к кольцевым горам. На них возлагалась геологическая разведка и изучение внутреннего строения Луны. Кроме того им предстояло выбрать подходящее место для лунной станции, сотрудники которой будут постоянно вести исследовательские работы. Здесь, под вечно ясным небом, разместятся астрономические и астрофизические обсерватории. Будет выстроен и порт для приёма и отправки ракет.

Карцеву и Михайлову надо было найти глубокое и узкое ущелье, в котором здание станции будет защищено от прямых солнечных лучей и от метеоритов. Часть помещений придётся строить в недрах гор. Тогда не надо будет заботиться об охлаждении здания днём и об усиленном отоплении его ночью. Станция будет обогреваться внутренним теплом Луны.

Петров и я долго смотрели вслед быстро удаляющимся Карцеву и Михайлову. Они тащили за собой большие сани, на которых были уложены аккумуляторы и различные приборы, баллоны с кислородом и питанием. Широкие полозья саней легко скользили по пыли.

Наши товарищи должны были торопиться, чтобы вернуться к нам до наступления лунной

ночи, которая должна была начаться через семь земных суток. Оставаться ночью вдали от ракеты было опасно. Аккумуляторы, в которых была запасена электрическая энергия для обогрева костюмов, рассчитаны на непродолжительные посещения затенённых мест, где и днём царит страшный холод. А с ночным холодом в скафандрах невозможно бороться. К тому же, возвращаясь в кромешной тьме, легко заблудиться.

Несколько земных суток, заполненных напряжённой работой, промелькнули удивительно быстро. Следить за временем было трудно: без конца длился лунный день.

По радио мы часто говорили с Землёй и с нашими ушедшими товарищами. Им не сразу удалось найти подходящее ущелье, но зато в кольцевых горах были открыты минералы, содержащие свинец, медь, золото и редкие металлы.

По словам Карцева, лунные горы таили в себе сказочные богатства... Он уверял, что недалеко то время, когда здесь, на Луне, возникнут металлургические заводы.

Наконец ущелье было найдено, и Карцев с товарищем двинулись «домой». Мы ахнули, когда увидели, какой огромный груз притащили они на санях. Здесь были тысячи образцов горных пород, а ведь прошли они несколько сот километров.

Усталые, они прежде всего попросили накормить их чем-либо твёрдым, чтобы «поработать челюстями». В пути они не могли снять скафандры и всё время питались только жидкой пищей, налитой в специальные баллоны. Они пили её, привернув баллон к трубке, введённой под скафандр.

Первая разведка была проведена, работы были закончены. Пора отправляться в обратный путь, на Землю, тем более что близилась лунная ночь. Хотя Солнце стояло совсем низко, но было попрежнему ослепительно белым. Нижний край его коснулся горизонта. К нашей ракете подползли длинные тени кольцевых гор.

Мы рассаживаемся в каюте. Люк захлопывается. Наша ракета готова к отлёту.

Старт прошёл хорошо. Радиолокатор помог нам быстро отыскать вращающиеся вокруг Луны баки. Прицепив к ним нашу ракету, мы перелили из них топливо... Теперь с полным запасом топлива мы могли спокойно отправиться на Землю. Баки сослужили свою службу, и мы оставили их кружиться над Луной: оставшееся в них топливо — неизрасходованный резервный запас — ещё пригодится строителям лунного порта.

Обратный путь к Земле мы совершили, миновав искусственный спутник. При приближении к атмосфере ракета наша выпустила крылья. Планируя, она описала вокруг Земли несколько кругов, и от трения о воздух скорость ее уменьшилась. Можно было приземляться.

Радиомаяки помогли нам найти ракетодром, где всё было подготовлено к встрече нашей ракеты. Вот уже мелькают в иллюминаторе зелёные поля Подмосковья. Ещё минута, и наш корабль касается выпущенными колёсами бетонной поверхности ракетодрома.

Открывается люк, и мы в объятиях друзей!

Рассказ о необыкновенном путешествии окончен. Но вам, ребята, наверно, не ясно, как далеко увела нас фантазия. Когда же настоящий, а не выдуманный ракетный корабль устремится к Луне?

О полёте на Луну и другие планеты солнечной системы люди мечтали много веков, но только полстолетия назад наука смогла дать ответ на вопрос о том, как это сделать.

К. Э. Циолковский первый предложил воспользоваться для полёта в мировое пространство ракетой. Но, чтобы построить космическую ракету, нужно было решить много трудных научных и технических задач: разработать конструкцию ракеты и её двигателя, найти наилучшее топливо.

В наше время учёные достигли больших успехов в этом направлении. Уже поднимаются с земли ракеты с приборами для изучения атмосферы и с киноаппаратами для съемки земной поверхности с высоты. Такие ракеты побывали уже на высоте 480 километров. Конечно, совсем покинуть нашу планету они ещё не могут. Но той высоты, где воздуха уже нет и где может вращаться искусственный спутник, они достигли. Можно смело сказать, что мы находимся на полпути к межпланетному полёту.

Академик А. Н. Несмеянов сказал недавно: «Наука достигла такого состояния, когда реальна посылка стратоплана на Луну, создание искусственного спутника Земли».

Диво-дивное

РУССКАЯ СКАЗКА

Рисунки И. Кузнецова.

Жил-был в одной деревне мужик, бедный-пребедный. Ребят у него было много, а хлеба мало. Вот раз съели они весь хлеб, ни корочки не осталось. Жена горюет, почернела вся от горя, бедные ребята с голодухи громко кричат, есть просят.

Что делать? Где взять?..

Пошёл мужик на поклон к богатому соседу.

— Так и так, помоги, сосед, в беде! Как справлюсь, немедля отдам. А то прикажи, работать на тебя буду, в долгу не останусь!

А богач и слушать не хочет:

— Мало ли вас, таких голодранцев голодных! Если всем помогать, сам таким же голодранцем станешь. Ступай куда хочешь, а ко мне и дорогу позабудь!

Так и прогнал.

Вернулся мужик домой с пустыми руками. Сел на лавку, стал раздумывать: куда податься?

«Дай-ка,— думает,— пойду в лес, авось, зайца или тетёрку подстрелю».

Взял плохонькое своё ружьишко и пошёл.

Целый день он по кустам да по болотинам бродил. Оборвался весь, уморился, а всё без толку: даже хвостика заячьего за весь день не увидел...

Бродил он так-то, бродил по чаще, да и заблудился.

Вышел на какую-то поляну и услышал шум да крики. Подошёл поближе, пригляделся и увидел большое озеро. А на берегу дерутся черти с лешим. Навалились все на одного, того и гляди, задавят.

Леший к земле пригибается, деревья с корнем выдёргивает да от чертей отбивается. Да никак не может справиться: черти так и наседают, за ноги, за руки его хватают, в озеро тащат.

Посмотрел, посмотрел мужик и думает: «У нас так не полагается!»

Прицелился да как бахнет в чертей из своего дробовика. Черти испугались и о драке забыли, все разом бултых в озеро. Только круги по озеру пошли!

Отдышался леший и говорит:

— Ну, мужик, спасибо тебе за подмогу. Пропал бы я без тебя. Ты зачем, скажи, в такую чащобу забрался?

— Да вот думал хоть зайца или тетёрку подстрелить, да только зря целый день по лесу проходил...

Леший говорит:

— Ты, мужик, не горюй. Я тебе хороший подарок дам.

И повёл его к своей избушке.

— Видишь ты, возле моей избушки гусь бродит? — спрашивает.

— Вижу.

— Ну, так посмотри, что с ним будет. Эй, гусь, поди в избу!

Гусь тотчас в избушку вошёл. Леший достал сковороду и говорит:

— Эй, гусь, ложись на сковородку!

Гусь встряхнулся, пёрышки скинул и улёгся на сковородку. А леший ту сковородку в печь задвинул.

Как изжарился гусь красно да румяно, вынул леший его из печки.

— Ну, теперь есть будем! Смотри только: мясо ешь, а кости на пол не бросай, все в одну кучку собирай!

Вот они сели да вдвоём целого гуся и съели.

Тут леший взял обглоданные гусиные косточки, завернул в лопух, бросил на пол к пёрышкам и молвил:

— Эй, гусь! Ну-ка встань, встрепенись и ступай во двор!

Гусь встал, встрепенулся и пошёл во двор. Словно и в печи никогда не бывал.

— Экое диво-дивное, чудо-чудное! — говорит мужик. — Никогда такого не видывал!

А леший отвечает:

— Получай это диво-дивное в подарок: будет у тебя теперь всякий день жаркое некупленное!

Подал гуся мужику и велел к себе на спину сесть.

Мужик сел на спину лешему, тот его вмиг на опушку вынес.

Вернулся мужик домой с гусем, сам весёлый, довольный:

— Ну, жена! Ну, ребятишки! Недаром я целый день в лесу бродил: принёс я вам диво-дивное, чудо-чудное. Теперь всегда сыты будем!

И показывает им гуся.

Взглянула жена на гуся и вздохнула:

— Ну, этого дива нам только на один ужин и хватит!

Усмехнулся мужик:

— А ты не печалься: может, и на завтра останется! Давай-ка сюда сковородку!

Жена подала, сама не знает, что и думать.

Мужик говорит:

— Эй, гусь, ложись на сковородку!

Гусь встряхнулся, пёрышки скинул и улёгся на сковородку.

— Ставь, жена, сковородку в печь.

Подождал, подождал мужик и говорит:

— Ну, жена, изжарился наш гусь. Вынимай, сейчас есть будем.

Уселись все за стол, стали гуся есть. А мужик косточки бросать не велит, велит в кучку складывать.

Как поели, он завернул кости в полотенце, бросил на пол и молвил:

— Эй, гусь! Ну-ка встань, встрепенись и ступай во двор!

Гусь тотчас встал, встрепенулся как ни в чём не бывало и пошёл во двор.

— Эко диво-дивное! Эко чудо-чудное! — говорит жена.— И всегда у нас так-то будет?

— Всегда!

И стали они с тех пор жить без горя. Как захотят есть, сейчас же:

— Эй, гусь, ложись на сковородку!

А наедятся досыта:

— Эй, гусь, встань, встрепенись да ступай во двор!

Много ли, мало ли времени прошло, проведал о том богатый сосед. Обуяла его жадность.

«Дай,— думает,— проведаю всё, своими глазами посмотрю, да и выманю у них этого чудесного гуська!»

Выбрал он время и пришёл в самый обед к бедному соседу. А о чём говорить, не придумает.

— Здравствуй, сосед!

— Здравствуй.

— Нет ли у тебя деготьку — телегу смазать надо, а свой-то весь вышел!

— Что ты! Откуда у меня дёготь? Ведь у меня ни телеги, ни лошади нету.

— Жаль, жаль,— говорит богатый.— А что это вы едите?

— Гуся едим.

— На базаре, что ли, купил?

— Какой там на базаре! — отвечает бедняк. Да и рассказал без утайки всё, как было.

Выслушал богач и говорит:

— Вот что, сосед, продай ты этого гуська мне. Я тебе две меры ржи дам да целковый, — цена, сам видишь, хорошая!

— Нет, сосед! Лучше и не проси — не продам!

Ушёл богатый ни с чем, а сам думает: «Добром не продал, так возьму!»

Выждал время, высмотрел, как сосед с женой да с ребятами в лес за хворостом ушли, да и утащил у них гуся...

Приказал жене печку истопить, сковородку подать. А сам взял в руки сковородник — приготовился гуся в печку сажать:

— Эй, гусь, ложись на сковородку!

А гусь расхаживает по избе, будто не слышит.

Богач опять:

— Эй, гусь, ложись на сковородку!

Гусь знай себе ходит из угла в угол.

Богач осердился на гуся да стук его сковородником.

Тут сковородник и прилип — одним концом к богачу, а другим — к гусю. Да так плотно прилип, что никак оторвать его нельзя. Богач и так и сяк — никак отлепиться ни от сковородника, ни от гуся не может... Закричал он своей жене:

— Чего же ты, дурёха, стоишь, смотришь?.. Оторви меня от этого проклятого гуся. Видать, он заворожен!

Стала жена отрывать — да и сама в тот же миг прилипла. Принялась она кричать, дочек звать на помощь.

Ухватилась за неё старшая дочка — и сама к ней прилипла.

Потянула старшую сестру младшая — и тоже прилипла к ней...

Тут гусь гакнул и потащил всех из избы во двор, а со двора на улицу.

Идёт гусь прямо к базару, мимо лавок купеческих, сам гогочет во весь голос, крыльями хлопает.

Увидал это толстый купец из своей лавки, захотел богатею помочь. Уцепился за младшую его дочку — и прилип.

— Ой,— кричит,— беда! Ой, караул!

Услыхал крик старшина в волостной управе. Кликнул писаря да рассыльных и бросился к богатею да купцу на подмогу. Тут они все и прилипли один к другому...

Шёл мимо поп, увидел это и кричит:

— Сейчас я вас всех отцеплю!.. Сейчас я вас всех отмолю!

Цоп рассыльного! И сам к нему прилип!

Завопил поп не своим голосом:

— Помогите, православные!

Собрались на крик и старые и малые, смеются, пальцами показывают.

А гусь знай дальше да дальше идёт. Так через всё село и провёл их, а потом обратно поволок.

И богатей, и купец, и старшина, и поп не знают, куда глаза от срама спрятать. Растрепались все.

Привёл гусь всех к мужиковой избе и давай гоготать — хозяина вызывать.

Вышел мужик и говорит:

— Так вон куда мой гусёк запропал! Ну, да хорошо, что не совсем потерялся. Эй, гусь, встрепенись да ступай скорей в избу!

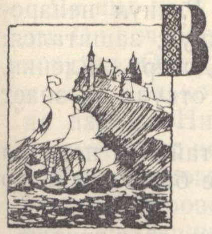
Встрепенулся гусь, всех крыльями в стороны разбросал и пошёл в избу.

А богатей, купец, старшина да поп поскорее по своим домам разбежались, попрятались, не смеют добрым людям на глаза показаться...

Рассказал М. Булатов.

Дед Всевед—твоя правда

ЧЕШСКАЯ СКАЗКА

В Золотой Праге, на улице Алхимиков, жил да был старик со своим сыном добрым Яном. Когда исполнилось Яну восемнадцать лет, отец снарядил корабль, полный товаров, и велел сыну плыть на том корабле по светлой Влтаве, продавать в городах и сёлах блестящие ножи, красный сафьян, яркие сукна.

По небу белое облако плывёт, по волнам белопарусный корабль идёт, идёт через большие и малые реки прямо на синее море.

Поровнялся корабль Яна с пёстрой турецкой галерой, а с галеры той слышатся крики и стоны. Там невольники к скамейкам прикованы; цепями звенят, день и ночь вёслами гребут. Везут их турки в Царьград, продавать в рабство.

Пожалел Ян этих людей, отдал капитану все товары со своего корабля и выкупил невольников. Привёл он их на свой корабль, с каждого цепи снял, каждого расспросил, откуда он родом.

Последней на корабль взошла молодая полонянка, красавица Еленка. Была девушка одета в лохмотья, только на её пальце блестело широкое золотое кольцо. Полюбилась девушка Яну, и она его полюбила.

Причалил корабль к берегу. Былые невольники ушли на свободу, а Ян с Еленкой справили свадьбу. Красавица надела на палец Яна свой золотой перстень и сказала:

— Знай, мой дорогой, я королевская дочь. Гуляла я на берегу, налетели турки, забрали в плен. Нет у тебя ни денег, ни припасов, ни товаров, не дойдёт твой корабль до страны моего отца, но когда-нибудь ты туда всё же доберёшься, и мы станем богатыми и знатными.

С молодой женой поплыл Ян на пустом корабле по морям и рекам и добрался до Праги. Всё честь по чести рассказал он старику-отцу. Разгневался отец, ногами затопал и выгнал из дому Яна вместе с Еленкой. А вдогонку крикнул:

— И твоя жена совсем никакая не королевна, она тебя обманула! У королевен руки нежные, словно гусиный пух, а у Еленки ладони мозолями покрыты!

Стала Еленка объяснять, что руки у неё загрубели от тяжёлой работы в неволе, но старик не стал её слушать и запер двери своего дома.

Тяжело пришлось Яну: никакому ремеслу он не был обучен. Работали Ян с Еленкой с утра до ночи, а жили на чердаке, в голоде и холоде, но не унывали, счастья ждали.

Шёл однажды Ян на вечерней заре по городу и только ступил на влтавский мост, как перед ним появился незнакомый старик в сером плаще.

Улыбнулся седобородый старик и говорит:

— Здравствуй, Ян! Я дед Всевед — твоя правда, я тебе помогу.

Сказал старик эти сло-

ва и растаял, исчез... Ян вернулся на свой чердак, а там — вот так чудо! — его ждёт отец. Сидит он за столом вместе с Еленкой, а на столе пирожки да колбасы, всё это отец принёс.

Обнял отец Яна и говорит:

— Решил я простить тебя, сынок. Опять корабль с товарами снаряжу и пошлю тебя на сине море... Но снаряжу я корабль на последние деньги, дом, и тот заложу... Ты не разоряй меня больше, не раздавай людям нашего добра.

Снарядил отец корабль. А Ян на борту корабля нарисовал портрет своей жены — красавицы Еленки. Поплыл корабль по тихим рекам и по бурному морю.

Загудел на море ветер, разгулялись волны, прибили волны корабль к горному берегу, к шумному городу. Стал Ян на пристани товары продавать и распродал за день почти всё: блестящие ножи, цветные сукна, красный сафьян.

Пришёл и здешний старый король покупать заморское сукно. Глянул ненароком на корабль и вскрикнул, зашатался: увидел портрет своей дочери Еленки. Стал расспрашивать Яна, откуда он знает королевну Еленку.

Ян рассказал всё без утайки и показал обручальный перстень, где было написано имя его милой жены.

Обнял Яна старый король, стал просить, чтоб привёз он из чешской земли в его страну пропавшую дочь Еленку. Одел король-отец Яна в серебряный кафтан и осыпал его дорогими подарками.

Снарядил король ещё один корабль, послал своего первого советника и придворных за королевной Еленкой.

Закипело сердце у первого советника. Он был раньше женихом прекрасной Еленки, сам надеялся корону надеть, и решил он погубить Яна и на королевне жениться.

Долго ли, коротко ли плыли корабли по бурному морю, по тихому Дунаю, по светлой Влтаве, только добрались они наконец до Праги.

Следом за Яном пришли послы в маленький домик на улице Алхимиков, где прекрасная Еленка бельё стирала новорожденному сыну, песенкой его баюкала.

— Вот как ты живёшь, бедная королевна Еленка,— сказал советник.

— Я больше не королевна, но я счастливей всех королевен на свете,— отвечала Еленка.— Ведь я жена моего доброго корабельщика Яна.

Ян отдал отцу деньги за проданные товары, отдал богатые королевские подарки, отдохнул с дороги и поплыл с женой и сыном к старому королю. Королевская свита плыла на другом корабле, только советник остался подле Яна, прикинувшись его другом.

Однажды в тёмную ночь, когда, как огненные змеи, дрожали в воде огни да-

лёких звёзд, изловчился советник и сбросил Яна с палубы в глубокое море.

Только наутро хватились корабельщики своего доброго хозяина и горько заплакали, а всех горше заплакала прекрасная Еленка.

Все думали, что Ян ненароком свалился в море и утонул.

Но Ян не утонул. Белопенные волны подхватили Яна и вынесли на сыпучий песок, на берег необитаемого острова.

И на том острове бежал среди зелёной травы родник-ручей, тонкий, словно серебряная нитка.

Ян пил воду из родника, ел кислые ягоды. Он почернел от солнца, оброс бородой, похудел. Одежда его превратилась в лохмотья. Только золотой перстень блестел на пальце. Никто теперь, кажется, даже родной отец, не узнал бы Яна.

Много, много дней прожил Ян на необитаемом острове, и наконец отчаяние охватило его сердце.

Вот однажды сидит он на берегу, смотрит на синее море, вдруг, глядь-поглядь, по морю великан идёт. Одежда его сверкает, словно горный снег на солнце, белая борода по ветру раздувается.

Подошёл великан к берегу, сказал громовым голосом:

— Здравствуй, Ян! Я дед Всевед — твоя правда, я тебе помогу. Только за это всё имущество, какое у тебя будет, кроме перстня Еленки, ты со мной раздели пополам.

Засмеялся Ян, говорит:

— Да откуда мне имущество взять? А уж если что в руки попадёт, я всё отдам.

Ничего не ответил великан, взял на руки Яна, перенёс его через синее море. Очутился Ян у ворот королевского дворца, под густой тенью старого бука. Распахнулись ворота, и вышла из них красавица Еленка. Рубины блестели в её чёрных косах, сияло её платье, сшитое из самоцветной радуги, но сама Еленка была печальна, как осенний день.

Первый советник в золотом кафтане шёл следом за Еленкой, но королевна на него не глядела, его речей не слушала. Глянула она на оборванного, бородатого нищего и не узнала в нём милого мужа. Не стал Ян при советнике называть себя, а только молча протянул к Еленке руку, и на пальце у него блеснул обручальный перстень.

Отослала Еленка советника во дворец, начала расспрашивать Яна, откуда у него перстень.

Рассказал ей тут Ян всё, как было. Заплакала Еленка от радости, говорит:

— Без тебя я во дворце несчастна, с тобой в хижине счастлива.

Постриг Ян свою бороду, умылся, переоделся и опять стал молодец молодцом.

Поведали Еленка и Ян всё старому королю, и решил король казнить советника. Но Ян заступился за него и сказал:

— Ты, пан король, помилуй советника. Не перед родиной он виноват, а передо мной. Ты его не казни, только выгони его из своей страны, чтоб одним злым человеком стало здесь меньше.

Король так и сделал и сказал Яну при всём народе:

— Любезный зять, ты добрый и справедливый человек, из тебя выйдет хороший правитель. Возьми мою корону, а я отдохну на старости лет.

И в тот же день добрый Ян стал королём. Но едва сел он на трон, как перед ним появился седобородый великан — дед Всевед. Сказал он громовым голосом:

— Помнишь, Ян, ты обещал поровну разделить со мной своё добро? Я пришёл!

Ян очень доволен, что есть ему чем поделиться с хорошим человеком. До последней полушки разделил пополам с дедом своё добро. Улыбнулся дед Всевед:

— Не надо мне, Ян, твоего добра. Я просто испытать тебя хотел.

Обнял Ян великана, отвечает:

— Ну уж нет. Пусть у меня с тобой, с Правдой, всё будет общее.

Рассказала
Надежда Белинович.

Про глупого тигра

ТИБЕТСКАЯ СКАЗКА

В одном лесу жил старый, умный тигр. Когда пришло ему время умирать, он позвал своего сына и спросил:

— Скажи мне: у кого самые большие клыки на свете?

— Конечно, у тигра!

— Правильно. А у кого самые острые когти на лапах?

— Тоже у тигра,— ответил сын.

— И это верно. Ну, а кто быстрее всех бегает и выше всех прыгает?

— Тигр,— не задумываясь, повторил сын.

— Молодец. Теперь ответь мне на последний вопрос: кто всех сильнее?

Засмеялся молодой тигр:

— Сильнее всех тот, у кого самые большие клыки, самые острые когти, кто быстрее всех бегает и выше всех прыгает. Всех сильнее я, тигр!

Вздохнул умирающий тигр:

— Когда-то и я думал, что тигр — самый могучий зверь на земле. Но теперь я знаю, что сильнее всех зверей человек. Слушай же мои слова: бойся человека, прячься от него, никогда не ищи с ним встречи и не вступай с ним в борьбу. Человек сильнее тигра.

Сказал так и умер.

Задумался молодой тигр:

«Ох, и страшные же у человека клыки, если он сильнее тигра! И когти, верно, у него преогромные! Хорошо бы посмотреть на человека хоть издали. Надо только узнать, где он водится».

Подумал так тигр и пошёл искать человека. Ходил, ходил — встретил раз в горах яка.

«Верно, это и есть человек,— подумал тигр.— Только у него совсем нет когтей и клыков не видно. На всякий случай узнаю, не человек ли это».

— Скажи мне, — закричал издали тигр,— ты не человек?

Удивился як:

— Какой же я человек, я як.

— Может быть, ты видел когда-нибудь человека? — спросил тигр, подходя к яку.

— Конечно, видел, и не раз!

— Это правда, что у человека клыки и когти больше, чем у меня?

— Что ты, что ты! Никаких клыков и когтей у человека нет.

Неужели нет? — удивился тигр.— Значит, у него очень сильные лапы, если тигр не может с ним справиться!

— Лапы у него совсем слабые,— сказал опять як.— Человек не может ударом лапы убить даже волка.

— Ты что-то путаешь,— сказал тигр яку.— Мой отец говорил, что человек сильнее всех зверей.

И опять пошёл тигр бродить. Так он бродил, пока не встретил верблюда.

«Ого, какой большой зверь! — подумал тигр.— Это, наверно, и есть человек».

И, на всякий случай спрятавшись в густых зарослях, тигр крикнул верблюду:

— Скажи мне, ты не человек?

— Что ты, что ты! — удивился верблюд.— Я совсем не похож на человека.

— А ты видел человека?

— Мне ли не видеть человека! — воскликнул верблюд. — Десять лет ездит он на моём горбе, и я служу ему днём и ночью во всякую погоду!

— Значит, человек ещё больше тебя? — удивился тигр.

— Нет! — затряс головою верблюд. — Человек совсем маленький. Чтобы посадить его на спину, мне приходится опускаться на передние колени.

— Верно, у него очень толстая шкура, если он не боится клыков и когтей тигра?

— Могу тебе сказать, что из всех зверей у человека самая нежная кожа. Ты не поверишь, он чешется даже от комариного укуса. А от укуса осы у него вскакивает волдырь!

«Как же так? — подумал тигр.— Значит, мой покойный отец сказал мне неправду. Верно, он никогда и не видел человека. Оказывается, человек — совсем не страшный зверь».

И тигр решил во что бы то ни стало найти человека и съесть его.

Долго он бродил по лесам и горам в поисках человека, пока не услышал какой-то странный стук на опушке леса.

«Уж не человек ли это?» — подумал тигр и в один прыжок был на опушке, где дровосек рубил дерево.

«Какой смешной зверь! — подумал тигр.— У него нет ни клыков, ни когтей, он не имеет даже шкуры».

Сделав ещё один прыжок, тигр оказался рядом с человеком.

— Послушай-ка,— сказал тигр,— таких зверей я ещё не встречал. Просто удивительно, что тебя до сих пор не съели в лесу волки или медведи.

— А я не зверь,— сказал дровосек,— поэтому-то меня и не съели.

— Кто же ты такой? — спросил тигр.

— Разве ты не видишь, что я человек?!

— Человек?! — удивился тигр. — Вот ты, оказывается, какой! Да ведь я тебя одним ударом лапы могу убить. А покойный отец тебя боялся. Чудак!

— Значит, твой отец был умный тигр, если он боялся человека.

— А вот мы узнаем сейчас, кто умнее: я или мой отец. Не успеет солнце уйти за гору, как я тебя съем.

— Ах, господин тигр,— сказал дровосек,— прежде чем умереть, я хочу показать тебе, что я умею делать. Посмотри, какое я построил себе логово.

— Показывай, да поскорее! — рявкнул тигр.— Я изрядно проголодался!

Дровосек подошёл к своему сложенному из брёвен жилищу.

— Это что такое? — спросил тигр.

— А это — моё логово,— сказал дровосек.— В нём удобно жить: меня не мочит дождь, я не боюсь жары и снега.

— Ах, вот как! — обрадовался тигр.— Это — твоё логово? Когда тебя съем, я сам поселюсь в нём.

— Но ведь ты не знаешь, как им пользоваться, как открывать и закрывать дверь, — сказал человек. — Давай я тебе покажу.

Дровосек вошёл в дом, закрыл за собою дверь и крикнул в щёлку тигру.

— Попробуй-ка теперь открой!

Тигр ткнул лапой дверь, но дверь была крепкой и не поддавалась.

— Вот видишь,— сказал дровосек,— какое я себе хорошее логово устроил. В нём я не боюсь никого, даже тебя.

Сказал так человек, открыл дверь и вышел из дома.

А тигр подумал: «Совсем глупый зверь—человек. Ведь он мог спастись от меня в своём логове, а он и не догадался».

— Не хочешь ли посмотреть, как хорошо у меня в логове? — спросил дровосек.

— Интересно посмотреть! — крикнул тигр и одним прыжком влетел в дом.

И только он оказался внутри дома, как дровосек захлопнул дверь, подпёр её толстым колом и пошёл не спеша опять на опушку рубить деревья.

— Эй,— закричал тигр,— выпусти меня сейчас же! Солнце уже скрывается за гору, а я всё ещё тебя не съел.

— И не съешь,— сказал дровосек. — Потому что побеждает тот, кто умнее. Прощай, глупый тигр. Твой отец был куда разумнее тебя.

А на другой день дровосек пришёл с ружьём к своему дому, застрелил тигра и сделал из его шкуры чучело.

Рассказал Н. Ходза.

Заслуженный мастер спорта Владимир Казанцев берёт барьер.

УПОРСТВО

Александр Петров

Спортсмены и тренеры, любители спорта и спортивные судьи всех стран пришли в полное недоумение, когда им стало известно, что в беге на три тысячи метров с препятствиями показан новый результат, который далеко превосходит все прежние. Многие пожимали плечами и отказывались верить.

Бег на три тысячи метров с препятствиями — одно из самых трудных спортивных состязаний. Мало того, что его участники должны пробежать такую дистанцию, которая сама по себе требует большого напряжения всех сил, им ещё приходится преодолеть тридцать пять барьеров, и за семью из них расположены широкие ямы с водой. Это так трудно, что проходят годы, а иногда и добрый десяток лет, пока кто-нибудь из бегунов выгадает на этой дистанции хоть несколько десятых долей секунды.

Двадцать лет назад предельная скорость, достигнутая на таких состязаниях, была 9 минут 3,8 секунды. Все специалисты и знатоки спорта считали, что тот, кто преодолеет эти секунды и пробежит дистанцию за 9 минут, достигнет предела человеческих возможностей. И когда в 1944 году швед Эльмсетер пробежал её ещё быстрее — за 8 минут 59,6 секунды, это сочли почти чудом.

Вот почему любители спорта во всём мире пришли в изумление, когда узнали, что в Москве, на стадионе «Динамо», советский спортсмен Владимир Казанцев пробежал дистанцию за 8 минут 49,8 секунды — без малого на 10 секунд быстрее Эльмсетера.

Нашлись буржуазные газеты, которые довольно прозрачно намекали своим читателям, что здесь что-то не так и что на международных состязаниях Казанцеву вряд ли удастся превзойти результат Эльмсетера.

Казанцев знал об этом. Он твёрдо решил опровергнуть болтовню и снова показать, что девять минут совсем не предел, что его победа не случайность.

Казанцев мечтал о рекорде с того самого дня, когда всерьёз стал заниматься спортом. И это естественно — такое желание раньше или позже приходит ко всем, кто занимается спортом. Стремление к рекорду — это стремление преодолеть преграду и расчистить путь для других спортсменов. Тот, кто ставит рекорд, как бы говорит остальным: «Вы видите? Это исполнимо. Если я смог, сможете и вы». И действи-

тельно, так обычно бывает: рекордный результат вскоре перестаёт быть рекордным, его повторяют многие.

Но удастся ли Казанцеву повторить самого себя? Случается ведь и так, что спортсмен установит настолько высокий рекорд, что и сам подтвердить его не в состоянии.

Ближайшие состязания — международные студенческие игры — начинались через месяц в Берлине. Вместе с другими советскими студентами выехал в Берлин и студент Московского педагогического института Владимир Казанцев.

...Все спортсмены волнуются перед состязаниями. Казанцев даже привык к этому; он опытный спортсмен, не раз добивался почётного звания чемпиона Советского Союза, не первый раз участвует и в международных состязаниях. Но перед состязаниями в Берлине Казанцев волновался как никогда. Особенно тяжёлыми были последние часы перед стартом. Хуже всего было то, что задолго до отъезда на стадион он вдруг почувствовал тот подъём, тот необычайный прилив сил, который всегда наступает у настоящих спортсменов в самые последние минуты перед стартом. На старте этот подъём мог смениться безразличием, упадком, вялостью. Чтобы справиться с этим возбуждением, Казанцев вышел в парк и побежал по аллее. И тотчас почувствовал спокойствие и радость, которые всегда появлялись у него во время бега. Бег давал ему и ощущение своих сил и ощущение власти над своими мускулами — то, что спортсмены обычно называют «мышечной радостью»...

На стадионе перед самым стартом Казанцев попробовал взять барьер. Прыжок получился лёгким,— значит, всё в порядке...

По команде судьи Владимир Казанцев вместе с другими бегунами подошёл к линии старта.

Стартёр поднял пистолет...

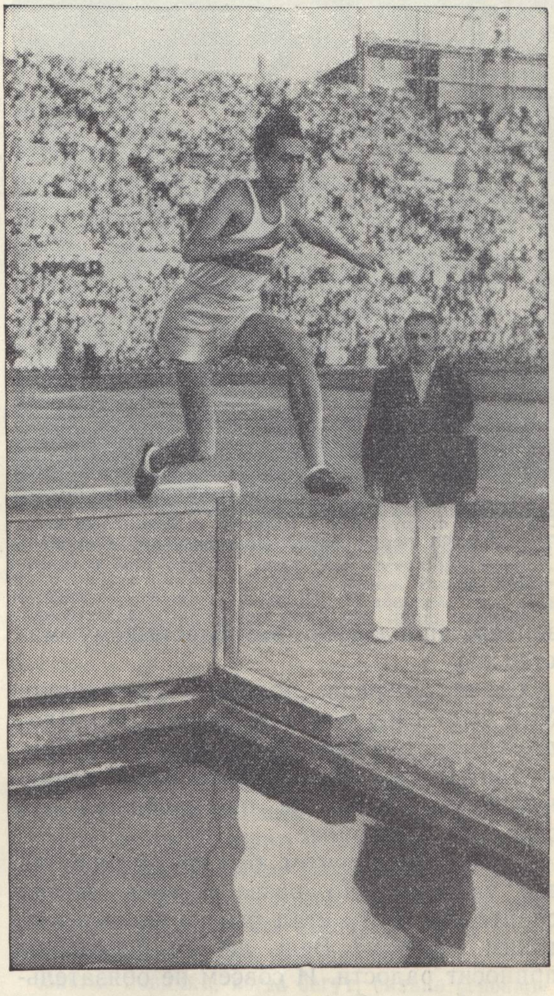
С другого конца стадиона за дулом пистолета внимательно наблюдают сидящие на вышке секундометристы. Увидев голубой дымок, они сразу же, не дожидаясь, пока к ним долетит звук выстрела, пустят свои секундомеры.

Сухой хлопок пистолета. Старт дан! Владимир легко опережает всю группу бегунов и быстро уходит от них вперёд. Он значительно сильнее этих спортсменов, и состязаться сегодня он будет только с одним «противником» — с самим собой, с Владимиром Казанцевым, установившим на стадионе «Динамо» новое мировое достижение.

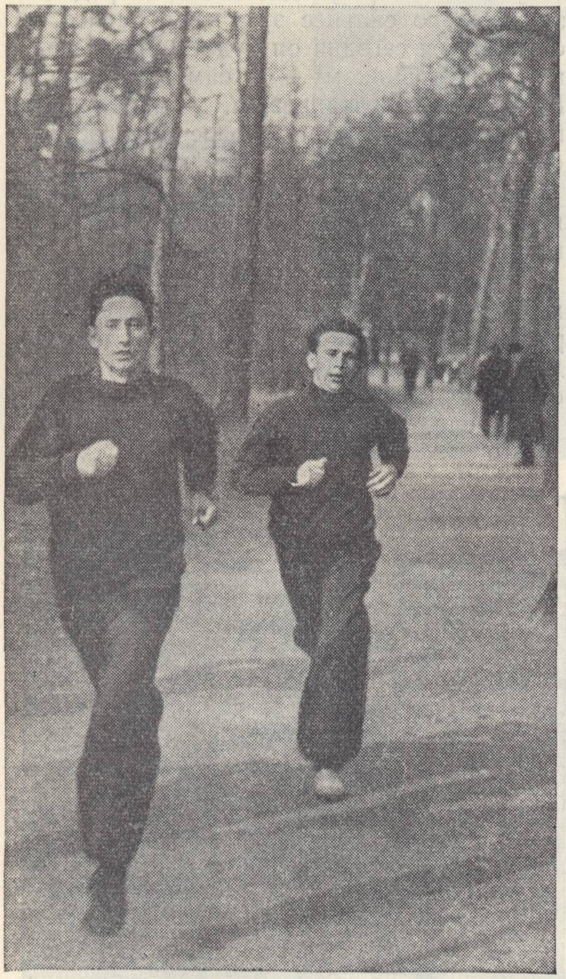
Владимир идёт широким, свободным шагом. Барьер! Не замедляя темпа, он перелетает через препятствие.

Казанцев не опирается о барьер ногой, как делают другие бегуны, поэтому выигрывает на каждом препятствии десятые доли секунды. В сумме это даёт ему целые секунды выигрыша.

Зрители, мимо которых пробегает Ка-

Рекордный забег Владимира Казанцева на стадионе «Динамо». Казанцев преодолевает самое трудное на дистанции препятствие — ров с водой.

Советские спортсмены в Париже, в Булонском лесу, тренируются перед международными состязаниями.

занцев, аплодируют его блестящему мастерству.

Позади первая половина дистанции. Уже даёт себя знать усталость. Но Владимир не снижает скорости бега. Движения его так стремительны и так непринуждённы, будто не он пробежал это огромное расстояние.

С каждым кругом бежать становится всё тяжелее. Но разве бывает лёгкий спорт? Да и кто стал бы им заниматься, таким спортом? Ведь лёгкая победа не приносит радости. И совсем не обязательно, чтобы это было торжество над соперниками: победа драгоценна и тогда, когда ты просто превзошёл себя, бежал быстрее, прыгал выше, чем мог вчера...

Судья показывает дощечку с цифрой «3». Значит, осталось ещё три круга. Тяжело или не тяжело, а выдержать надо. Недаром все бегуны мира говорят про бег на средние и большие дистанции: «терпеть полторы тысячи», «терпеть десять тысяч». Чтобы выдержать такой бег, нужно длительное напряжение воли.

Гонг! Седьмой, последний круг.

«Выдержать, выдержать,— думает Казанцев, — не сбавить темпа!»

И, видя его великолепное упорство, стадион неистово аплодирует.

Сейчас будет яма — в последний, седьмой раз... Сил на то, чтобы перескочить яму как следует, на этот раз не хватает. Весь забрызганный водой, Владимир бежит дальше. Дышать очень тяжело, не хватает воздуха. Движения затруднены.

Вот и финишная прямая... ещё сто метров... Последнее усилие, и он грудью бросается на ленточку...

Трибуны гремят аплодисментами. Зрители вскакивают, кричат... Казанцев повторил свой результат!

КАК БЕГАТЬ КРОСС

Замечали вы, ребята, что тренировка в лесу кажется всегда гораздо легче, чем на беговой дорожке стадиона? Пробежишь иногда в кроссе большее расстояние, с большим количеством препятствий, а устанешь меньше. И это не только потому, что в лесу чище воздух, но и потому, что когда бежишь на стадионе один круг за другим, то перед глазами мелькают всё те же трибуны и та же дорожка... Утомительное однообразие!

А в лесу каждый шаг открывает новую картину, препятствия там разнообразны, они возникают неожиданно, и, чтобы преодолеть их, нужно принимать решения мгновенно.

Кроссы — очень интересная и очень полезная тренировка. Недаром все спортсмены бегают кроссы, независимо от того, каким видом спорта они увлекаются — лыжами или боксом, греблей или лёгкой атлетикой.

Очень советую и вам, дорогие читатели, обязательно участвовать в кроссах. А для того, чтобы

они принесли вам настоящую пользу, учитесь бегать правильно.

Прежде всего научитесь верно ставить ногу. Большинство людей когда бежит, то ставит ногу, как при ходьбе, — сперва на пятку, а потом уже на носок. Наверное, так делаете и вы, особенно когда не очень торопитесь или бежите на большое расстояние. Ну, а когда вам нужно очень быстро поспеть куда-нибудь? Вы, конечно, бежите на носках. Именно так и надо бегать — ставить ногу с носка.

Было такое время, когда мне никак не удавалось улучшить свои результаты в беге. Я бился два года — ничего не получалось. Казалось, я достиг своего предела. Очень было обидно, хотелось даже бросить бег. Но спорт мне очень нравился, и я продолжал доискиваться, в чём же дело, почему не ладится. Я присматривался к другим бегунам, анализировал каждое своё движение, пробовал менять стиль. Однажды один из наших старейших и наиболее опытных бегунов, Николай Николаевич Денисов, подошёл ко мне на тренировке и сказал, что я бегаю совсем неверно: нельзя бегать, ставя ногу с пятки на носок. Толчок ведь делаешь носком, а предшествующий этому удар пяткой очень тормозит бег. Денисов стал моим тренером и научил меня бегать правильно. Переучиваться было на первых порах довольно трудно: очень болели мышцы, непривычные к такой работе. Зато толчок действительно усилился, а это позволило делать более широкий шаг, что очень важно для бегуна. Вскоре мои результаты сильно улучшились.

Обязательно учитесь так бегать. Только помните: чтобы шаг получался широким, ногу после толчка обязательно нужно разгибать до конца, а толчок делать очень коротким и резким. Чем резче, чем быстрее сокращаются мышцы ноги, тем сильнее толчок и, значит, шире шаг.

Я думаю, если вы будете на тренировках внимательно следить за своими движениями, то правильно отталкиваться вы научитесь довольно скоро. Труднее вам будет научиться отдыхать во время бега.

Но прежде, чем говорить об отдыхе, давайте посмотрим, чем отличаются движения бегущего человека от движений человека при ходьбе.

Как человек бегает? Оттолкнулся ногой — и летит над землёй; приземляется, тотчас снова отталкивается — и опять летит. Во время полёта обе ноги человека в воздухе. Этим-то и отличается бег от ходьбы. Момент полёта надо использовать для отдыха: расслабить мышцы, дать отдохнуть им. Если вы не сделаете этого, то

На этой фотографии ясно видно, как нужно и как нельзя в беге ставить ногу. Два отставших спортсмена ставят ногу с пятки на носок. Иначе бежит первый спортсмен — Владимир Казанцев. Он ещё в фазе полёта, но носок ноги уже начал опускаться, сейчас спортсмен встанет на носок.

мышцы устанут очень быстро. Успех в лёгкой атлетике зависит именно от умения мгновенно сокращать и мгновенно расслаблять мышцы, поэтому у хорошего спортсмена движения всегда легки и непринуждённы. А новичка всегда узнаешь по его старанию и напряжению в каждом движении. От этого напряжения он бежит ещё хуже и медленнее. Я замечал даже, что если во время бега напрягать мышцы лица, то и это незначительное усилие тормозит бег.

Многие новички, когда бегут, сильно сгибаются, стараются сжаться в комок. Это тоже неестественная, напряжённая поза. Кроме того при та-

ком положении тела лёгкие бегуна сдавлены и дыхание затруднено. Старайтесь держать корпус прямо: плечи расправить, голову не опускать и не мотать ею из стороны в сторону.

Учитесь бегать непринуждённо, так, чтобы все движения стали автоматическими, чтобы вам не приходилось думать о них.

Для первых тренировок выбирайте небольшие дистанции, для девочек — метров 500, для мальчиков — 1 000.

Постепенно, через три — четыре занятия, увеличивайте дистанцию. Мальчики могут пробегать до 1 500—2 000 метров, а девочки — 700 — 1 000. Пробегайте их в спокойном темпе. Но не бегите всё время с одной скоростью. Ведь на состязаниях вам придётся то резко усиливать скорость, вырываясь вперёд, то замедлять темп. Нужно быть готовым ко всем неожиданностям, суметь принять любой темп своих противников и не только не «отпускать» их, как говорят спортсмены, но и обгонять, обгонять как раз тогда, когда они меньше всего этого ожидают. Поэтому на тренировках обязательно чередуйте спокойный бег с ускоренным, с резкими, быстрыми рывками. На километровой дистанции вы можете делать два — три рывка, пробегая быстро метров 100—200.

Перед кроссом устраивайте небольшую «разминку», пробегите совсем медленно небольшое расстояние: девочки — метров 200—300, мальчики — 300—500; после этого сделайте несколько гимнастических упражнений.

Устраивайте кроссы на пересечённой местности с самыми неожиданными препятствиями.

Советую вам тренироваться не в одиночестве, а группой в несколько человек, лучше всего звеном. Коллективная тренировка и интереснее и полезнее: можно устроить предварительные состязания, можно проследить, кто из вас в чём ошибается.

В заключение, дорогие ребята, мне хочется пожелать вам больших успехов в спорте.

Заслуженный мастер спорта
В. Казанцев

Книга о юных футболистах

Картинки, которые вы здесь видите, взяты нами из стенной газеты футбольной команды одного двора. Эта газета называется «В нашу пользу» и состоит из самых различных рисунков: тут и карикатуры и рисунки, которые показывают, как нужно правильно играть в футбол. Посмотрите, например, на рисунки, которые помещены здесь. Они изображают прыжок вратаря, когда тот берёт мяч, летящий на высоте груди.

Эта газета помещена в приложении к книге «Тройка без тройки». Авторы этой книги — Вс. Другов и заслуженный мастер спорта футболист Мих. Товаровский. Юным футболистам особенно интересно прочесть «Тройку без тройки». Они узнают много полезного о том, как надо создавать команду, как научиться играть, каким должен быть инвентарь футболиста... Однако не подумайте, что эта книга — сборник инструкций. Нет, это весёлая повесть о жизни ребят одного двора, о том, как была создана хорошая команда, о ссорах, о дружбе, о зазнайстве, о помощи, об удачах и неудачах юных футболистов.

Напишите нам, ребята, понравилась ли вам эта повесть и какие ещё книги о спортсменах вы хотели бы получить от писателей.

А. Красильщиков

НЕЛЬЗЯ ДЕРЖАТЬ ПРОТИВНИКА РУКОЙ

— Свисток! Штрафной удар!!

ЗАГАДОЧНАЯ, НО ЧАСТАЯ КАРТИНКА

ВЕСНА. Фотоэтюд Т. М а я т.

КОГДА КОНЧАЕТСЯ ВЕСНА

Ник. Попов

Зелёной дымкой молодых листочков оделись деревья. Птицы в лесу запели весенние песни, утихли ручейки, и уже где-то за лесной далью сердито громыхнула первая гроза.

— Вот и прошла весна! — сказал кто-то из ребят, собравшихся в предвечерний час возле небольшой, но весёлой и чистой избушки, примостившейся в конце тихой улочки на краю села.

— А вот и нет! — ответил хозяин дома, старый охотник дед Пахом, и весёлые морщинки побежали по его лицу.

Ребята вопросительно переглянулись.

Но дед молчал и только чуть-чуть прищурил глаза, скрывая лукавую улыбку в густой седоватой бороде.

— Как же не прошла, если картошку уже посадили и соловьи в садах давно щёлкают, — возразил Толя, сын бригадира полеводческой бригады.— Вчера я сам слышал, как отец говорил: «Картошку посадили — с весной рассчитались».

— Верно, с картошкой толково разделались,— согласился дед Пахом,— а весна всё-таки не прошла.

— Почему это? — спросили ребята.

— А вы сами подумайте, приглядитесь. Может, догадаетесь.

— А завтра пройдёт весна? — опять спросил Толя.

— Может, пройдёт,— серьёзно ответил дед Пахом.

Однако ребята приняли его слова за шутку и рассмеялись.

— Зря смеётесь! — строго сказал дед Пахом. — Лучше приходите завтра в эту пору. Вот и обсудим: прошла весна или нет.

Ребята любили под вечер посидеть на завалинке у избы деда Пахома и послушать рассказы старого охотника. Много интересного о родной природе узнали они от него. Потому-то на следующий день все дружно собрались и, конечно, первым делом спросили деда, прошла ли весна.

— А как вы думаете? — в свою очередь, задал вопрос дед Пахом.

— Прошла! — ответил кто-то.— Потому, что вода в реке посветлела и даже стрижи прилетели.

— Нет, милые, не прошла ещё весна,— ответил дед Пахом. — Придётся, видно, подождать до завтра...

На следующий день в то же время ребята снова пришли к избе деда Пахома.

— Ну, как...— начал было дед Пахом, но ребята перебили его.

— Не прошла, не прошла ещё!

— Гм, — усмехнулся дед Пахом, — как раз и прошла!

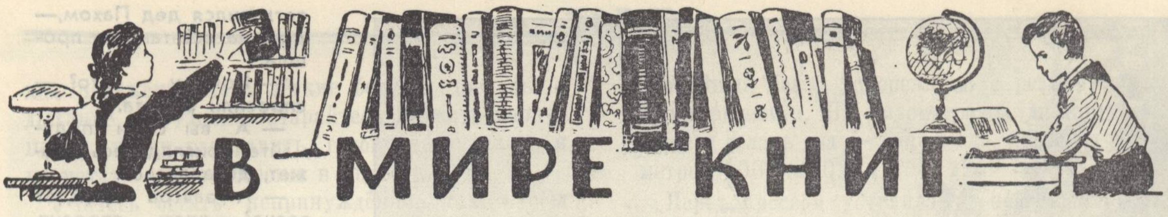
Ребята с удивлением уставились на деда.

— Гляньте-ка вон туда,— показал дед Пахом на противоположный берег реки, где к самой воде спускались высокие берёзы и осины.

Там, в густой зелени, мелькала яркожёлтая с чёрными крыльями птица.

— Иволга! — в один голос крикнули ребята.

— Она самая! — подтвердил дед Пахом.— Сегодня утром объявилась. Она последней из птиц возвращается домой, потому что дальше всех улетает на зиму. Слыхал я от одного учёного человека, что зимует она в Индии... Небось, знаете, где это? Вот и запомните: вернулась иволга — значит, все в сборе, кончился прилёт птиц, а стало быть, и весне пришёл конец!

ПИСАТЕЛИ РАССКАЗЫВАЮТ

Л. А. Кассиль.

Смешное и серьезное

— Ну, что же вам прочесть? — спрашиваешь часто у ребят во время выступления где-нибудь в школе, в доме пионеров или в лагере.

И в ответ обычно слышишь:

— Что-нибудь посмешнее... Весёлое.

Это вполне понятно. Ребята у нас растут весёлые, умеют ценить шутку. Они сами мастера похохотать... И от писателя ждут слова весёлого, звонкого, радостного. А весёлых, смешных книг у нас за последнее время выпущено маловато. Чувствую тут и я себя в долгу перед читателями. Конечно, писать книги только лишь для того, чтобы рассмешить читателя, вряд ли стоит. Иной раз важнее, чтоб читатель сердито нахмурил брови, вздохнул с печалью или задумался всерьёз... В жизни ведь бывают и невесёлые дела. А книга должна говорить правду. Впрочем, и шутка только тогда хороша и метка, когда бьёт в цель, то есть не уходит в сторону от правды.

Хочется мне сейчас дописать давно уже задуманную книжку, откровенно весёлую, смешную, полную занятных комических неожиданностей. Это будет спортивная приключенческая повесть о наших молодых лыжниках, о снежном вихре, гуляющем на просторе, о дружбе, которая крепче мороза, о забавных происшествиях, которые, быть может, позволят рассказать смешно, весело, почти в шутку о делах довольно серьёзных... Называться повесть будет «Хрустальный Кубок». И больше пока я ничего о ней не скажу, так как не хочу заранее раскрывать кое-какие секреты, которые до поры до времени пусть останутся в повести неразгаданными.

Попутно буду продолжать работу над начатой в прошлом году новой повестью о школе, вырастившей в своё время Родине одного из доблестных героев, но с годами из-за равнодушия отсталых людей утратившей свою славу, переставшей заботиться о своём добром имени. О борьбе пионеров за честь школы, за подлинную её славу, о высокой и прекрасной ответственности, которую несёт перед всем миром каждый, кто облечён гордым званием гражданина Страны Советов, будь то взрослый человек или школьник, — вот о чём хочется мне рассказать в этой книге. Должно быть, назову её «Краса и слава», а вернее всего — «Честь и слава». А эпиграфом для своей новой повести я взял слова девиза, который нашёл на одном старинном русском гербе: «Не слыть, а быть».

Лев Кассиль

Стихи о пионерах

Взволнованно и поэтично рассказывает Яков Аким в своей книге «Всегда готовы!» о пионерской романтике, о пионерской гордости и чести, об увлекательных и интересных пионерских делах.

Вот перед нами проходит судьба девочки-пионерки Клавы Шульгиной из тихого приморского городка. Она учится в школе, сдаёт экзамены, играет в драмкружке. Но пришла война. Враги сожгли её дом и школу. И девушка, бывшая пионерка, теперь уже комсомолка, отправляется на фронт. Она проходит тяжёлый, героический путь до Берлина. Под самым Берлином оборвалась жизнь славной девушки-санитарки Клавы Шульгиной, которая погибла за Родину, за свой народ.

...Спокойны летом вечера
У солнечного моря.
Сидел отряд вокруг костра
На пионерском сборе.
Мы говорили дотемна
Про битвы в дальних странах,
Где подняла в поход война
Героев безымянных.

И вот, когда отрядный строй
Равненье взял на знамя,
Я вспомнил девочку

С косой,
С хорошими глазами.
И я подумал, как чисты,
Прекрасны и суровы
Слова присяги и мечты,
Салют:
«Всегда готовы!»

В книге много и других хороших стихов. Среди них хочется назвать стихотворение о советском мальчике-скрипаче, который приехал в одну из стран народной демократии и исполняет там «широкую песню о гордой России». Стихотворение это называется «Мальчик со скрипкой».

Тепло, задорно и весело пишет поэт и о юных уржумских мичуринцах, и о лагерной стенгазете, в которой пробрали нарушителя порядка Володю Овечкина, и о пионерах, поставивших для малышей пьесу про волка и лису, и о ребячьем оркестре, таком весёлом, что даже птицы мечтают:

«Вот бы научиться
Музыке такой!»

Стихи Якова Акима вызывают хорошие мысли и чувства. Книга «Всегда готовы!» с интересом прочтётся ребятами.

Валентин Глущенко

Повесть о чудесном докторе

Знаете ли вы, как моет руки хирург перед операцией? Можно поспорить, что не знаете, хотя каждый из вас моет их и по утрам, и перед едой, и просто так, когда запачкаются.

Попробовали бы вы такими, вымытыми обычным способом, руками прикоснуться к одному из блестящих полированных инструментов в операционной! Врача и сестёр это привело бы в ужас.

Нет, хирург моет руки не так, как все. Он моет их от пятнадцати минут до получаса, в зависимости от способа мытья, который применяет. А их много. Например: он намыливает руки несколько раз и после каждого раза добрых десять минут трёт щёткой сверху, ладони, между пальцами, под ногтями, смывая мыло горячей водой. А потом ещё протирает спиртом, потому что самая чистая вода из крана недостаточна чиста для рук, которым придётся брать обеззараженные инструменты и проникать ими внутрь человеческого тела.

Теперь хирург уже не прикасается ни к чему, кроме инструментов. Сестра подаёт их ему пинцетом, хотя и у неё и у ассистентов руки вымыты так же тщательно.

И вот операция началась. Но больной не слышит боли, потому что его усыпили эфиром или хлороформом или с помощью укола сделали нечувствительным оперируемое место.

После операции проходит неделя, две — швы зажили, человек здоров и возвращается домой.

Не всегда так было. Всего сто лет назад самые простые операции, искусно и точно сделанные, сплошь и рядом кончались смертью больного от гангрены или от заражения крови. В то время ничего не знали о невидимых убийцах-микробах и не соблюдали правил обеззараживания инструментов, повязок, рук хирурга.

А бывало и так, что больной умирал прямо во время операции, не выдержав невыносимой боли. В то время не применяли ни наркоза, ни других способов обезболивания.

И выходило, что операция убивала человека вместо того, чтобы спасти его. Всё это изменил «чудесный доктор», великий русский хирург Николай Иванович Пирогов.

Пирогов — отец современной хирургии. Он первый заподозрил, что существуют какие-то невидимые переносчики и возбудители болезней, и задолго до того, как было доказано, что это микробы, начал с ними борьбу с помощью чистоты и обеззараживания при операциях. Он первый придумал усыплять больных эфиром, чтобы спасти их от боли. Он первый применил гипсовые повязки при переломах.

О том, как рос, учился в школе и в университете, как делал свои замечательные открытия, как сам подвергал себя опытам чудесный доктор, вы прочтёте в выпущенной Детгизом книге Б. Могилевского «Жизнь Пирогова».

Вы узнаете из этой книги, какой замечательный человек был Николай Иванович Пирогов, как мужественно стоял он всегда за правду, как спасал жизнь тысячам людей, как совершал подвиги на войне, во время Севастопольской обороны. Прочитав книгу, вы обязательно полюбите чудесного доктора, и он станет одним из ваших любимых героев.

Е. Рубцова

В лесах Подмосковья и в песках Туркменистана

Сборник рассказов В. Архангельского «У заветного камня» — это книга о нашей стране, о широте её просторов, о людях, преобразующих природу.

Много интересного находит читатель в этих рассказах. Мы узнаём о ребятах, изучающих родной край, о заповеднике возле города Серпухова, где разводят редчайших животных — зубров, — о том, как попали к нам в Подмосковье дальневосточные енотовидные собаки. Одного из щенков енотовидной собаки и поймали в дни каникул ребята — герои рассказа «Рыжик».

Большой любовью автора к родной природе и животным наполнены рассказы «Лилина ошибка», «Дымка», «Счастливый малыш».

В своей книге В. Архангельский пишет не только о том, как изучают родной край. Так, например, в рассказе «Лакированная коробочка» мы знакомимся с работой сельских мастеров-живописцев. И здесь тоже писатель возвращается к своей любимой теме — к рассказу о работе ребят.

Второй раздел книги — «Туркменские встречи» — уводит нас из полей и лесов Подмосковья в пески далёкой знойной пустыни, где весною цветут тюльпаны и маки, а летом с утра до вечера палит горячее солнце и редко упадёт на землю капля дождя. Автор знакомит нас с своеобразной природой Туркменистана, с животными, населяющими пустыню, с охотой на них, а главное, с тем, как живут и работают в этих краях наши советские люди. Перед нами проходят чабаны, стерегущие тысячные стада овец, мастера-художники, умеющие запечатлеть богатую историю и счастливую жизнь своего края в чудесных коврах, смелые охотники, школьники.

С особым волнением читаешь рассказ о том, как старый Ибрагим Юсупов отправляется на своём ишаке за много десятков километров в новый город, только что построенный среди бескрайних песков пустыни. Там, в этом городе, который называется Тахиа-Таш, учится на курсах его дочь. И друг Ибрагима Мамед Ильмурадов тоже спешит в город. Там работает каменщиком его сын. Он строит здание первой в этом новом городе телефонной станции, которая вот-вот наладит связь с Москвой.

Пришла в пески далёкой Туркмении новая, светлая жизнь, и поэтому так радуется сердце старого Ибрагима. Рассказ «Радость старого Ибрагима» завершает книгу.

Книга В. Архангельского «У заветного камня» вышла недавно в Детгизе.

Г. Скребицкий

Н. Гарин и его книги

Шестьдесят лет тому назад среди литераторов Петербурга ходила по рукам рукопись «Несколько лет в деревне».

К. М. Станюкович, известный тогда писатель, настолько заинтересовался автором, что решил поехать в Самарскую губернию и разыскать его.

Станюковича встретил уже немолодой человек, инженер путей сообщения. Это был Николай Георгиевич Михайловский. Он только что кончил постройку Уфимско-Златоустовской железной дороги. Трое суток прогостил Станюкович в усадьбе Михайловского. Хозяин прочёл писателю только что законченный отрывок из задуманной им семейной хроники. Станюкович пришёл в восторг от повести и сказал автору, что он настоящий писатель, большой и оригинальный талант.

Эта встреча решила судьбу Н. Г. Михайловского. Он стал писателем.

В 1892 году в журнале «Русское богатство» была напечатана повесть, начало которой слушал Станюкович. Называлась эта повесть «Детство Тёмы».

Под «Детством Тёмы» стояла подпись «Н. Гарин», псевдоним, который избрал себе писатель.

«Детство Тёмы» вскоре стало любимой детской книгой и до сих пор входит в золотой фонд литературы для детей.

В русской литературе есть хорошие книги о семье и школе. Вы, наверно, читали «Детские годы Багрова внука» С. Т. Аксакова, «Детство и отрочество» Л. Н. Толстого, «Историю моего современника» В. Г. Короленко, «Детство» Максима Горького. «Детство Тё-

мы» Н. Гарина стоит в одном ряду с этими чудесными повестями.

Автор рассказывает о детстве Тёмы Карташова, мальчика из дворянской семьи.

Гарин показал мертвящее влияние царской казённой гимназии. С десяти лет отдали Тёму в эту гимназию, где всё основано на палочной дисциплине. Мать Тёмы справедливо бросает в лицо одному из педагогов:

— ...Ваша гимназия мне напоминает суд, в котором есть и председатель, и прокурор, и постоянный подсудимый, и только нет защитника этого маленького и, потому что маленького,— особенно нуждающегося в защитнике подсудимого...

Н. Гарин выступил в литературе защитником русских детей и обвинителем всей системы казённого воспитания и образования в старой России.

Большой теплотой и любовью к человеку, к народу проникнуты произведения Гарина.

Гарин много ездил. В 1898 году он отправился в кругосветное путешествие через Сибирь и Дальний Восток. Во время путешествия Гарин пишет путевые очерки, в том числе очерки о Корее, полные уважения к корейскому народу. Он полюбил этот мирный народ, с интересом изучал его большую и древнюю культуру, его нравы и обычаи.

Русский писатель заинтересовался корейским фольклором, он разыскивал лучших сказочников и записывал сказки тут же через переводчика. В своей книге о путешествии по Корее Н. Гарин рассказывает, как записывались сказки:

«Вечер. Глухо шумит осенний ветер, шелестя сухой крышей фанзы. Тускло горит длинная, параллельно полу воткнутая, корейская свечка. Несколько человек корейцев сидят на пороге.

— Они спрашивают: чем дарить им высоких гостей?

— Скажите, мы никаких подарков, кроме их сказок, не принимаем. Если хозяин хочет доставить своим гостям удовольствие, пусть он расскажет сказку.

Хозяин переглядывается с женой и смеётся.

— Какие мы знаем сказки? Наши сказки простые.

— Их нам и надо».

Во время этого путешествия Гарин записал много сказок, и в 1904 году шестьдесят четыре из них он включил в свой сборник «Корейские сказки».

Многие из этих сказок коротки, просты и говорят о вещах, понятных детям всего мира, — о дружбе, о любви к отцу и матери, о стремлении к знанию. Они рассказывают о трудовом корейском народе, о его мечтах, о его быте и жизни. Сказки эти выходили отдельной книжкой, лучшие из них входят в сборники сказок — «Лукоморье» и «Корейские народные сказки», вышедшие недавно в Детгизе.

И. Халтурин

«Красный галстук»

Журнал пионеров Румынской Народной Республики

Два раза в месяц, 1-го и 15-го числа, в любую погоду пионеры Бухареста спешат к газетным киоскам. То же самое происходит по всей стране, потому что в эти дни выходит журнал пионеров и школьников Румынской Народной Республики «Красный галстук». Румынские пионеры с большой любовью читают свой журнал, в котором находят много интересного и полезного.

Сядем и мы, друзья, вокруг стола и полистаем некоторые номера этого журнала.

Вот, например, о чём говорится в рассказе «Товарищ Мойсе». Его написал замечательный румынский писатель Михаил Садовяну, которого хорошо знаете и вы, советские пионеры, по русским переводам его рассказов, недавно вышедших в Детгизе. В рассказе «Товарищ Мойсе» М. Садовяну говорит о том, как у источника в Карпатах он встретился с обо-

рванным смуглым мальчиком, появившимся неизвестно откуда в этом месте. Это был Мойсе — мальчик из бедной семьи корзинщиков. В прошлом, при буржуазно-помещичьем режиме, такие дети, как Мойсе, часто вынуждены были нищенствовать. Сейчас, когда на Карпаты пришла новая, светлая жизнь, совсем другие «заботы», другие мысли волнуют этого босого мальчугана. «Кончу школу,— говорит он,— и стану инженером. Сначала я думал стать лётчиком... но мама огорчилась и сказала, что я погибну, а она останется одна... Я стану инженером». Пройдут годы, и мечта Мойсе исполнится. Ведь теперь самые смелые мечты наших детей могут осуществляться.

Кроме лучших наших прозаиков, в «Красном галстуке» сотрудничают и многие видные поэты. Их стихи полны любви к Родине, к своему народу, к нашему великому другу и освободителю — Советскому Союзу.

Раскроем ещё один номер журнала. На обложке его нарисованы два пионера со своим дедушкой; они собирают груши с де-

рева, гнущегося под тяжестью плодов. Это октябрьский номер 1953 года. Тысячи румынских пионеров подолгу внимательно читали седьмую страницу этого журнала. На этой странице напечатана статья «Мои товарищи», написанная Василием Левашовым, одним из оставшихся в живых членов «Молодой Гвардии».

Героическая борьба комсомольцев Краснодона хорошо известна румынским пионерам и всегда служит для них примером. Из этой статьи они узнали, где ныне работает Радик Юркин, самый младший член комсомольской подпольной организации «Молодая Гвардия». Он морской лётчик. Узнали они и о судьбе других оставшихся в живых молодогвардейцев.

В том же номере юные читатели вместе с автором репортажа «Из истории нашей страны» совершили интереснейшую экскурсию по музею «Румыно-русского боевого содружества» в Бухаресте. Дружба между русским и румынским народами очень старая, корни её уходят в века. Объединение румынских земель произошло при поддержке России. С помощью русского народа Румыния завоевала себе национальную независимость. Эта вековая дружба стала ещё крепче после того, как Советская Армия освободила нашу Родину от гитлеровского ига.

Журнал «Красный галстук» публикует многочисленные материалы о выдающихся учёных и артистах, об отважных исследователях далёких земель и о передовых рабочих. Многие рассказы, заметки, репортажи и письма, помещаемые в журнале, посвящены жизни пионерских отрядов. Вот поучительное событие, о котором мы узнаём из рассказа Костаке Антона «Волнение в отряде».

Пионера по имени Адриан покритиковал на сборе отряда его одноклассник Миша за то, что он не самостоятельно решает задачи, а списывает их у соседей, одним словом, за то, что Адриан относится к учёбе не так, как это требуется от пионера. Но вместо того, чтобы принять замечание товарища, Адриан задумал отомстить Мише. И вот, оставшись в классе один, чтобы списать задачу по арифметике у своего товарища по парте Митруца, Адриан замечает тетрадь Миши. Он вырывает страницы с заданными задачами из тетради Миши, но кладёт их по ошибке не к себе в тетрадь, а к Митруцу. Страницы обнаружены, и нечестный поступок поставлен в вину Митруцу. Адриан, настоящий виновник происшествия, промолчал. Этим дело не кончилось. Видя, что Адриан продолжает отставать по арифметике, Миша помогает ему в учёбе. Всё яснее понимает Адриан, как нехорошо он поступил по отноше-

нию к Мише и Митруцу, по отношению ко всему коллективу. И когда ребята собираются на сбор отряда, чтобы обсудить поступок Митруца, Адриан, хотя он и был в это время болен, приходит на сбор и находит в себе мужество признать свою ошибку.

Редакция журнала «Красный галстук» получает много писем от пионеров и школьников. В этих письмах читатели задают различные интересующие их вопросы, вносят предложения для последующих выпусков журнала. Через журнал пионеры делятся своим опытом. Раздел «Мы готовимся к экзаменам», который появляется в период экзаменов, всегда полон полезных советов.

Так, в одном из прошлогодних осенних номеров ученица 6-го класса «А» сельской школы Таня

Болба рассказывает о том, как коллектив помог Стефану Джурману, одному из слабых учеников. Благодаря этой помощи Стефан хорошо сдал экзамены. Журнал помещает фотографии отличников учёбы.

Но «Красный галстук» рассказывает не только о школе. Журнал развивает интерес у своих читателей к науке, технике, спорту и другим интересным делам. Так, многие румынские пионеры увлекаются филателией, и журнал уделяет ей много места на своих страницах. А в честь Четвертого Международного фестиваля студентов журнал организовал конкурс школьников-авиамоделистов.

Пионеры из кружка авиамоделистов при Доме пионеров Бухареста в письме, опубликованном в «Красном галстуке», обратились ко всем пионерам и школьникам Румынии с призывом соревноваться на лучшую модель в честь фестиваля. На этот призыв ответили многочисленные кружки авиамоделистов.

Почти в каждом номере журнала есть весёлая страничка и страничка игр и развлечений.

В журнале много выразительных иллюстраций, выполненных лучшими художниками. Это делает журнал еще более привлекательным.

Вначале я уже говорил о том нетерпении, с которым румынские пионеры всегда ожидают выхода своего журнала.

Редакция журнала «Красный галстук» старается делать журнал как можно интереснее, увлекательнее и разнообразнее. Вот почему непрерывно растёт число читателей журнала. Вот почему румынские пионеры ждут с таким нетерпением 1-е и 15-е числа каждого месяца.

Тибериу Утан,
румынский писатель.

В ЧАСЫ ДОСУГА

НАЙДИТЕ НА КАРТЕ

Название одного и того же месяца включают в себя четыре географических названия: центр автономной области, входящей в состав РСФСР, большой остров в Атлантическом океане, приток Рейна и река, впадающая в Чудское озеро.

Какие это названия и какой месяц в них упоминается?

А. Левшин

ПО АЛФАВИТУ

Каждый, кто хочет участвовать в этой игре, должен за пять или десять минут написать длинную цепочку слов.

Речь идёт не об отдельных словах, никак не связанных между собой, а именно о цепочке: каждое следующее слово должно начинаться с той буквы, какой предыдущее слово заканчивается.

Например: мотор-радио-опера. Как видите, каждые два соседних слова связываются одной и той же буквой.

Писать можно только имена существительные в единственном или во множественном числе. Собственные имена, то есть названия государств, рек, городов, фамилии и имена людей не пишите.

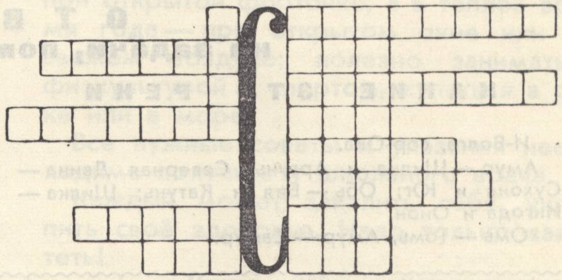
Можно добавить ещё одно интересное условие: все буквы, которыми будут связаны слова, должны идти в алфавитном порядке: а, б, в... и так далее.

Может быть, кое-кто из вас забыл, в какой последовательности расположены буквы в алфавите? Вспомним и запишем на всякий случай: а, б, в, г, д, е и ё примем за одну букву, ж, з, и, пропустим й, потому что с этой буквы слова не начинаются; к, л, м, н, о, п, р, с. На этой букве можно остановиться, дальше вам трудно будет подбирать слова, соответствующие условиям игры.

Если кто-нибудь не сумеет быстро вспомнить нужное слово, может пропустить одно звено цепочки.

Победителем будет считаться тот, кто за десять минут составит цепочку с наибольшим числом звеньев.

ПИСАТЕЛИ И ПОЭТЫ

Занимая каждую клетку одной буквой, напишите в горизонтальных рядах фамилии известных советских писателей и поэтов.

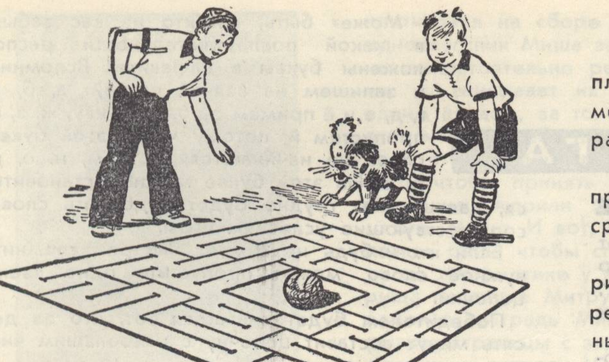
В фамилиях, которые вы напишете, буква «с» занимает места, показанные на рисунке.

Тамара Соколова,
ученица средней школы
села Тужа, Кировской области.

ЧТО ЗДЕСЬ НЕПРАВИЛЬНО?

Не спешите, ребята, с ответом. Только рассмотрев внимательно эту картину и подумав как следует, вы заметите здесь несколько несообразностей.

ЛАБИРИНТ

Во дворе ребята затеяли интересную игру. На площадке, покрытой асфальтом, они начертили мелом вот такой лабиринт, только, конечно, гораздо больших размеров.

Один за другим все участники игры пробовали пройти по запутанным коридорам лабиринта в средний квадрат, куда они положили мяч.

Попав в тупик, играющий выходил из лабиринта, шагая напрямик через коридоры, а очередной участник игры пытался найти правильный путь к мячу.

А как бы вы, ребята, решили эту задачу?

Саша Кленцов,
Молотовская область.

ОТВЕТЫ
на задачи, помещённые в № 5

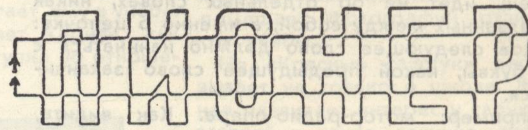
КАКИЕ ЭТО РЕКИ

И-Волга, сор-Ока.

Амур — Шилка и Аргунь; Северная Двина — Сухона и Юг; Обь — Бия и Катунь; Шилка — Ингода и Онон.

Омь — Томь, Амур — Самур.

КАК НАПИСАТЬ?

СОДЕРЖАНИЕ

На обложке:
рисунок Е. Яблонской
«Пионеры у памятника
Богдану Хмельницкому в Киеве».

Редколлегия: Ильина Н. В. (редактор), Каверин В. А., Кассиль Л. А., Маркова С. Е., Орджоникидзе В. Н. (заместитель редактора), Орлов В. И., Поддубная В. А. (ответственный секретарь), Прилежаева М. П., Сотник Ю. В., Шмаринов Д. А.

Адрес редакции: Москва, Д-47, улица «Правды», 24, комната 235, тел. Д 3-30-73.
Технический редактор А. Ефимова. **Рукописи не возвращаются.**

А 00664. Подписано к печати 26/IV 1954 г. Форм. бум. 84×108¹/₁₆. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.
Тираж 200 000 экз. Изд. № 347. Зак. 1001.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Закаляйся,

если хочешь быть здоров!

Великий русский полководец Суворов в детстве был хилым и болезненным мальчиком. А он мечтал стать военным. И вот Суворов решил во что бы то ни стало укрепить своё здоровье. И он постепенно так закалил себя, что мог зимой ежедневно, выбежав на снег, обливаться холодной водой. Такая закалка помогла Суворову совершить великие подвиги во славу нашей Родины.

В чём смысл закаливания?

Закаливание приучает организм быстро и легко приспосабливаться к переменам температуры. Закалённому человеку не страшно промочить ноги, пройтись босиком по холодному полу или земле, попасть под дождь, долго пробыть на морозе. Закалённый человек меньше страдает от жары и от холода, реже болеет.

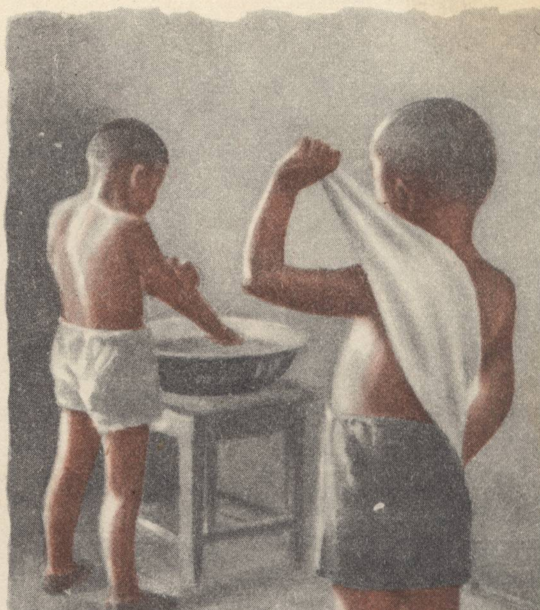
Как же надо закаляться? Нужно постепенно приучать себя к переменам температуры, не следует кутаться. Надо чаще подвергать кожу воздействию холодного воздуха (воздушные ванны) и холодной воды, приучить себя ходить босиком, легко одетым. По утрам, сделав гимнастику, надо обтираться водой — сначала тепловатой, затем комнатной температуры, а потом, привыкнув к обтираниям, делать их водой из-под крана или из колодца. Обтирания и воздушные ванны надо начать делать в тёплое время года и продолжать их круглый год.

Для закаливания полезно спать зимой при открытой форточке, а в тёплое время года — при открытом окне или на свежем воздухе; полезно заниматься физкультурой и спортом, купаться в реке или в море.

Все нужные советы и указания необходимо получить у школьного врача.

Каждый может закалить себя, укрепить своё здоровье. Надо только захотеть!

Центральный институт санитарного просвещения Министерства здравоохранения СССР.

Цена 2 р. 50 к.

Андрейка Врушкин стал юннатом

Ботаникой, ребята,
Я нынче занялся,
Я смелым стал юннатом
И сделал чудеса.

В труде я был упорен.
Упорство — мой девиз.
Вот из кофейных зёрен
И кофе и сервиз.

А вот пшеница с рожью,
Превкусная на вид,
И вот направо тоже
Невиданный гибрид!